

ЯПОНИЯ

ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА

БЕЕР

ИГРЯЛЬНЫЕ КАРТЫ В ЯПОНИИ

**ЯПОНСКАЯ РЫБА СОМ,
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ И ОЧЕНЬ
БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА**

ЧУДО-ПТИЦЫ ЯПОНИИ

**ДЗЮДЖУ: ПОВЕДА
УСТУПЧИВОСТЬЮ**

**НИНДЖУЦУ: НЕВИДИМОСТЬ НА
СВЕТУ**

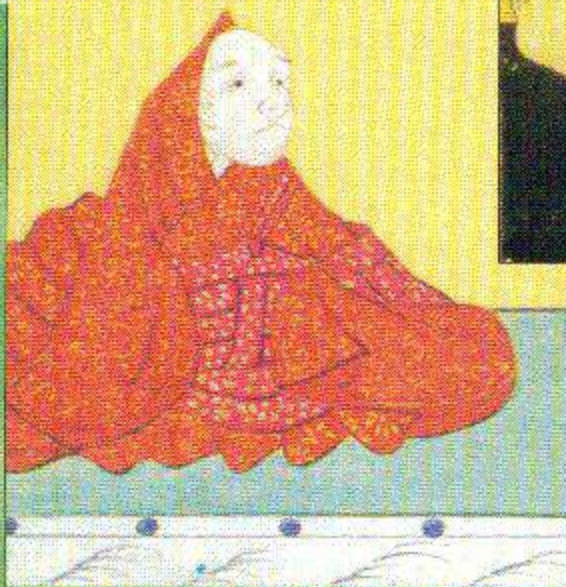
**ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПЕДАГОГИКИ В ЯПОНИИ**

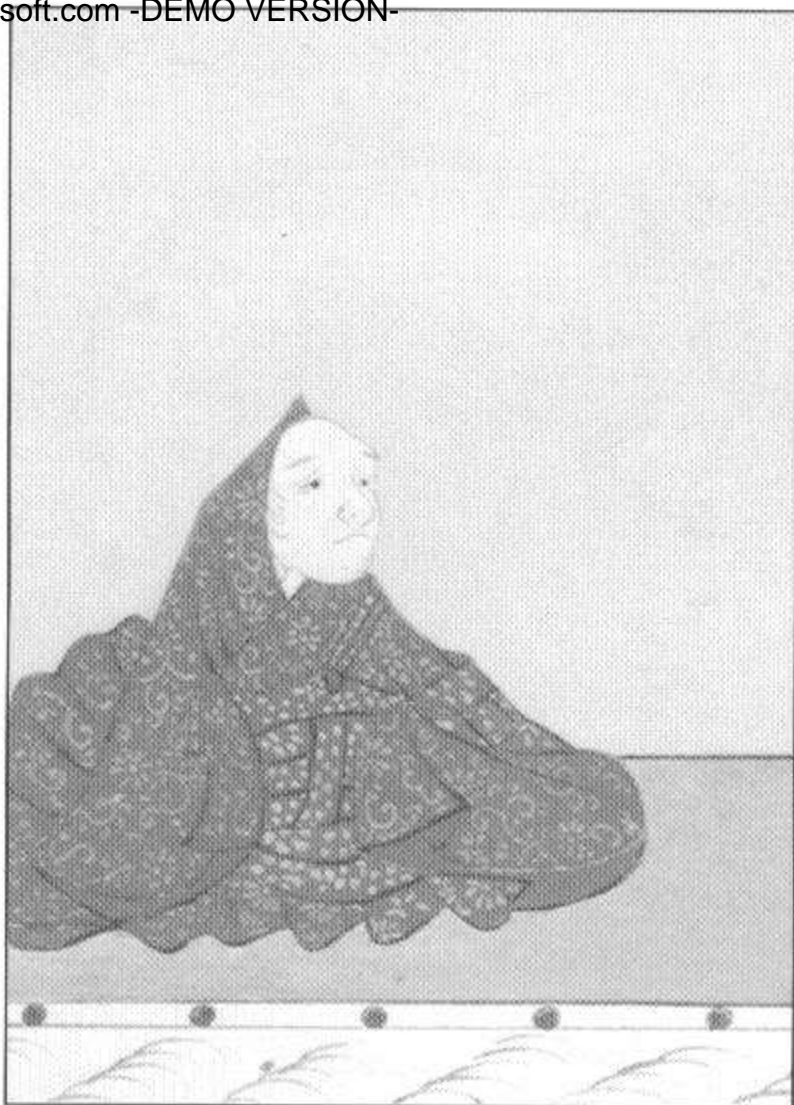
**ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК НА ПУТИ К
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

**СУСИ: ПОЗИВ ЦИВИЛИЗАЦИИ,
ПОСТРОЕННОЙ НА РИСЕ И
РЫБНЫХ КОСТЯХ**

ЯПОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Монах Дзиэна (1155-1225) считают первым японским историком. Предшествующие авторы свою главную задачу видели в регистрации фактов прошлого, а Дзиэн в своих «Записках глупца» создал самостоятельную концепцию исторического развития.

Дзиэн был представителем северной ветви рода Фудзивара, доминировавшего в придворной жизни на протяжении нескольких столетий. Сама принадлежность к этому дому уже служила гарантией блестящей карьеры. Три старших брата Дзиэна становились регентами императоров, а три сестры - императрицами. Однако ко времени жизни Дзиэна безотказный прежде механизм в значительной степени утратил свою действенность. Он был серьезно подорван в конце XI века, когда править страной стали не императоры на троне, а императоры бывшие, отрекшиеся от престола и принявшие монашеский постриг (система «инсэй» - правления императоров-монахов). Создавая параллельный двор, экс-императоры превращали прежние структуры власти в фикцию. И хотя Фудзивара продолжали удерживать за собой формально наиболее значимые посты регентов и канцлеров, они держали в руках пустоту.

Еще более серьезная угроза дому Фудзивара возникла вместе с усилением военного сословия самураев. Братья Дзиэна мало что могли противопоставить дружинам Тайра Киёмори (1118-1181). В 1179 г. Киёмори поместил экс-императора Госиракава (1155-1158) под домашний арест и возвел на трон трехлетнего Антоку, своего внука по материнской линии.

После смерти отца - регента Тадамити - десятилетний Дзиэн остался сиротой. Его отпразднили в буддийский монастырь Энрякудзи на горе Хиэй близ столицы Хэйан (Киото), где его наставником стал Какукай (1134-1181), седьмой сын императора Тоба (1107-1123). Впоследствии Дзиэн стал главой школы Тэндай и духовником императора Готоба (1183-1198). Он был вовлечен в интриги придворной жизни, которые стали еще более запутанными, когда Минамото Ёритомо одержал в 1185 г. победу над Тайра и основал сёгунат в Камакура (неподалеку от нынешнего Токио).

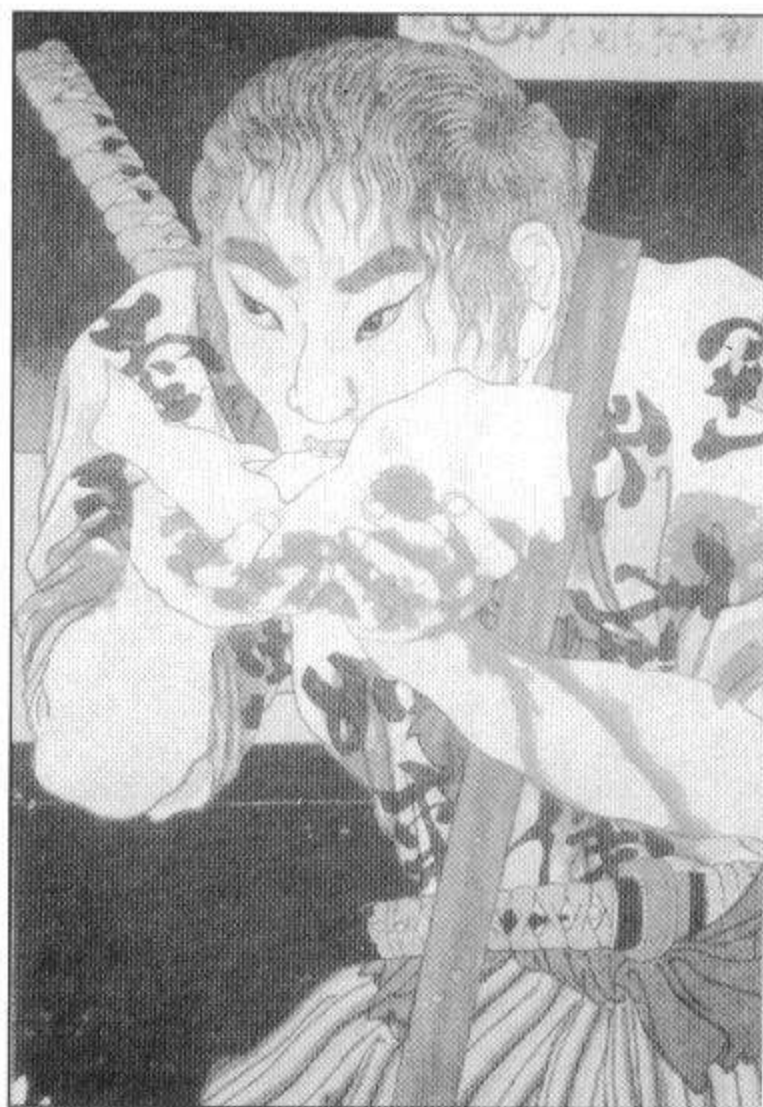
Вот в эти неспокойные времена Дзиэн и взялся за кисть. Он считал, что в 1052 г. наступил конец Закона Будды, взгляд учения Будды, нравы, политика пришли в упадок. В этом его убеждал весь ход японской истории, который свидетельствовал о том, что «золотой век» уже миновал. Человек не в силах остановить этот процесс всеобщей деградации, но «мудрец» (сам Дзиэн) все-таки может научить других, «как разрушать зло и созидать добро». По мнению Дзиэна, принципы управления были определены синтоистскими богами. Постричь их волю и повлечь в соответствии с ней - это и есть созидание добра. Согласно «Запискам глупца», императорскую форму правления создала прародительница правящего рода богиня солнца Аматаэрасу. В начале человеческой истории императоры правили самостоятельно. Затем Аматаэрасу заключила договор с Амэ-но Коянэ-но Микото - родовым божеством Фудзивара, и императоры стали править с помощью министров из этого рода. Теперь же к этой божественной двойце присоединился бодхисаттва Хатиман - родовое божество Минамото. В результате авторитет императора подкрепляется ученостью Фудзивара и военной мощью Минамото.

Однако не все аристократы были согласны поделить власть с военными. Своим трудом Дзиэн постарался переубедить их. Но далеко не все его идеи о сотруничестве императора, Фудзивара и Минамото были осуществлены. Как показал весь ход последующего развития, главную роль в исторической драме теперь надолго узурпировали военные. Но и правя страной, они не стали ликвидировать императорский двор, который пробыл в Киото до 1868 года. Может быть, в этом была и заслуга Дзиэна.

Имя Дзиэна осталось не только в истории, но и в литературе. В знаменитой антологии «Синкокинсю» ему принадлежит около 50 пятистиший-танка:

В источнике горном
Воды зачерпнул -
Разбилось луны отраженье,
И жажды еще утолить не успел -
Уж скрылась луна за горой.

(Перевод И.А.Борониной)

Сиси времен борьбы за реставрацию императорской власти

Последние годы правления сёгуна Токугава (1603-1867) были временем необычайной политизации японского общества. В то время система «сёгунат - княжества», сложившаяся еще в первой половине XVII в., переживала тяжелейшую системную кризис, больно ударивший по каждому японцу. Страшный голод 1830-х - 1840-х годов показал неспособность сёгуна эффективно управлять страной, а наглое вмешательство иностранных держав, добивавшихся «открытия страны», явственно обозначило перед японцами перспективу колониального порабощения и всколыхнуло японское общество. В стране развернулось движение под лозунгом «Сонно дзэй!» - «Почитай императора! Изгоняй варваров!» Его приверженцев современники называли «сиси» - «люди высоких устремлений».

Сиси происходили из беднейших самураев самых низких рангов. Нищета и невозможность продвинуться по служебной лестнице, где каждая ступенька заранее была занята выходцем из семьи более высокого ранга, вызывали у них разочарование и заставляли думать о причинах такого положения и способах его изменения. Плохо разбираясь во внутренней и внешней политике, причинах бедствий страны они считали непочтительностью вышестоящих к священной особе императора и вмешательством «иностранцев варваров». Призыв к готовности дать отпор «варварам», брошенный сёгунатом при появлении у японских берегов эскадры коммодора Перри в 1853 г., привел сиси в движение и вдохнул в них воинственный дух: никто еще в залах воинских искусств не было так много учеников, как в то время!

У сиси не было ни своей четко сформулированной идеологии, ни программы действий. Они считали, что решить все общественные проблемы очень просто: нужно изгнать «варваров» и уничтожить чиновников, нарушающих вассальный долг в отношении императора. И в полном соответствии с популярным в их среде учением китайского философа Ван Янмина, делавшего акцент на единстве теории и практики, немедленно перешли к прямым действиям: террору и заговорам. От рук сиси погибло немало «предателей», в том числе и главный министр сёгуна Ии Наосукэ (1815-1860), которого убили обвинив в том, что он злоупотреблял властью, не считаясь с «общественным мнением и моралью», презрел основы национальной религии и политики, пошел против национальных интересов, заключив договора с иностранцами и упразднив практику погрома и изображения Христа, и, вообще, «слишком часто шел на компромисс, изображая при этом национальную честь».

Первоначально сиси, по наивности убежденные в том, что устремления их сюзеренов совпадают с волей двора, считали себя верными вассалами, долг которых состоит в том, чтобы указать на ошибки господам, даже если за это придется поплатиться жизнью. Но позднее выяснилось, что даймё далеко не всегда были склонны следовать велениям двора, и сиси оказались перед трудным личным выбором. Многие из них бежали из своих княжеств в поисках защиты и службы в тех княжествах, правители которых демонстрировали большую приверженность делу императорского дома, или у аристократов в Киото, которые в условиях противостояния двора и сёгуна испытывали острую нужду в телохранителях, тайных агентах и гонцах. Это были опасные игры, и они часто заканчивались для сиси, отказывавшихся от покровительства этого благородной семьи, по их понятиям, путь. «Мы клянемся из них выбирали, что, когда императорский флаг поднимется вновь, мы пройдем через огонь и воду, чтобы освободить ум нашего императора от забот, исполнить волю нашего прежнего господина и очистить наш народ от зла», - писали осенью 1861 г. молодые фехтовальщики из княжества Тоса.

Действия эти в начале 1860-х годов создали в Японии грозную атмосферу. К этому времени на смену их старому лозунгу «Сонно дзэй!» пришел новый - «Сонно табаку!» - «Почитай императора! Уничтожь сёгунат!» Именно сёгунат, заключивший договора с Западными державами, теперь стал главным врагом сиси. В неравной борьбе с ним многие из них сложили свои головы. А плоды их опасных трудов достались... самурайской элите княжеств, которая, оценив сложившуюся ситуацию, поняла, что время покончить с сёгунатом пришло...

Учредители - ООО "Будо-спорт"

и А. М. Горбылёв

(Лицензия ИД № 04346)

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-95-24

E-mail: boss@budogroup.ru, sale@budogroup.ru;

http://www.budogroup.ru

Главный редактор - А.Н. Мещеряков

Заместитель редактора - А.М. Горбылёв

Коммерческий директор - С.А. Косоротов

Компьютерная верстка - А.Л. Иванов, А.В. Смирнов

Адрес редакции:

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06

E-mail: shigetsu@rol.ru (заместитель редактора)

boss@budogroup.ru

sale@budogroup.ru

Перепечатка материалов производится исключительно с согласия редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность информации публикаций, точность цифр и цитат, за содержание рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели. Публикуя материалы, редакция не всегда разделяет точку зрения их авторов. В переписку редакция вступает по своему усмотрению.

Отпечатано в типографии ОАО "Типография № 9",

г. Москва

© ООО "Будо-спорт", 2002 г.

Редакция приглашает к сотрудничеству в подготовке материалов и распространении сборника заинтересованные организации и частных лиц.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

А.Н. Мещеряков
Веер3

И.Э. Войтишек
История развития игральных карт в Японии.....5

А.Ф. Прасол
Особенности национальной педагогики в
Японии12

ЗЕМЛЯ

А.Н. Мещеряков
Японская рыба сом, землетрясения и очень
большая политика18

НЕБО

Е.С. Бакшеев
Чудо-птицы Японии21

ЛЕТОПИСЬ

А.Н. Хохлов
Японская печать о предстоящем визите в
Японию наследника русского престола Николая
Александровича весной 1891 г.26

СИЛА

А.М. Горбылёв
Дзюдзюцу: победа уступчивостью29

А.М. Горбылёв
Невидимый на свету39

СЛОВО

Нумано Мицуёси
Японский язык на пути к мировой
литературе.....44

«Путаница». Перевод М.В.Торопыгиной.....46

«Краткая история воинских искусств в
Японии». Перевод А.М.Горбылёва.....55

ЕДА

А.Н. Мещеряков
Суши: поэма цивилизации, построенной на рисе
и рыбных костях59

Н. Ганаль-Сердюкова
Суши: поэма цвета и первоэлементов.....60

ПУТЕШЕСТВИЯ

Г. Куликов
Поехали в Японию!.....61

ФОНАРЬ

Е.Б. Сахарова
При свете светлячков и снега. Японская
библиотека60

Колонка редактора

Вот уже и осень на дворе... В Японии горят клены, в России вышел в октябрьский свет третий номер нашего журнала. Кто-то считает своих цыплят, редакция же, вздохнув с облегчением в связи выпуском номера 3, немедленно закатывает рукава и садится за номер 4.

В этом номере читатель узнает много такого, про что ему прочесть больше нигде. Ну, например, статью Е. Войтишек про знаменитые японские игральные карты - со стихами, с цветами и многим другим: откуда взялись, как в них играть. С. Бакшеев написал нам про то, какие птицы в наибольшем почете у японцев. Тут есть и про вульгарную ворону и про столь же известную нам кукушку. Но есть и про птиц и птичек с более японскими или же латинскими названиями. Материал, на котором строится исследование, - богатейший: археология, миф, поэзия, современные верования. А вот профессор Токийского университета Нумано Мицуюси рассказывает про тех западных писателей, которые вдруг ни с того ни с сего стали сочинять романы по-японски. Автор даже утверждает, что японская литература становится чуть менее японской, чем была. Не знаю уж, обрадуется ли этому поклонник более традиционной японской литературы. А. Прасол делится своими наблюдениями о японской школе и университете. Из этих наблюдений читатель узнает про тот образовательный и потрясающе отлаженный конвейер, на котором делают этих чистеньких и аккуратненьких японцев. А. Горбылёв знакомит с очередными секретами японских «невидимок» ниндзя и старинным боевым искусством самураев дзюдзюцу. А. Хохлов поднимает интереснейший архивный материал: донесения российского посольства относительно настроений японской печати накануне визита цесаревича Николая в Японию. Тут поражает и полнота разведданных, и желание подружиться. Желание, которое, к сожалению, реализовано не было. Ваш покорный редактор озаботился землетрясениями. По его выкладкам выходит, что в древности японцы гораздо больше боялись засухи, чем землетрясений. Странно, не правда ли? Ну, и конечно, в этом номере читатель найдет продолжение «Путаницы» - романа XII века,

который довольно сильно меняет наши устоявшиеся представления о том, какие такие были эти аристократы. Е. Сахарова привычно анализирует книжные новинки. Без этого путеводителя читателю будет довольно трудно разобраться, какую книжку ему читать, а какую лучше не открывать. С этого номера мы начинаем и серию публикаций про японскую кухню. И открываем ее, конечно же, с суси. Для того чтобы гурман после прочтения журнала не просто бездумно наслаждался сырой рыбкой, а делал это со смыслом.

Не знаю, придется ли номер по душе читателю, но мне-то он понравился. Впрочем, что еще можно ожидать от главного редактора? Все равно не удержусь и скажу: побольше бы было таких номеров: новые темы, новые идеи, новые авторы, новые переводы. В общем, мы начинаем работу над зимним выпуском. Читателю же советую сломя голову бежать на почту и подписываться на наш журнал. Теперь он стоит в каталоге агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» на странице 461. Подписной индекс - 81641.

Александр Мещеряков

Авторы «Японии»

Бакшеев Е.С. Научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор работ по истории и типологии японского погребального ритуала.

Войтишек И.Э. Кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, автор ряда работ по истории японских карточных игр.

Ганаль-Сердюкова Н. - студентка Института Европейских культур и аспирантка ИВГИ (РГГУ)

Горбылев А.М. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Додзё. Боевые искусства Японии». Автор многочисленных работ по истории японских боевых искусств.

Мещеряков А.Н. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения

РАН. Автор и переводчик 18 книг, посвященных истории и культуре Японии.

Нумано Мицуюси. Профессор Токийского университета, автор многих работ по типологии русской и японской литературы.

Прасол А.Ф. Профессор Университета международной культуры и информации (г. Ниигата), автор ряда работ по истории японского образования.

Сахарова Е.Е. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, автор ряда работ по истории древней Японии.

Торопыгина М.В. Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор ряда работ по истории японской литературы.

Хохлов А.Н. Научный сотрудник Института востоковедения. Автор многих публикаций по истории Китая и Японии.

Александр Мещеряков

Веер

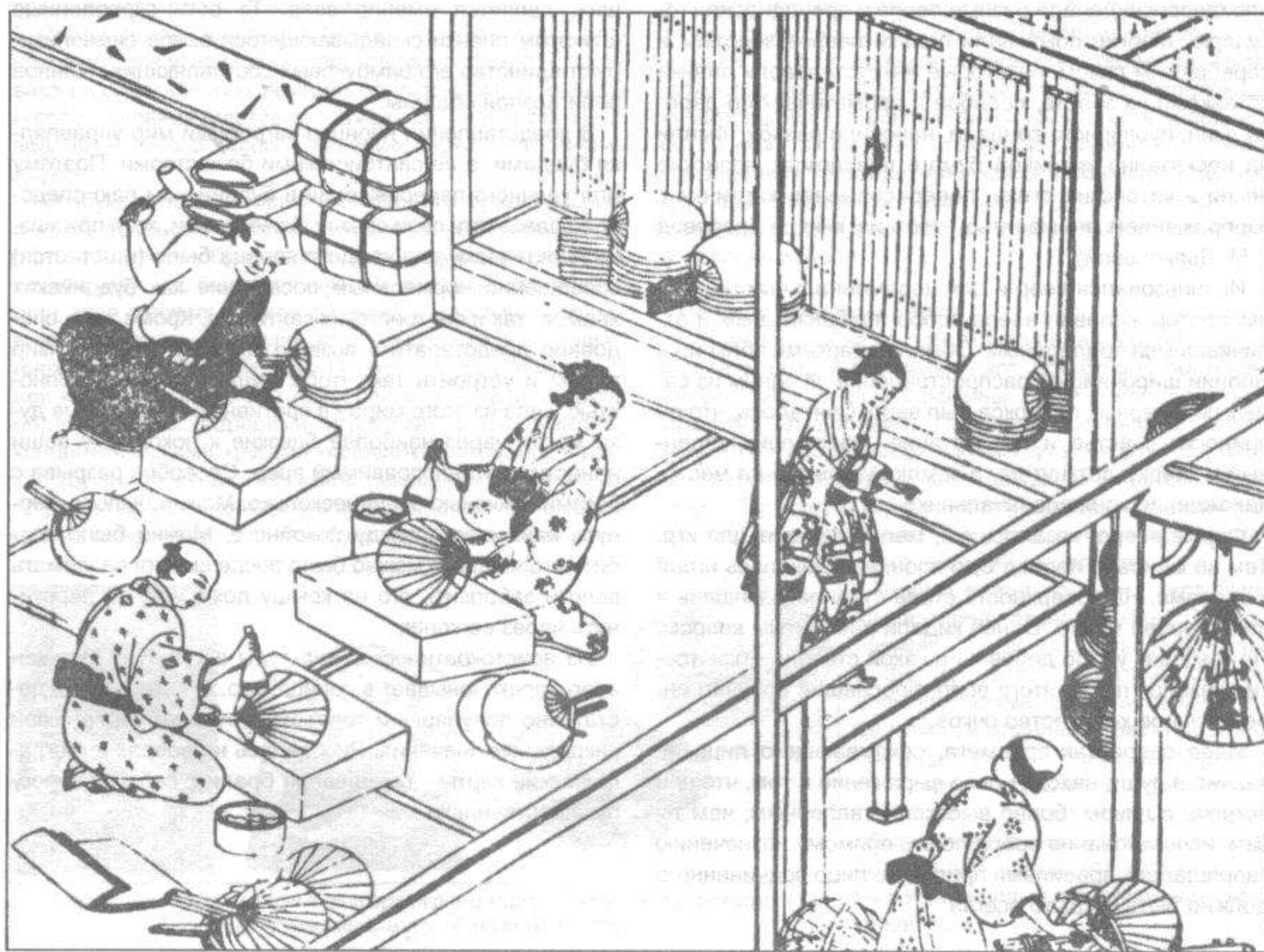
Под словом «веер» мы разумеем складывающийся предмет - несколько скрепленных у основания пластинок с натянутой между них бумагой или шелком. Такой веер, завезенный в Европу XVII века, был предназначен для спасения модниц от театральной духоты. В русском языке слово «веер» впервые фиксируется в 1724 г. (народный гибрид немецкого *Faecher* и русского «веять»).

Однако первоначальный веер не был складывающимся: это был лист бумаги (шелка), вклеенный в бамбуковую (деревянную) круглую (с закругленными краями) рамку. Он несколько походил на ракетку для игры в пингпонг (самой ранней формой такого веера было, видимо, опахало). Такой веер называется утива.

Предназначался этот веер-опахало не только для «вентиляции», но также и для защиты от солнца, комаров и сокрытия женского лица от посторонних взглядов (японский вариант паранджи). В средневековье японские женщины из высшего света полагали, что выстав-

лять свое лицо напоказ неприлично и даже опасно. Открытое лицо - все равно, что открытие собственного имени, делает тебя беззащитным - как перед мужчиной, так и перед недобрыми духами. Точно также считалось неправильным и обладать загорелой кожей. Одним из признаков «настоящей» красавицы, которая никогда не работала в поле, была белая кожа. Это должно было отличать ее от обычных, т.е. опаленных солнцем, крестьянок. Таким образом, веер обладал по крайней мере тремя основными предназначениями в повседневной жизни: заслоняться от солнца, направлять на себя ток воздуха и прятать лицо.

Веер утива известен в Китае на протяжении последних двух тысячелетий. А японцы заимствовали его не позднее VIII в., о чем имеются письменные свидетельства: в 762 году одному ветхому старику в виде особой милости было разрешено являться ко двору с посохом и веером. Помимо указанных целей, веер с металлической ручкой и металлической окантовкой (при этом са-

Этнография

ма лопатка делалась из покрытого лаком дерева) использовался также военачальниками самураев для руководства сражениями (в настоящее время такими веерами пользуются судьи в борьбе сумо - с помощью утива судья указывает на победителя схватки). В средневековом эпосе «Сказание о доме Тайра» повествуется о том, как могущественный военачальник Тайра Киёмори, застигнутый на переправе темнотой, взмахом веера заставил солнце вновь подняться на небосклон. Одна из многочисленных легенд о знаменитом полководце Такэда Сингэн (1521-1573) рассказывает о том, что с помощью взмаха веера Сингэн оборонился от теснивших его вражеских войск. В японских сказках вееру также отводится роль волшебной палочки. Веер - неперенный атрибут тэнгу - гибрида собаки и птицы, длинноносого демона, который обитает на вершине дерева, обычно сосны. С помощью взмаха круглого веера тэнгу может удлинять и укорачивать людские носы.

Кроме утива, в Японии получил распространение и складной веер (ооги или сэнсу). Считается, что веер ооги был изобретен в Японии, а затем был заимствован китайцами - редчайший для древности и средневековья случай. Обычно поток технологической информации был направлен прямо в противоположную сторону. Поэтому веера (наряду со знаменитыми японскими мечами) служили предметом экспорта в Китай.

Складной веер ооги появляется в период Хэйан. С этих пор он сосуществует с веером утива. Складывающийся веер украшали живописью и стихами. В историческом сочинении «Окагами» говорится, что «придворные делали разные веера и преподносили государю. Многие покрывали планки вееров золотым и серебряным лаком, некоторые инкрустировали планки вставками из золота, серебра и ароматического дерева дзин, пурпурного сандала, наносили резьбу, писали на несказанно красивой бумаге неведомые японские песни и китайские стихи, перерисовывали картинки с изображением знаменитых мест из книг...» (перевод Е.М. Дьяконовой).

Использовался веер и для церемониальных целей - император жаловал веера особо приближенным и отличившимся придворным. Обмен подарками получил в Японии широчайшее распространение. И одним из самых популярных подарков был веер. Считалось, что он приносит счастье и процветание. Веер, прикрепленный к древку, воткнутому в землю, указывал на местонахождение коня военачальника.

Форма веера, казалось бы, мало подходит для игр. Тем не менее, в период Эдо японцы увлекались игрой с веерами. На поверхность стола ставилась мишень в виде дерева гинкго. В нее кидали раскрытым веером. По тому, как упало дерево и в какой степени открытости оказался после этого веер, бросавший получал определенное количество очков.

Идея веера как предмета, сокрывающего лицо, а значит, и душу, находит свое выражение в том, что при встрече с лицом, более высокопоставленным, чем ты сам, использование веера по его прямому назначению запрещалось правилами приличия: лицо подчиненного должно быть открыто всегда.

Веер является также неперенным аксессуаром актера в средневековом театре Но, который дожил и до сегодняшнего дня. В представлениях Но каждый персонаж обладает присущим только ему веером. Если это китаец, у него в руках будет круглый веер утива. Веера с черными пластинами (их должно быть пятнадцать) предназначаются для мужских и женских ролей, со светлыми - для стариков и монахов. На веере старцев-рассказчиков изображаются символы долголетия - сосна, журавль и черепаха, воины-победители появляются на сцене с веером, на котором изображено солнце на фоне сосновой ветки, а у побежденных солнце рисуется над бурлящими волнами (намек на морское поражение клана Тайра от воинов дружины Минамото в морской битве при Данноура, 1185 г.). И так - с каждым персонажем. Получается, что с помощью веера обозначается та роль, которая отводится данному персонажу в театральном действе.

Поскольку при обмахивании веером совершаются движения, направленные как к себе, так и от себя, в ритуалах веер используется с двойной целью. С одной стороны, веер способен прогонять злых духов, а с другой - акцентированное движение веера к себе предназначено для вызывания божеств. Поэтому веер широко используется в ритуальных танцах, исполняемых в синтоистских святилищах. В связи с этим неперенным атрибутом одеяния жреца является веер. Зафиксированы также случаи, когда веер считают за главную храмовую святыню, в которой обитает божество.

Одним из терминов, обозначающих общину верующих, является именно веер. То есть скрепленные штифтом планки складывающегося веера символизируют единство его бамбуковых составляющих - членов религиозной общины.

В представлении японцев загробный мир управлялся буддами, а не синтоистскими божествами. Поэтому для удачного перерождения в буддийском раю следовало разорвать свои связи с божествами, хотя при жизни практически для каждого японца было (и остается) совершенно нормальным посещение как буддийских храмов, так и синтоистских святилищ. Кроме того, следовало предотвратить возврат духа покойного в мир живых и устроить так, чтобы душа покойного полностью ушла из этого мира - в противном случае злые духи могли через наиболее близкие к покойному вещи нанести ему непоправимый вред. Способов разрыва с богами и жизнью было несколько. Можно было вывернуть наизнанку одежду покойного. Можно было разбить его чашку. А можно было после смерти разломать веер и забросить его на крышу дома или же перекинуть через ее конек.

Из аристократической культуры в культуру горожан веер переключивается в период Эдо. Он становится достаточно популярным товаром и отчасти теряет свои сакральные значения. Рисовались на веерах и географические карты - такие веера брали с собой в дорогу путешественники.

Елена Войтишек

История развития игральных карт в Японии

В Японии с глубокой древности известны «соревнования в изящном», в числе которых наиболее значимыми были поэтические, музыкальные турниры, состязания в искусстве приготовления ароматов, турниры хризантем и многие другие. В этот же ряд можно поставить и карточные развлечения.

В истории происхождения и развития карт в Японии следует выделить два этапа: собственно японская «докарточная» система, и система, появившаяся на японском архипелаге в XVI веке вместе с приходом европейских торговцев и миссионеров, которые завезли в Японию те сделанные из бумаги карты, которые известны в Европе и в настоящее время.

Игры, предшествовавшие картам

Истоки японской карточной системы уходят корнями в средневековье. Ее предтечей стали игры, связанные со складыванием, с присоединением по определенным критериям одних вещей и предметов к аналогичным. Этот период можно назвать периодом моноавасэ («сопоставление вещей»). Множество таких игр бытовало в среде аристократов в период Хэйан.

Среди видов моноавасэ можно отметить такие развлечения, как утаавасэ («сопоставление стихов»), каиавасэ («сопоставление раковин моллюсков»), ханаавасэ («сопоставление цветов»), огиавасэ («сопоставление вееров»), завасэ («сопоставление картин») и многие другие.

Особую роль в истории японских игр суждено было сыграть каиавасэ, поскольку именно с ней связывается дальнейшее преобразование этого развлечения в карточную игру. Это была популярная, особенно среди женщин, игра с использованием редких и диковинных раковин моллюска хамагури, игра, связанная с составлением и подбором друг к другу двух створок раковин. В ней использовалось 360 таких раковин. В центре круга, образованного сидящими игроками, выкладывались концентрическими кругами половинки раковин - дзикаи (букв. «лежащие на земле раковины»), обычно 12 штук. Затем из специального ящика доставали по одной другие половинки - дасигаи (букв. «выставляемые ра-

вины»). Задача заключалась в том, чтобы отыскать среди них совпадающие по рисунку раковины. Найдя пару, игрок накрывал створкой дасигаи лежащую на «земле» створку дзикаи. Отсюда и один из вариантов названий игры - каиоои («накрывание раковин»). Игрок, у которого набиралось самое большое количество совпавших половинок раковин, объявлялся победителем.

Игра в раковины первоначально была популярна только в аристократических кругах, но в дальнейшем она получила распространение и среди самурайского сословия. К началу эпохи Эдо (1603-1868) в эту игру стали играть и обычные горожане. К тому времени содержание состязания изменилось: на внутреннюю часть раковин наносились либо рисунки с сюжетами, взятыми из популярных литературных произведений (например, из знаменитой «Повести о Гэндзи»), либо отрывки стихотворений.

По аналогии с игрой каиоои, сначала в круг выкладывали створки раковин с написанной на внутренней части заключительной частью стихотворения. Затем, держа в руке створки дасигаи, где были написаны начальные строчки стихотворений, играющие старались из множества раковин подобрать соответствующие друг другу половинки, чтобы составить полное стихотворение. Такие полностью подходящие друг к другу пары раковин ассоциировались с понятием энмусуби, то есть «соединение судеб» (так же назывались прикрепленные к ограде или деревьям на территории храма таблички с именами мужчины и женщины - как залог будущего брака). Со временем возник даже обычай дарить молодоженам пару раковин каиоои.

Первые японские карты

С появлением на японском архипелаге европейцев, а вместе с ними и бумажных карт, произошло постепенное вытеснение игр в раковины: люди сочли бумажные карты более удобными. Появились сделанные уже из бумаги поэтические карты ута-карута («карты со стихами») и изобразительные карты э-карута («карты с картинками»). Принципы игры при этом оставались прежними, т.е. под «японскими картами» понимается игра, более всего напоминающая лото.

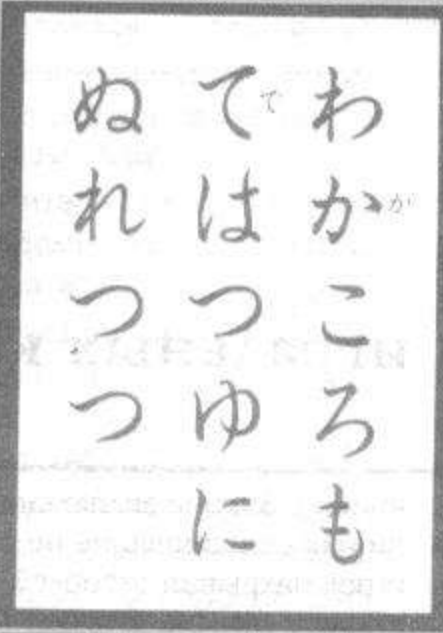
Форма и вид японских карт были чрезвычайно разнообразны. Помимо прямоугольных, существовали карты в форме веера, в форме фигуры японских шахмат сёги, гребенки, в виде тонких и длинных бумажных полосок и др. Помимо бумажных карт, были и карты на дощечках, ита-карута.

Говоря о традиционных картах, обычно имеют в виду, прежде всего, поэтические карты ута-карута и карты с изречениями и пословицами ироха-карута.

Ракушки хамагури и первые литературные карты, связанные с сюжетами из романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи-моногатари»

Этнография

Поэтические карты ута-карута

1. Карта для чтения ёмифуда с полным стихотворением (для ведущего):

Аки-но та-но	«На осеннем поле
Карихоно ихо-но	Непрочный приют осенен
Тома-о арами	Сквозной плетенкой.
Вага коромо дэ ва	Оттого-то мои рукава
Цю-ни нурэцуцу	Что ни ночь от росы намокают».

(Пер. В. Сановича)

2. Карта для игроков торифуда, на которой представлена заключительная часть стихотворения:

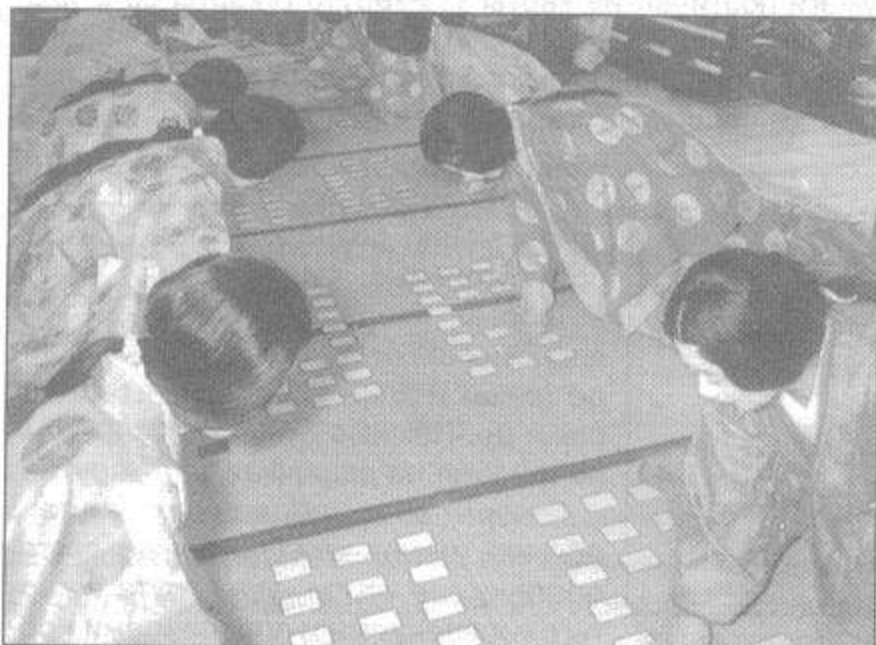
...Вага коромо дэ ва	«... Оттого-то мои рукава
Цю-ни нурэцуцу	Что ни ночь от росы намокают».

Поэтические карты ута-карута, разработанные на основе широко известной поэтической антологии XIII в. «Сто стихотворений ста поэтов» («Хякунин иссю»), составленной прославленным поэтом и филологом Фудзивара-но Тэйка, пользовались наибольшей популярностью у любителей карточных игр. Поэтические карты, аналогов которым нет нигде в мире, являются такой игрой, где сочетаются познавательный-обучающий момент, и азарт. Колода состоит из 200 карт: 100 карточек для чтения (ёмифуда), на которых стихотворение написано полностью, и 100 карточек торифуда, где написана только вторая половина стихотворения. Карточки торифуда используют играющие. Задача игроков состоит в быстром подборе своих карточек к соответствующим стихотворениям, которые зачитывает ведущий. По сию пору в поэтические карты играют в семьях (в основном, во время новогодних праздников).

В преддверии новогодних праздников такие соревнования проводят среди знатоков поэзии и любителей этой игры по всей Японии. На сегодняшний день существует даже особая коммерческая лига, 50 лучших игроков которой ежегодно разыгрывают титул мэйдзин (мастер), а также звания Короля и Королевы.

Другой популярный и в средневековье, и в настоящее время вид интеллектуальных игр - карты ироха, представляющие собой своеобразную миниантологию народных изречений, буддийских и конфуцианских афоризмов. Их можно считать вариантом поэтических карт ута-гарута.

Поэтический алфавит ироха имеет форму стихотворения, состоящего из 4-х фраз, в которых слоги не повторяются, содержащего размышления буддийского толка о бренности земного существования:

Турнир по поэтическим картам

иро ха ниho хэдо
тири нуру о

«Красота сияет. Миг -
И увяла вся.

вага ё тарэ дзо
цунэ нара му

В нашем мире что, скажи,
Пребывает ввек?

уи но оку яма
кэфу козэ

Грани мира суеты
Ныне перейдя,

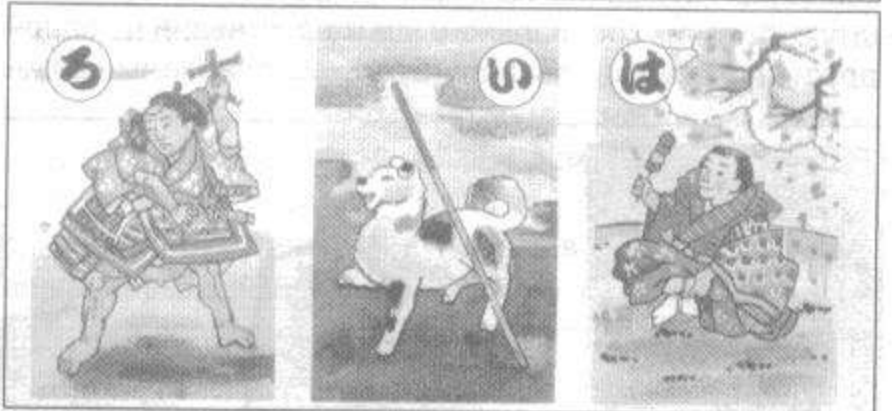
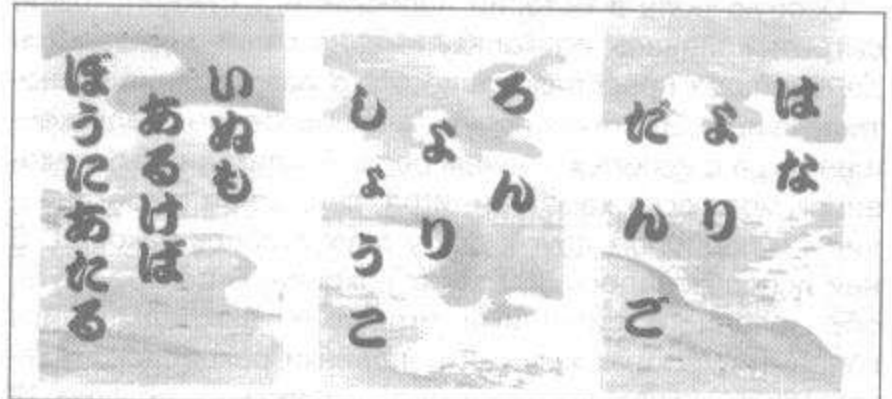
асаки юмэ мидзи
эхи мо сэдзу

Брось пустые видеть сны
И пьянеть от них».

(Пер. Н.И. Конрада)

На основе этого алфавита и возникла своеобразная карточная игра, в которой каждому знаку поэтического алфавита стала соответствовать народная поговорка или книжное изречение (буддийское или конфуцианское).

Со второй половины эпохи Эдо (XVIII - XIX вв.), когда бумажные карты европейского образца повсеместно утвердились на островах, карты ироха стали использоваться в качестве прописей и материала по чистописанию. Недаром в японском языке наряду с названием ироха-ута («стихи ироха») сохранился термин тэнари-ута, что означает «стихи для чистописания», «стихи для упражнения в каллиграфии».

Карты с поговорками ироха-карута
Верхний ряд: карты для чтения ёмифуда (для ведущего) с записанными полностью поговорками

Нижний ряд: карты с картинкой эфуда (для игроков) с начальными знаками и-ро-ха и изображениями, иллюстрирующими основную идею поговорки.

Японизация европейских карт

Слово карута произошло от португальского carta и довольно быстро адаптировалось в японском языке.

Первые карты, которые стали выпускать в Японии с приходом «южных варваров» (так в средние века называли испанцев, голландцев, португальцев, а также жителей Индокитая, Индонезии и Филиппин), изготовляли в местечке Микэ (сейчас это город Омуда) на острове Кюсю. Связано это было с

тем, что многие феодальные князья даймё, владения которых находились на Кюсю, поначалу относились весьма благосклонно к контактам с иностранцами. Север Кюсю в те времена считался местом средоточия христианских миссионерских школ, это был район, где контакты японцев с европейцами были наиболее активными.

Первые карты, изготовленные в Микэ, были настоящим произведением искусства. Они были дороги и использовались, в основном, самураями и высшей знатью. Затем производство карт переместилось в Киото, а вслед за этим карты стали изготовлять в Осака и Эдо (старое название Токио). С возросшей популярностью карт для «простого» народа стали изготавливаться более дешевые карты: оборотную сторону делали из тонкой бумаги черного или коричневого цвета, а лицевую - обрабатывали лаком и каолином. Такой способ изготовления сохранился и до наших дней.

При заимствовании европейских карт японцы внесли в их оформление определенные изменения. Так, появились карты под названием тэнсё. Аналогично европейским картам, в них тоже были представлены четыре масти: коппу («чашечки для сакэ», или «кубки»), ору («монеты»), хау («жезлы») и ису («мечи»). Что касается «стоимости» карт в игре, то очки начислялись от единицы до девятки; затем следовали «монах» (10 очков), «всадник» (11 очков) и «военачальник с мечом» (12 очков). На карте, соответствующей тузу («военачальник с мечом»), изображался дракон, поэтому такая карта часто именовалась «карта с драконом». То есть каждая масть была представлена 12 картами, и колода состояла из 48 карт. В настоящее время карты с такими изображениями используются в японском варианте бриджа.

На смену картам тэнсё пришли карты унсун. Своё название они получили из португальского языка (um означает «один», sum(mo) - «наивысший», «наилучший»). В

Первые «западные» карты, появившиеся на японском архипелаге в XVI в.

картах унсун добавилась еще одна масть, карта «дракон» обособилась от «военачальника», количество карт в колоде возросло до 75. Каждая масть была представлена следующими шестью картами с изображениями: коси («король» = «князь» = «воин»), ума («всадник на лошади»), хаи («дракон»), сота («королева»), ун и сун. Категория карт ун изображала пять богов счастья: Дайкоку (бог богатства), Дарума (Бодхидхарма, основатель дзэн-буддизма), Хотэй (бог изобилия), Эбису (бог богатства и торговли), Дзюродзин (бог долголетия). Карта сун изображала знатного китайца в черном головном уборе. По внешнему виду карты унсун существенно отличались от карт тэнсё - рисунки на картах, в основном, приобрели японизированные черты (при этом изображения «мечей» и «жезлов» сохранили свой прежний вид).

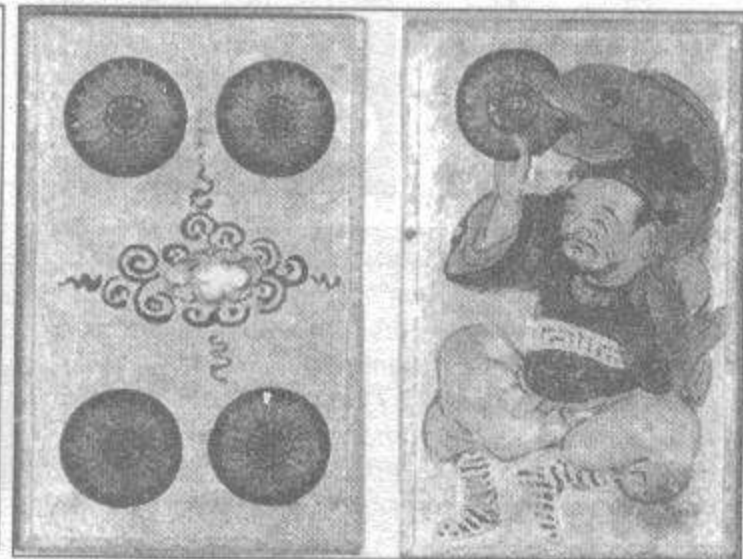
На первых порах служившие для отдыха, развлечения и удовольствия, постепенно азартные игры в карты стали оказывать нежелательное для правительства влияние на самураев и горожан, которые слишком увлеклись игрой на деньги и стали забывать о своих основных обязанностях. И сёгунат карты запретил. Однако, судя по тому, как часто издавались подобные указы, запрет не оказал особого воздействия на азартных игроков, которые, однако, были вынуждены соблюдать осторожность. В современном языке до сих пор сохранилось выражение: «ун-томо сун-томо иванай», что буквально означает: «не говори ни ун, ни сун». Это выражение звучало как предостережение держать язык за зубами, соблюдать осторожность и быть начеку.

Цветочные карты ханафуда

В начале XIX в. были изобретены своеобразные «цветочные карты» - хана-карута (или ханафуда), которые стали любимым развлечением японцев. Этот вид карт совершенно отличается от всех карт «южных варваров»

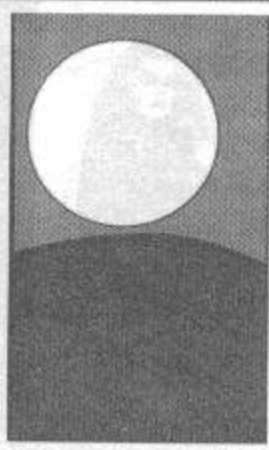

Первые японские карты в «западном» стиле (тэнсё-карута карты, соответствующие ранжиру «король», «королева» и «дракон»)

Японизированные «западные» карты унсун-карута

Этнография

Цветочные карты ханафуда

1. Февраль - слива («Соловей на сливе»)
2. Март - сакура («Занавес на сакуре»)
3. Август - мискант («Луна над мискантом»)

4. Сентябрь - хризантема («Чарка в хризантемах»)
5. Октябрь - клен («Олень в кленах»)
6. Ноябрь - ива («Митикадзэ в ивах»)

и до сих пор пользуется заслуженной любовью японцев.

В этих картах, на которых изображены луна, цветы, животные и птицы, и где можно найти указания на исторические предания и легенды, отражается вся прелесть тонкого восприятия жизни и понимание ее естественного течения, чувствуются подлинная любовь японцев к природе, переживания человека, ощущающего себя частью единого и великого целого.

В том виде, в котором цветочные карты в настоящее время дошли до нас, они представляют собой колоду из 48 карт с изображением деревьев, цветов и растений, соответствующих четырем сезонам двенадцати меся-

цев года: сосна, слива, сакура, глициния, ирис, пион, леспедеца, мискант, хризантема, клен, ива, павлония. То есть место привычной нам масти заняло время года.

Набор растений, используемых в цветочных картах, не случаен: на протяжении многих столетий все они в традиционной культуре Японии значили неизмеримо много, продолжают играть огромную роль и в современной жизни. Это в равной мере касается повседневной жизни и традиционных народных праздников, синтоистско-буддийской культовой обрядности, литературы и искусства, - словом, всех тех сфер, в которых отражаются представления японцев о природе, времени и прекрасном.

Карты путешествий поэта-странника Басё («Басё-таби-карута»):

А. Карточка для чтения ёмифуда (для ведущего) содержит одно трехстишие хайку, принадлежащее кисти Басё (мелким шрифтом идет описание парка в Нара со статуями будд):

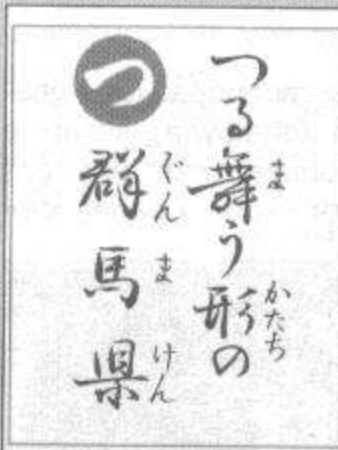
Кики-но ка я Аромат хризантем
Нара-нива фуруки В капищах древней Нары
Хотокэ-тати Темные статуи будд.
(Перевод В. Марковой)

В. Карточка для игроков эфуда с изображением фрагмента парка и названием места (Нара), где побывал поэт.

Например, на картах, соответствующих февралю, изображены ветки цветущей сливы, на самой дорогой из них карте нарисован и соловей (так обычно переводят на европейские языки название самой популярной японской певчей птицы - камышовки) в ветках сливы - традиционный поэтический символ начала весны¹.

Март - время цветения знаменитой сакуры, и изображение на карте подчеркивает пышность пиршества во время ханами - любования цветами.

Осень издавна была богата праздниками, связанными с культом природы. Осень ассоциировалась с луной, когда люди во время любования полнолунием (цукими) устраивали ночные празднества и благодарили богов за хороший урожай (церемония цукими отражается в картах августа - мискант); с любованием алыми листьями клена, а вместе с ни-

Карты префектуры Гумма («Дзэмо-карута»)

А. Карточка для чтения ёмифуда (для ведущего) содержит наблюдение географического характера: Цурумау катати-но Гумма-кэн, что означает «Префектура Гумма по форме напоминает танцующего журавля»

В. Карточка с картинкой эфуда (для игроков) с изображением 19-го знака алфавита ироха Цу

Карты с цветами («Хана кадо»)

А. Карточка для чтения ёмифуда (для ведущего) содержит описание внешнего вида ириса аямэ: Ханабира-но амимэ моё га о-сярэна аямэ, что означает: «Плетеный узор лепестков кокетливого ириса»

В. Карточка с картинкой эфуда (для игроков) с изображением ириса Аямэ и соответствующего (1-го) знака алфавита годзюон А

¹ Читателя не должно смущать, что февраль - это начало весны. Традиционный календарь японцев - лунный, где первый месяц (с которого начинается год и весна) обычно приходится на конец января - начало февраля.

ми и оленями, бродившими в кленовых зарослях в поисках подруги (в картах это октябрь). К осенним изображениям относятся и хризантемы (в цветочных картах им соответствует сентябрь). По традиции, пришедшей из Китая, праздник хризантемы приходился на 9-й день 9-го месяца. В этот день исполнялся, в частности, ритуал преподнесения друг другу чашечек саке с крошенными в них лепестками хризантем, что было пожеланием долголетия и залогом избавления от несчастий. Этот ритуальный напиток

назывался кикумисакэ («саке для любования хризантемой») или кикусакэ, кикуханасакэ, что переводится как «саке с лепестками хризантем»). На самой дорогой карте, соответствующей сентябрю, изображена такая чашечка саке рядом с хризантемой.

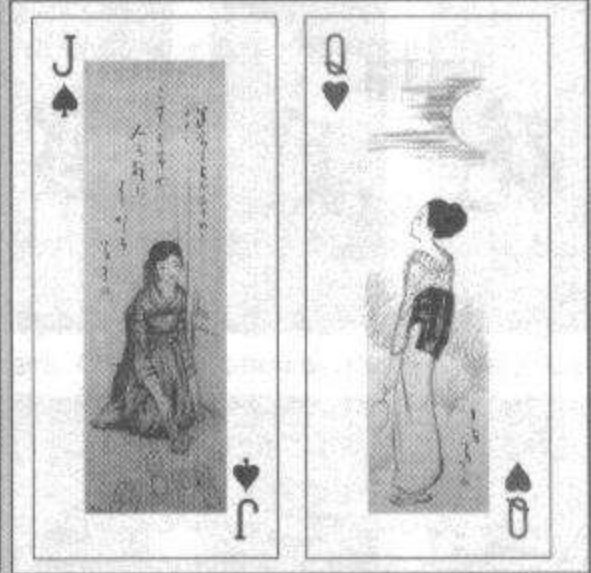
С появлением изображения ивы (ноябрь) связана легенда об Оно-но Митикадзэ (или Оно-но Тофу, 896-966) - знаменитом поэте и каллиграфе, который, наряду с Фудзивара-но Юкинари и Фудзивара-но Сукэмаса, считается одним из трех великих мастеров каллиграфии эпохи Хэйан. Отличительной чертой его стиля является отказ от подражания китайской манере письма. Легенда повествует, что как-то раз, гуляя в саду под дождем, Оно-но Митикадзэ увидел, как лягушка изо всех сил старается запрыгнуть на ветку ивы, свисающую над землей. Упорство лягушки произвело на него большое впечатление, и, ободренный, он сам воспрянул духом: если уж маленькая лягушка показывает чудеса упорства и настойчивости, то человеку тем более следует всегда неуклонно добиваться своей цели.

Современные карты

В начале XX века было создано огромное число карт по различным сферам и областям знаний - восприняв европейскую форму бумажных карт, японцы сумели превратить их в средство познания. Среди этой серии карт можно отметить образовательные карты по истории рэкиси-карута и связанный с этой тематикой целый ряд карт с изображением ремесленников и их инструментов, китайских воинов, женщин-воительниц, дворцовой утвари, разных видов оружия, кораблей феодальных князей; карты по географии; карты, при помощи которых игроки соревнуются в изложении сказок; карты с изображением сюжетов из традиционных пьес; карты по спортивной тематике - борьба

Образовательные карты кёйку-карута
Карты с гравюрами укиё-э, в которых собраны гравюры эпохи Токугава, представленные творчеством признанных мастеров жанра - Хокусая, Хиросигэ, Кунисада, Эйсана, Киёнага, Утамаро, Сяраку, Эйси.

Оригинальные карты Юмэдзиро («Ориджинару юмэдзиро-торампу»), представляющие творчество известного художника начала XX в. Такэхиса Юмэдзиро, прославившегося серией женских портретов

сумо и бейсбол, и т.д. Была разработана и серия карт специально для школьников - для обучения счету, с изображениями транспортных средств, с популярными героями комиксов, с животными и растениями; карты, основанные на знании зодиакальных животных и символов из традиционного 60-летнего цикла; «семейные карты», сделанные по типу тематического лото и основанные на классификации различных семей и их членов в зависимости от социального статуса и профессии: например, семьи с «говорящими фамилиями» - семья главы фирмы Кайся Мамору («Защитник Компании»), врач Кэнко Хакару («Оценивающий Здоровье»), семья рабочего Майнити Докити («Успешно Работающий Каждый День»). Существуют также и другие типы карт, обеспечивающих быстрое ассоциативное запоминание иероглифов и развивающих образное мышление игроков.

Помимо хорошо известных и исторически закрепленных в духовной культуре Японии поэтических, цветочных карт и карт с пословицами, изобретены новые карты, основанные на идеях этих традиционных карт, что говорит о том продуктивном заряде, который был заложен в них с самого начала. К ним можно отнести:

- развивающие идеи поэтических карт («Карты путешествий поэта Басё»; «Карты со знаменитыми трехстишиями хайку» и др.);
- развивающие идеи ироха («Карты с оборотнями»; «Карты префектуры Гумма» и др.);
- карты с иероглифами («Карты с иероглифическими

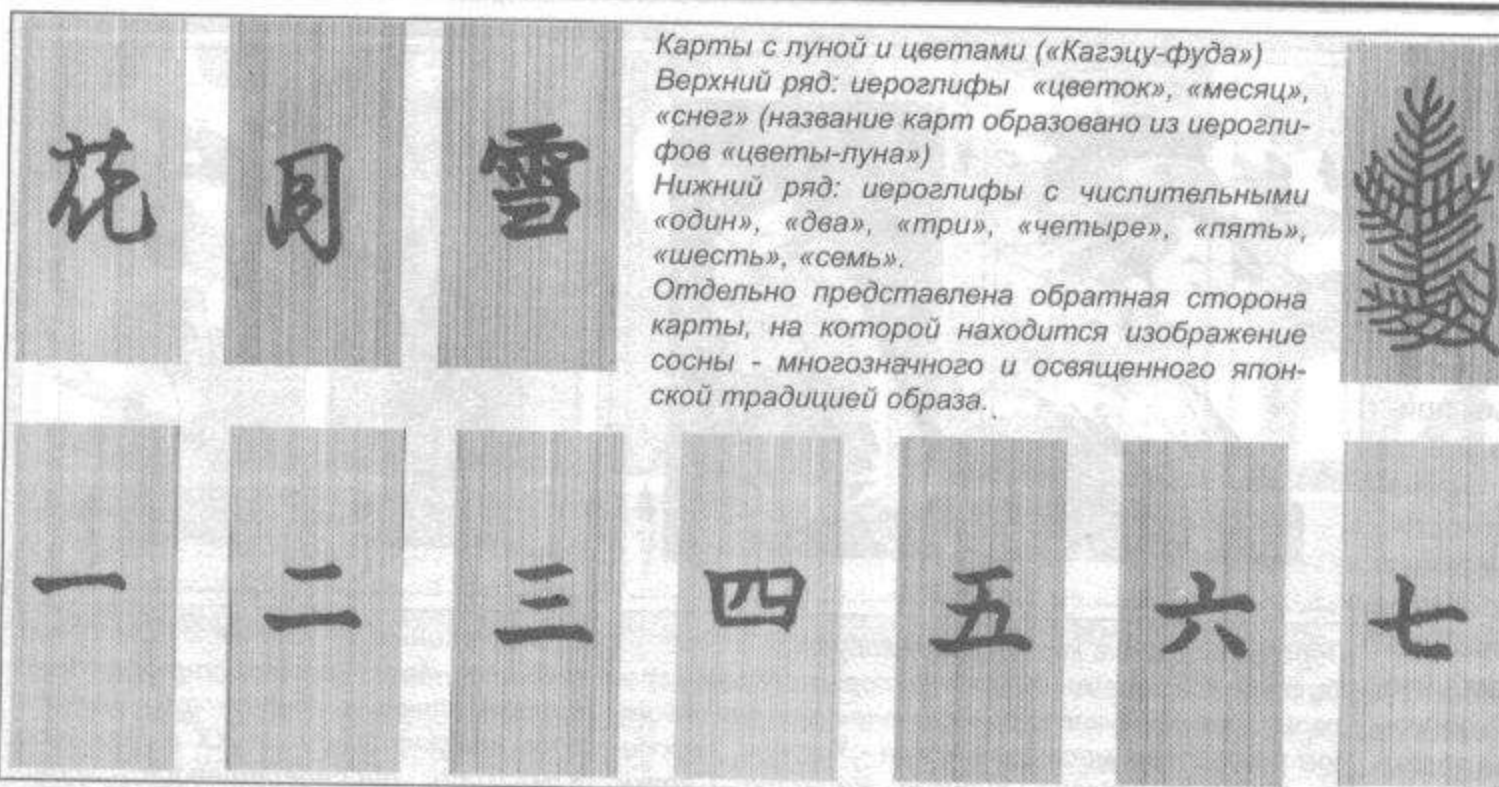
Карточная игра «космос» («Утю кадо гзму»), знакомящая играющих со всеми планетами, с солнцем, луной в разных состояниях (например, фазы и затмения), с такими небесными телами и явлениями, как метеориты, кометы, черные дыры.

Карты по происхождению иероглифов («Кандзи нари-тати-карута») А. На карте торифуда для игроков в наглядной форме показан порядок трансформации рисунка-идеограммы в иероглиф со значением «женщина» В. На карте ёми-фуда (для ведущего) даны версия объяснения составных частей знака, изображение самого иероглифа, указаны варианты его чтения.

Карты по происхождению иероглифов («Кандзи нари-тати-карута») А. На карте торифуда для игроков в наглядной форме показан порядок трансформации рисунка-идеограммы в иероглиф со значением «женщина» В. На карте ёми-фуда (для ведущего) даны версия объяснения составных частей знака, изображение самого иероглифа, указаны варианты его чтения.

Этнография

Карты с луной и цветами («Кагэцу-фуда») Верхний ряд: иероглифы «цветок», «месяц», «снег» (название карт образовано из иероглифов «цветы-луна»)

Нижний ряд: иероглифы с числительными «один», «два», «три», «четыре», «пять», «шесть», «семь».

Отдельно представлена обратная сторона карты, на которой находится изображение сосны - многозначного и освященного японской традицией образа.

тами»; «Карты десяти ароматов» и пр).

Кроме того, следует иметь в виду, что компьютерные достижения дают возможности, до настоящего времени неизвестные: несколько лет назад были созданы компьютерные версии игр в поэтические, цветочные карты, а также в карты с посло-

ключами»; «Карты происхождения иероглифов»; «Карты с загадками» и др.);

карты на дощечках ита-карута («Карты с луной и цве-

вицами ироха. Словом, меняется мир, меняются и формы бытования традиционных развлечений, но любовь японцев к своим картам по-прежнему сильна.

Игра в раковины²

Девятая луна была на ущербе. Куродо-но Сёсё, сопровождаемый юным слугой, шел по предрассветной улице, подобрав полы своих шаровар. Сгустился утренний туман - никто не видел Куродо. Куродо обронил: «Вот бы найти сейчас какой-нибудь приятный дом, да такой, чтобы и ворота были не заперты...» Не успел он сказать так, как из утопавшего в зелени особняка слышались слабые звуки цитры-кото. Сердце Куродо забилось быстрее, и он обошел вокруг ограды, пытаясь найти лаз, но глинобитная стена повреждена нигде не была. Куродо подумал в волнении: «Что за дама играет столь превосходно?» И тогда он велел своему слуге, который обладал приятным голосом, прочесть стихотворение:

На рассвете
Звуки цитры
Зачаровали меня...
Остановился -
И дорогу забыл.

Ожидая появления обладательницы цитры, Куродо совсем обмер, но только никто и не подумал выйти к нему, и потому он направился дальше. И вскоре очутился возле особняка, перед которым сновали туда-сюда прехорошенькие девочки, куда вбегали юные и взрослые слуги - кто-то бережно держит на поднятых вверх ладонях прелестные коробочки, у кого-то из широких рукавов торчат очаровательные письма.

Куродо стало любопытно, и он, избегая людских глаз, прокрался в сад - встал среди метелочек густо росшего мисканта. И тут увидел спешившую в его направлении прелестную девочку лет восьми-девяти; из-под темно-сливовой верхней накидки виднелась нижняя, бледно-лиловая, в руках - лазуритовый кувшин с ракушками. Куродо наблюдал за ней со смущением, и тут, заметив рукав его одежды, она вскрикнула: «Здесь кто-то есть!»

Застигнутый врасплох Куродо произнес: «Не шуми

так! Мне надо с тобой поговорить, поэтому я и спрятался здесь. Подойди-ка поближе!»

«Завтра у нас такое важное дело, мне совсем некогда с вами разговаривать», - произнесла девочка скороговоркой и совсем было уже собралась убежать, но только любопытство Куродо распалось, и он сказал: «Чем же это ты так занята? Расскажи мне - и тогда я сумею помочь тебе». Тут девочка переменяла свое намерение скрыться и встала, как вкопанная. «Наша молодая хозяйка Химэгими и ее сводная сестра госпожа Хингаси решили устроить игру в раковины, они собирали их последние несколько месяцев. Хингаси помогают важным придворным дамам - Тайфу и Дзидзю, а Химэгими при ходится справляться в одиночку, она очень волнуется. И потому она велела мне найти кого-нибудь, кто отправился бы к ее старшей сестре за подмогой».

- А можно было бы мне взглянуть хоть в щелочку, что там подделывает твоя госпожа? - спросил Куродо.

- Лучше вы об этом с кем-нибудь другим поговорите. Матушка запрещает мне такие штучки проделывать».

- Что за глупости! Уж я-то умею держать язык за зубами! Выиграет твоя хозяйка или проиграет, зависит целиком от тебя. Ну, так что? Проведи-ка меня поближе».

Девочка забыла про свои опасения: «Хорошо, я согласна. Я придумала, где вам спрятаться. Только поторопитесь, пока не поднялся шум». С этими словами она отвела его к боковому входу на западной стороне дома - там, где были навалены грудой ширмы.

«Да, попал я в переделку - доверился какой-то девочке. А что, если меня обнаружат?» - с беспокойством думал Куродо. Всмотревшись в глубь дома, он насчитал там более десятка девушек лет четырнадцати-пятнадцати. Были там и совсем малышки - вроде той, что привела его сюда. Одни раскладывали раковины по ящичкам, другие закрывали их крышками. Было шумно. Затем из-за полога возле бамбуковых занавесок показалась сама Химэгими. Ей было не больше тринадцати лет. Волосы спадали ей на лоб. Она была настолько

² Рассказ приводится в средневековом сборнике «Цуцуми-тюнагон моногатари». Он фиксирует реалии того времени, когда игра в раковины еще не приобрела своего законченного вида, - на створках раковин еще не писали стихов. В рассказе не описывается процесс игры, но из контекста понятно, что речь идет о состязании, в котором побеждает тот, кто предъявит более красивые раковины и оформительские проекты (например, упоминаемый в рассказе макет морского побережья).

очаровательна, что казалась существом из какого-то иного мира. Ее накидки представляли собой сочетание багряного, зеленого и лилового цветов. Химэгими подперла щеку рукой и выглядела весьма подавленной. Куродо стало жаль ее.

Тут появился мальчик лет десяти. Одет он был как-то небрежно - накидка окраса опавших листьев, штаны - какого-то неопределенного цвета. Он подошел к мальчику одних с ним лет и показал ему чудесные раковины, которые он извлек из прелестного - чуть меньше коробки для тушечницы - ящичка из сандалового дерева. Мальчик разложил раковины и сказал:

- И где я только не был! Весь дворец обошел! Пошел к госпоже Согэдэн и она дала мне вот эту... Дзидзю сказала мне, что Тайфу получила в подарок много раковин от госпожи Фудзицубо... Всех обошел. На обратном пути все беспокоился, как вы тут...

Лицо мальчика покрылось краской смущения.

Услышав слова своего братика, Химэгими огорчилась еще больше:

- И зачем только я затеяла эту глупость? Почему из-за этих раковин поднялся такой шум?

- Почему, почему... У тебя самой ведь ничего не получается! А мать Хингаси, говорят, послала людей к жене самого Внутреннего министра! Ах, если бы была жива наша матушка... Все было бы по-другому.

Мальчик был готов разрыдаться.

Куродо наблюдал за происходящим с сочувствием. Тут его знакомая девочка сказала: «Сюда направляется госпожа Хингаси! Прячьте скорее раковины!» Раковины попрятали в кладовку. Присутствующие расселись с самым невинным выражением на лицах.

Вошла Хингаси. Она была чуть постарше Химэгими. Сочетание цветов ее одежд было выбрано неудачно - ярко-желтый, красный и коричневый. Волосы Хингаси были превосходны и чуть-чуть не достигали пола. Но Куродо показалось, что ее внешность не шла ни в какое сравнение с Химэгими.

Хингаси сказала:

- Почему вы не показываете мне тех раковин, которые добыл младший брат Химэгими? Вообще-то мы договорились не предпринимать ничего заранее, и я твердо держалась этого, не приготовила ни одной. Теперь полагаю, что была неправа. Может быть, все-таки дадите мне несколько раковин, тех, что покрасивее?

Куродо был неприятно удивлен ее оскорбительным тоном и решил, что должен помочь Химэгими.

Химэгими сказала:

- Мы тоже ничего не предпринимали. Мне непонятно, о чем это вы говорите?

При этом она сидела совершенно неподвижно - Куродо еще раз оценил ее красоту.

Хингаси огляделась вокруг и ушла.

Знакомица Куродо, окруженная несколькими девочками, уселась прямо напротив Куродо и начала молиться: «О, «Сутра Каннон», которой поклонялась матушка! Сделай так, чтобы моя госпожа победила!» Куродо при этом ощущал себя статуей Каннон. Он боялся, что девочка помянет в молитве и его самого, но только остальные девушки вдруг повскакивали и скрылись, кто куда. Куродо вздохнул с облегчением и тихонечко прочел:

Плачут и плачут:

Раковин нет.

Волны катят,

Сердце мое несут

Прямо в ваши объятья.

Тут одна из девочек сказала:

- Слышите? Кто-то спешит нам на помощь!

Другая спросила:

- Кто там?

- Это сама Каннон!

- Вот радость-то! Надо Химэгими сказать!

Радость радостью, но только девочки от страха разбежались.

Куродо забеспокоился, поскольку глупое стихотворение могло выдать его. Однако девочки подбежали к Химэгими и сказали только следующее: мы молились о том-то и о том-то и тут нам был голос Каннон - такой-то и такой-то.

Химэгими весьма обрадовалась и спросила:

- В самом деле? Сама Каннон обещалась помощь? Даже страшно как-то!

Тут вся ее печаль куда-то улетучилась, глаза заблестели - хороша!

Девочки говорили так забавно:

- А что, если Каннон свою доброту окажет, и раковины так и станут с потолка падать!

Куродо решил было немедленно возвратиться домой и придумать нечто такое, что могло бы помочь Химэгими победить, но при свете дня он не мог сделать этого без опасения быть обнаруженным, и потому ему пришлось провести в своем укрытии целый день. И только когда стало смеркаться, он незаметно исчез.

Вернувшись домой, Куродо взял имевшийся у него великолепный макет извилистого морского берега, сделал в песке углубление и поставил в него чудесную коробочку, наполнив ее самыми разнообразными ракушками. Поверх них он положил створки раковин, сделанные из золота и серебра. После этого он начертал мелкими знаками:

Если доверитесь

Волнам синим,

Подойдите поближе:

Увидите сердце мое,

Что раковинами полно.

Привязав стихотворение к своей посылке, Куродо вручил его юному слуге. Они прибыли к дому Химэгими еще перед рассветом. К ним выбежала давешняя девочка. Весьма довольный своей придумкой, Куродо сказал:

- Я не обманул тебя и пришел на помощь! - С этими словами он достал из-за пазухи изумительную коробочку и продолжал:

- Никому не говори, откуда она взялась. Положи ее вместе с другими. Но ты должна мне предоставить возможность увидеть, что случится сегодня.

Девочка радовалась безмерно.

- Спрячьтесь в том же месте, что и вчера. Никто вас там не увидит.

Оставив подарок у южной лестницы, Куродо проследовал в свое укрытие. Он увидел два десятка девушек в праздничных одеждах. Когда они подняли деревянные решетки перед окнами, то увидели подарок.

- Откуда это? Откуда?

Кто-то сказал:

- Это не дело рук человеческих! Это вчерашняя Каннон послала нам подарок! Вот ведь добрая какая!

Они кричали так радостно и так громко, что Куродо наблюдал за происходящим с нескрываемым удовольствием.

(Перевод А.Н. Мещерякова)

Особенности национальной педагогики в Японии (личный опыт русского сэнсэя)

В последние годы развитые страны сталкиваются с постоянно усложняющимися задачами, которые требуют новых подходов в обучении и воспитании. С одной стороны, современное производство и управление всюду в мире требуют специалистов, способных обрабатывать большие объемы информации, принимать решения с учетом множества факторов и т.д. С другой стороны, интенсификация и усложнение труда повышают в цене те национальные особенности образования (воспитания), которые столетиями складывались в разных странах безотносительно к тому, что когда-то они вдруг могут оказаться востребованными современным обществом.

Япония в этом отношении являет собой очень яркий пример. В период Токугава в течение двух с половиной веков страна была практически изолирована от внешнего мира. Выезд за границу или самовольные контакты с иностранцами карались смертной казнью. За это время в обществе устоялись определенные представления и традиции, многие из которых продолжают действовать по сегодняшний день. Это в полной мере относится к процессу обучения и воспитания. После поражения Японии во второй мировой войне японское образование было определено американскими специалистами как непригодное к дальнейшему использованию и было коренным образом реформировано. Однако многое осталось неизменным. И эта оставшаяся часть, по общему признанию, сыграла важную роль в тех экономических чудесах, которые Япония продемонстрировала изумленному миру во второй половине XX века. «Как нужно учить и воспитывать ребенка, чтобы он работал так, как работают японцы?» - задаются сегодня вопросом во всем мире.

Многолетний опыт преподавания в японских университетах позволяет мне утверждать, что японские подходы к воспитанию принципиально отличаются от западных. Они имеют огромные, ничем не компенсируемые в других культурах преимущества, и столь же глубокие, органически присущие системе и не исправляемые в одночасье, недостатки. Именно эти, формировавшиеся веками, преимущества оказались востребованными и сыграли решающую роль в том, что разбитая наголову и не имеющая собственных природных ресурсов страна в кратчайшие сроки отстроила вторую в мире экономику и обеспечила своим гражданам высокий уровень жизни. А недостатки стали главной мишенью критики, когда выяснилось, что подготовленные в японской системе кадры не способны самостоятельно решать те задачи, которые еще не приходилось решать никому в мире. А именно это требуется от страны, вышедшей по многим показателям на лидирующие позиции.

Школа

Итак, что же это за система, которая позволяет догнать кого угодно, но не позволяет выйти вперед? О японском воспитании как явлении специфическом и в высшей степени экзотичном написано горы книг. Поэтому попробую лишь дополнить знания читателя личными наблюдениями из японской педагогической практики.

Японская система воспитания представляет собой целый комплекс главных и второстепенных принципов, правил и методов. Они начали разрабатываться еще в XVII веке основоположниками японской педагогики Накаэ Тодзю, Каибара Экиэн и другими учеными. Ее главное положение: ребенок - это существо в психологическом отношении принципиально отличное от взрослого, поэтому с ним надо вести себя принципиально иначе. «Нельзя из ребенка сразу сделать взрослого, каждому возрасту должны предъявляться свои требования, ограничения в поведении должны вводиться постепенно», - говорили эти ученые. Регулярные сообщения журналистов о том, что японские дети вообще не плачут, а мамы спокойно разрешают им сидеть в лужах, свидетельствуют: нынешние родители и дети добросовестно выполняют заветы классиков.

Полномасштабная и целенаправленная работа по подготовке настоящих членов японского общества начинается с первого класса школы. В первые дни дети в школе практически не учатся. Они приходят в нее с мамами на час-другой, как на экскурсию. В школе им показывают, что такое парта, как за нее садиться и как удобно ставить портфель. Особое внимание - этикету: как здороваться, как прощаться, как слушать учителя, как задавать вопрос, как отвечать. С этого начинается приучение к важнейшей части взрослой жизни - соблюдению формальных норм поведения. Многочисленные этикетные требования сопровождают японца в течение всей его жизни, поэтому их усвоение начинается с раннего детства. На двери учительской комнаты мое внимание привлек листок бумаги, на котором было написано:

Для учеников, входящих в учительскую Инструкция

1. Аккуратно постучать в дверь два или три раза.
2. Получив разрешение учителя, войти, извиниться.
3. Коротко изложить суть дела.
4. Закончив разговор, извиниться.
5. Выйти, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Привычка неукоснительно соблюдать установленные правила - одна из главных целей школьного воспитания. В любой деятельности, даже творческой, всегда заранее определяются нормы допустимости, которых следует придерживаться. Так, если ученики средней школы решили снять на кинокамеру видеофильм о своей школе, то заранее будет определена его продолжительность, основные объекты съемки, распределены функции между участниками и т.п. Решение математической задачи оригинальным способом удостоится сдержанной похвалы учителя, но будет непременно сопровождено замечанием о том, что она была решена, хотя и быстро, но не надлежащим способом. А это - недостаток. Точность и аккуратность действий, следование установленным правилам ценятся выше импровизации, даже самой талантливой. Если школьная команда по бейсболу выезжает на игру в другой район, то заранее составляется детальный дневной план от подъема до отбоя с указанием времени в пути. Свободного времени, когда члены группы предоставлены самим себе, обычно не бывает. Одна из обязанностей школьного санитарного комитета - регулярные проверки учеников на наличие трех необходимых вещей: пакетик бумажных салфеток, носовой платок (безопасность на случай пожара) и постриженные ногти. Конечная цель - добиться того, чтобы все ученики всегда соответствовали этим требованиям.

Принадлежность к группе и признание со стороны группы - важнейшее условие жизни в Японии. Поэтому одна из задач воспитания - выработка умения подчинять свои действия и желания ее интересам. Первое, что делает учитель, когда дети освоились в школе, - делит класс на группы по пять-шесть человек. Причем в одну группу обязательно объединяются ученики с разными способностями, характерами и задатками. В ней есть лидер, второй и третий номера и пара-тройка аутсайдеров. Разумеется, эти роли определяет сам учитель, и ни при каких условиях не афиширует их, понимая, что они будут и должны меняться. Хорошим педагогом считается учитель, который сумеет добиться слаженной работы всей группы в выполнении поставленной задачи. Любые конфликты в группе должны быть исключены - это главное правило. Японские школьные группы очень напоминают октябрятские «звездочки» или пионерские «звенья» в советской школе. Но с одной существенной разницей: японцы сумели добиться настоящей действенности такой организации.

Каждый класс, как и вся школа, состоит из большого числа групп или комитетов. В комитеты записываются добровольно, выбирая занятие по душе. Есть комитет, отвечающий за кормление животных в живом уголке, комитет по радиотрансляции, санитарно-гигиенический, библиотечный, комитет по меню и т.д.

Принадлежность к группе подчеркивается в школе разными способами. В основной (7-9-й классы) и старшей средней школе (10-12-й) ученики обязаны носить униформу. С первого по шестой класс школьники могут одеваться свободно, но элементы групповой принадлежности все же присутствуют. Так, всем первоклассникам выдаются видные издали ярко-желтые кепочки (для безопасного перехода улицы). Начиная со второго класса, они получают уже два

стандартных головных убора разного цвета: один на лето, другой на зиму, а родителям школа в письменной форме сообщает, когда их надо менять. Во время школьных соревнований по бегу все участники делятся на две команды. Время нескольких лучших представителей (трех или пяти) идет в общий зачет, по которому и определяется победившая сторона. Чемпионов школы и призеров в личном зачете не бывает.

Поскольку взрослый человек по меркам японской педагогики является существом иного порядка, чем ребенок, то учитель ни в коем случае не имеет права быть авторитарным в нашем понимании. Поэтому, успокаивая после перемены расшумевшийся класс, он скорее всего не станет устрашающим голосом требовать тишины, а скажет, что ученики не дают возможности работать соседнему классу. И это будет проявлением все того же метода - приучить ребенка подчиняться не одному конкретному человеку, хотя бы и авторитетному учителю, а группе, пусть даже таких же учеников, как он сам. Нормы японского группового поведения, особенно в детских коллективах, все еще недостаточно известны за рубежом. Они диктуют поступки и распределение ролей, совершенно непонятные для непосвященных иностранцев. В качестве примера можно привести чисто японскую модель поведения группового лидера. Известно, что в любом детском коллективе лидера обычно отличают физическая сила и пренебрежение опасностью, смелость. Лидер японской группы в дополнение к этим качествам должен быть еще и ответственным организатором, защищать своих подопечных и заботиться о них. Иногда забота может принимать чуть ли не отеческий характер и граничить с обслуживанием. Если у кого-то из «опекаемых» обнаруживается, например, пропажа чего-то ценного, лидер обычно первым бросается на поиски. Правда, это вовсе не мешает ему в остальное время демонстрировать свое превосходство над тем же опекаемым в любой форме, в том числе и с применением насилия. Впрочем, опека старшего члена группы над младшими вполне вписывается в традиционный для Японии патерналистский образ мудрого конфуцианского правителя.

В начальной школе дети учатся шесть лет, и все это время им практически не ставят оценок. Вернее, ставят, но чисто формально - только для того, чтобы было основание для перевода в следующий класс. Главное же условие для перевода - не уровень знаний школьника, а его возраст. Нерушимый принцип японского образования: все дети, достигшие шестилетнего возраста, должны поступить в начальную школу и через шесть лет ее закончить. Все виды экстерната или ускоренное прохождение обучения для способных детей, равно и как и оставление на второй год, не признаются в принципе. В начальных школах не допускается формирования классов из более сильных или более слабых учеников, негативно относятся в Японии и к ранней специализации: только в частных начальных школах, которые можно пересчитать по пальцам, есть классы с углубленным изучением математики и английского языка. Всеобщая унификация - важнейшая отличительная черта обязательного девятилетнего образования, которым охвачено практически 100% детей. Этот сегмент об-

Зеркало

разовательной системы полностью контролируется государством - в общественных школах учатся 97% всех школьников. Без особой боязни ошибиться можно утверждать, что в любой части страны в одно и то же время ученики одного возраста изучают один и тот же материал, преподаваемый одинаковыми методами. Школьные здания, классы, спортивные залы, вспомогательные помещения - все построено по типовым проектам и одинаково оборудовано. Ученик, переехавший из столичной начальной школы в небольшой провинциальный городок, не всегда обнаружит разницу в школьном ландшафте.

По содержанию обучения японская начальная школа - самая унифицированная среди развитых стран мира. В этом отношении она уступает только южнокорейской. Попутно можно заметить, что ее антиподом является французская начальная школа, в которой на повторное обучение ежегодно остается около 10% всех учеников. Только половине французских школьников удается пройти пять начальных классов, ни разу не оставшись на второй год. В конце 80-х годов в советской начальной школе на второй год оставалось около 2% учеников.

В основной средней школе осуществляется ежегодная ротация школьников - каждый год состав классов меняется. В конце года ученик в письменном виде может подать в учебную часть заявление, в котором указывает фамилии трех друзей, с которыми он хотел бы учиться вместе дальше, а также трех учеников, с которыми хотел бы расстаться. При формировании классов дирекция старается учитывать эти пожелания, но предупреждает, что это не всегда возможно, и претензии, естественно, не принимаются.

В Японии никогда не практиковалась учеба в две смены. Первый урок в разных школах начинается между 8 и 9 часами утра, последний заканчивается между 2 и 3 часами дня. После этого все ученики выходят на уборку классов, коридоров и других школьных помещений, которая производится ежедневно, пять дней в неделю. Начальная, основная средняя и старшая средняя школа всегда размещаются в разных зданиях, поэтому число учеников в одной школе не очень велико, что делает ее более управляемой.

Японское общество имеет жесткую иерархическую структуру, и дети со школьного возраста начинают адаптироваться к ней. Система старшинства пронизывает все отношения между старшими и младшими учениками и культивируется специальными мероприятиями с первого года обучения. Во многих школах будущих первоклассников знакомят с их персональными кураторами из пятых классов еще до поступления. Таким образом, при поступлении в школу у каждого первоклассника уже есть опекающий его шестиклассник. Отношения между ними должны строиться по конфуцианскому принципу «почтение - покровительство». Особенно строго соблюдаются внешние, формальные признаки иерархии. Мальчики одного возраста могут называть друг друга по имени, фамилии или даже кличке, но в присутствии учителя - только по фамилии, с добавлением упрощенно-вежливого суффикса *кун*. А к любому ученику, который старше, хотя бы на год, следует обращаться только по фамилии с добавлением вежливого суффикса *сан*. И никто не смеет нарушать это правило,

даже самые сильные и авторитетные лидеры классов. Во многих школах практикуется назначение сроком на один год классных старост. Это - официальные лидеры. Если учитель задерживается к началу урока, они должны занять класс чем-либо полезным и следить за порядком, во время обсуждений выполняют роль координаторов, а обо всех нарушениях или случаях неподчинения обязаны докладывать учителю.

Учитель занимает верхнюю ступеньку в школьной иерархии, уважение к нему также прямо связано с возрастом даже по названию: почтительное обращение *сэнсэй* означает «родившийся раньше». Его роль гораздо выше, чем в европейской или американской школе, которая видит свою главную цель в обучении предметным знаниям. По японским представлениям, учитель несет большую ответственность за воспитанника, чем его собственная мать. Последняя играет вспомогательную роль в школьном воспитательном процессе, которая сводится чаще всего к подготовке и обслуживанию общих мероприятий с участием ее ребенка. При школах в обязательном порядке создаются совместные родительско-учительские комитеты, в которых семью представляют почти исключительно женщины. Участие в комитетах добровольное, и для поощрения родителей школа организует различные мероприятия, например, курсы оздоровительной гимнастики в школьном спортзале под руководством учителя физкультуры. В свою очередь, члены комитета по очереди присматривают за детьми по субботам, когда в школе нет уроков, а детям хочется поиграть вместе. По японским представлениям, самостоятельные игры детей на улице - явление нежелательное, поэтому школа охотно предоставляет им школьные площадки и сооружения, но под контролем одной или нескольких мам из родительского комитета. Потому что взрослые должны непрерывно и целенаправленно контролировать воспитательный процесс.

Родители не имеют права выбирать школу для своего ребенка, и если нет каких-либо особых обстоятельств, обязаны отдавать его в ближайшую к дому. Как уже говорилось, все школы предельно унифицированы, и каждая выполняет в своем районе роль организационно-методического центра, куда поступает вся текущая оперативная информация. Если кто-то из взрослых увидит на улице что-либо, выходящее за рамки повседневной рутины и имеющее отношение к детям, он первым делом сообщает об этом в школу. Если в воскресенье в школе был запланирован однодневный поход, то в 6 часов утра над школьным зданием поднимается белый флаг, означающий сбор, или красный - отмену похода по погодным условиям. Семьи учеников нередко получают из школы письменные уведомления о том, что какой-то перекресток в последнее время стал более опасным, на таком-то участке дороги резко возросло движение и т.д. Перед началом летних каникул школа рассылает родителям памятки, в которых говорится об опасностях летнего купания, перегрева на солнце и т.д. И в период каникул школа продолжает воспитывать учеников, предупреждая, например, о том, что собираться для совместных игр раньше 10 часов утра не следует. Кроме того, на летнее время

им выдается длинный список заданий, которые нужно выполнить к началу следующего учебного года (сбор гербариев, сводки погодных наблюдений, чтение обязательной школьной литературы и т.д.).

Японская школа работает 240 дней в году¹ - это больше, чем в США, Великобритании или Франции. С учетом того, что большинство учеников почти ежедневно остается в школе после уроков для занятий в кружках, ее роль в воспитании чрезвычайно велика. Школа несет главную ответственность за воспитание и безопасность учеников, причем не только в учебное время, поэтому ей предоставлены большие полномочия. Дирекция сама определяет наиболее безопасный маршрут и вид транспорта для поездок в школу. В большинстве городских школ ученикам запрещается приезжать на велосипедах, очень распространенных в Японии. Главная причина: узкие дороги и интенсивное движение в утренние часы пик делают поездку опасной. В сельской местности велосипеды разрешены, но и здесь большинство школ требует, чтобы ученики надевали защитные шлемы, которыми пользуются мотоциклисты.

Правил, регламентаций и запретов японским школьникам хватает. Девочкам запрещается пользоваться косметикой и украшениями, оговорены даже типы разрешенных заколок для волос. Родителей предупреждают о том, что дети не должны приносить в школу оригинальных, особо модных или дорогих предметов - нельзя выделяться и создавать соблазны для воровства. До окончания девятого класса ученикам по дороге в школу и домой запрещено без сопровождения взрослых заходить в дежурные круглосуточные магазины, не говоря уже о том, чтобы делать в них покупки. Школьники одеты в стандартную униформу, которая известна всем в округе, поэтому нарушение обычно не остается незамеченным. Продавцы в магазинах (чаще всего, это подрабатывающие студенты) официально извещены о правилах торговли, которые повсеместно соблюдаются. По разным каналам в школу поступает информация о нарушениях, допущенных ее учениками. Верные себе японцы и здесь идут по пути группового воспитания. Во время большого обеденного перерыва по местной трансляции на всю школу объявляется о том, что ученики такого-то класса были неоднократно замечены в близлежащих магазинах. При этом фамилии нарушителей никогда не называются. Наказания самые разные. Например, весь класс на определенное время (неделя, две, месяц) может быть лишен права пользоваться спортзалом во время большого обеденного перерыва. Если и этот запрет нарушается, следует более строгое наказание. Решения о наказаниях принимаются школьным советом, и контроль за их исполнением осуществляют сами ученики.

Унификация японской школы проявляется в самых разнообразных формах. Начиная от школьной униформы и кончая набором продуктов и порядком их расположения в коробке для школьного завтрака, который ученики приносят из дома. Самый свободный элемент униформы - носки. Требования определяют только их оттенок («светлый тон»). И хотя цвет ниж-

него белья никак не регламентируется, привыкшие к одинаковости во всем школьники сразу отметят в раздевалке товарища, у которого майка, например, не белого, как у всех цвета, а другого. Как правило, он тут же становится объектом насмешек и если не «исправляется» сразу же, то подвергает себя угрозе стать жертвой *идзимэ* - группового остракизма. В Японии для школьника нет более страшной беды. Общеизвестно, что жертвы *идзимэ* часто кончают жизнь самоубийством, будучи не в силах выдержать психологического прессинга. Это явление распространено в основной средней школе, реже - в старшей средней. Обычно объектами издевательств и унижений становятся ученики, по каким-либо причинам не вписывающиеся в отношения внутри группы или не соответствующие стандартным требованиям. Нередко ими становятся дети, прожившие с родителями несколько лет за границей и не успевшие усвоить нормы поведения, которые начинают культивироваться уже в детском саду.

Боязнь в чем-то выделиться, не уложиться в стандарт сама по себе становится мощным психологическим стимулом и регулятором группового поведения. В японских школах в рамках программы «здоровье» тщательно отмечаются все параметры физического развития и состояния учеников. Обычно на каждого школьника заводятся две карточки. В одну ежегодно заносятся данные о его росте, весе и т.д., а в другую - результаты регулярных медосмотров в течение учебного года. Данные по росту и весу обсчитываются по специальной формуле и группируются по пяти категориям - «избыточная полнота», «полнота», «норма», «худоба», «чрезвычайная худоба». Многие ученики внимательно относятся к результатам медосмотра и при первых тревожных признаках начинают больше следить за своим питанием. Причина заключается не в уговорах родителей, а в угрозе все того же *идзимэ* со стороны сверстников.

Университет

Ко времени поступления в вуз учащиеся в полном объеме усваивают программу группового поведения и групповой ответственности. Это приводит к интересным результатам. В университетской аудитории абсолютно отсутствует то, что у российских преподавателей принято называть «духом» учебной группы. Студенты выбирают предмет для изучения индивидуально, исходя исключительно из собственных интересов и представлений. Собравшиеся в одной аудитории чаще всего вообще не знают друг друга. Более того, на занятии рядом могут сидеть студенты второго и четвертого курса, часто с разных факультетов. Общий уровень знаний, подготовка по данному предмету и многое другое - все совершенно разное. В российской аудитории требуется некоторое время на установление минимально необходимого для совместной работы эмоционального контакта, а в японской аудитории контакт не нужен вообще - все выполняется по команде преподавателя, в соответствии с требованиями дисциплины.

Японские студенты практически не списывают и не подглядывают ответы друг у друга. Даже слов, обо-

¹ Имеется в виду начальная и основная средняя школа, которые дают обязательное девятилетнее образование.

Зеркало

значающих такие действия, в языке нет - существует одно общее выражение «нечестные действия» (*фусэй коу*)². Причем к «нечестным действиям» относится не только списывание, но и взятый в руку карандаш после того, как в аудитории прозвучало объявление «экзамен окончен, всем положить карандаши»³. Никаких экзаменационных вариантов японские преподаватели не готовят, все студенты получают одни и те же вопросы. Честность на экзаменах - частный случай более общего правила, которое также прививается со школьных лет и обычно соблюдается: можно что-то недоговаривать или вообще отказаться отвечать, но обманывать напрямую нельзя. Поэтому на вопрос о причине опоздания японский студент ничего не придумывает, а совершенно спокойно отвечает преподавателю, что проспал. Считается, что за ошибку или слабость можно извиниться и получить прощение, но к преднамеренному обману это не относится.

Законы японской групповой психологии делают неэффективным ряд приемов, которыми пользуются преподаватели в российских вузах. Например, эти законы запрещают любую, даже самую незначительную, публичную демонстрацию не только собственных знаний или навыков, но даже индивидуальных пристрастий. Поэтому преподаватель не может рассчитывать ни на какую ответную реакцию, кроме общего молчания, если задает японским студентам вопросы наподобие «Кто выполнил задание?», «Кто может это перевести?», «Кто готов сегодня отвечать?» и т.п. Любая реакция кого-либо из студентов на эти вопросы подразумевает его выделение из группы, а это не приветствуется. Публично демонстрировать можно только свое незнание или иную уместную слабость. Поэтому при вопросах противоположной направленности - например, «Кто не закончил упражнение?», «Кому надо еще подумать над ответом?» в аудитории обычно поднимается лес рук.

К полноте и понятности объяснений преподавателя в университетской аудитории особых требований не предъявляется. Если преподаватель ведет занятие методически грамотно, это хорошо, если не очень грамотно - ничего страшного. Считается, что все непонятое или необъясненное должно быть многократно перекрыто индивидуальными усилиями идущих по тернистому пути науки. Гораздо более жесткие требования предъявляются к модели поведения преподавателя вообще, особенно вне аудитории. Неформальное общение профессоров со студентами за пределами университета (в том числе и совместные ужины, банкеты со спиртными напитками и т.п.) всячески приветствуется и поощряется. Ситуация, когда подвыпивший преподаватель не очень связно разглагольствует перед студентами, вполне обычна и ни у кого не вызывает ни удивления, ни порицания. Следует заметить, что японские студенты в таких ситуациях держатся непринужденно и весьма корректно. Иностранцу бывает непросто попасть в

нужный тон такого общения - здесь есть свои неписанные законы, которые строго соблюдаются.

За последние полстолетия японская система образования добилась общепризнанных успехов. Однако это вовсе не значит, что в ней не осталось проблем. Более того, со стороны и зарубежных, и японских специалистов растет критика и обеспокоенность, особенно в части касающейся высшего образования. Особую озабоченность вызывает недостаточная мотивация и интенсивность учебы, ее общая ориентированность на следование прецеденту и отставание в формировании у студентов способности к поискам новых решений. Причины этого кроются в специфике самого японского общества. Дело в том, что японские фирмы и учреждения при найме выпускника на работу по давней традиции отдают предпочтение не его индивидуальным достоинствам, а репутации того университета, которой он закончил. Это хорошо иллюстрируют результаты исследования, проведенного в 1982 году. Оно показало, что 60% всех успешно сдавших экзамены на высокие должности в государственном аппарате, были выходцами из двух бывших императорских университетов в Токио и Киото. Начиная с 1877 года, когда был открыт первый, Токийский императорский университет, и до окончания второй мировой войны статус императорского получили всего семь университетов в Японии и два за рубежом. Они считались элитными и всегда имели монополию на приоритетное распределение своих выпускников.

Если в Европе и США для успешной служебной карьеры необходимо хорошо сдать выпускные экзамены в университете, то в Японии для этого надо сдать вступительные экзамены в университет с хорошей репутацией. С этим тесно связано широко распространенное убеждение, что японский студент в вузе имеет право как следует отдохнуть после напряженной подготовки к вступительным экзаменам и набраться сил перед началом трудовой деятельности. Ведь фирма, в который он получит место, в любом случае начнет свое собственное образование новичка. И вот тут-то ему придется учиться, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Осознание этого факта формирует соответствующие умонастроения у японских студентов и оказывает доминирующее влияние на все их поведение и отношение к учебе в течение четырех лет. Они с энтузиазмом учатся играть на трубе, осваивают азы большого тенниса, а в свободное от клубов время активно подрабатывают на карманные расходы или зарубежную поездку. Задать домашнее задание в японском университете не принято. Преподаватель, требующей самостоятельной подготовки к занятию - большая редкость. А студенческий ответ «извините, я забыл сделать задание» - самый распространенный.

Причина такого отношения к учебе заключается не только в том, что «в 18 лет студент должен поступить в вуз, а в 22 - закончить», но и в том, что в Японии с

² Используется также заимствованное из английского языка слово *каннингу* (*cupping* - «жульничество на экзамене»).

³ В Японии все экзаменационные ответы выполняются письменно и всегда простым карандашом, чтобы можно было исправлять написанное. Во время единого государственного экзамена типы графитовых карандашей, которыми разрешено пользоваться (их три), также оговариваются заранее.

давних времен с большим пиететом относились к обучению в ходе практической деятельности. Оно считалось более важным и плодотворным, чем овладение чисто теоретическими знаниями. В результате сложилась двухступенчатая система высшего образования: четыре года теоретического обучения в вузе и от двух месяцев до двух лет практической учебы на рабочем месте, по специально разработанному графику и под контролем опытных кадровиков.

Американский специалист Эзра Вогель, много лет изучавший японское высшее образование, так суммирует его проблемы: «Важнейшая функция японских университетов - это сертификация студентов. Однако усилия преподавательского корпуса по совершенствованию технологии обучения и степень внимания к студентам недостаточны, усилия самих студентов в учебе не идут ни в какое сравнение с подготовкой к вступительным экзаменам. Уровень аналитической работы в аудитории невысок, посещаемость занятий низкая. Финансовые затраты в университетах в пересчете на одного студента незначительны... В своих работах японские студенты чаще всего следуют установленным образцам и нормам, не стремясь к формированию собственного подхода к проблеме». Еще жестче звучит критика Эдвина Рэйшауэра (1910-1990), одного из крупнейших японистов США, много лет работавшего послом в Японии. Он пишет: «Пустое времяпрепровождение в течение четырех лет в вузе, при плохом обучении и совершенно недостаточных усилиях студентов - это невероятная потеря времени для нации, столь преданной идее эффективности во всем». Руководители японского образования, конечно, знают о проблемах высшей школы. Одна из надежд на улучшение связывается с демографической ситуацией в стране. В течение последних восьми лет доля возрастной категории восемнадцатилетних в демографической структуре населения неуклонно падает, и в 2009 году количество абитуриентов в стране сравняется с числом мест на первых курсах всех университетов. Другими словами, уже через несколько лет каждому выпускнику старшей средней школы найдется место в университете без экзаменов. Ожидается, что это не только до предела обострит уже начавшуюся конкуренцию между вузами за хорошо подготовленных абитуриентов, но и еще больше продвинет японское высшее образование на пути превращения его во всеобщее. Пока в Японии не выдвинуто конструктивных идей, как повысить уровень высшего образования и при этом сохранить его массовый характер.

В течение всей своей истории японцы охотно учились у иностранцев, но никогда не выступали в роли учителей, даже если в чем-то добивались успехов. Систему японского образования также отличала эмиграционная, а не иммиграционная направленность. В 1984 году в японских вузах числилось 10 700 иностранных студентов, или 0,5% всего студенческого контингента Японии. В то же время в США число студентов-иностранцев составляло 339 000 человек или 3% (при самом большом в мире студенческом корпусе), а в европейских странах этот показатель варьировал от 5% до 10%. Только в Соединенных Штатах Америки училось 13 000 японских студентов - на 2 000 больше, чем всех иностранцев в Японии

вместе взятых. Среди причин такого положения - не только специфика японского образования, но и объективная трудность японского языка, на котором ведется обучение, и возможности применения которого в мире не так велики по сравнению с английским. Следует отметить также, что среди всех студентов-иностранцев в Японии 80% занимают выходцы из стран Азии, на которую ориентирован значительный сектор японской экономики. Японское правительство в последние 20 лет прикладывает большие усилия для изменения ситуации. В 80-х годах оно утвердило амбициозную программу - довести число иностранных учащихся до 100 000 человек, и выделило на это огромные средства. В 1992 году в Японию на учебу приехало уже более 48 000 иностранцев. Однако зарубежному обучению в том же году отдали предпочтение около 120 000 японских студентов. Разрыв в цифрах между студенческим «экспортом» и «импортом» в процентном отношении несколько сократился, но общая тенденция сохраняется.

Какие японские студенты в первую очередь уезжают учиться за границу? Их условно можно разделить на две категории. Первые - это те, кто в принципе не хочет получать японское высшее образование по разным причинам. Вторые - это те, кто рассчитывает получить преимущество за счет нестандартного образовательного послужного списка. Его отличие от списка большинства, с одной стороны, сужает сферу приложения сил специалиста в Японии, а с другой, значительно уменьшает конкуренцию на рынке труда. При этом следует иметь в виду, что в японском общественном сознании, которое в полной мере разделяется и работодателями, жизнь за границей для японца рассматривается как испытание, а не как благо. И при продвижении по служебной лестнице такой опыт получает соответствующую положительную оценку. Насколько мне известно, абсолютное большинство японских стажеров в России принадлежат именно к этой, второй категории.

Подводя итоги, следует отметить, что большинство этнокультурных и психологических особенностей японского обучения и воспитания своими корнями уходит в психологию японской крестьянской общины, основным занятием которой было рисосеяние, требующее максимальной кооперации ее членов. Для основной части японцев, мало знакомых с опасностями и непредсказуемостью охоты, уживчивость и трудолюбие были важнее личной силы, ловкости и храбрости. Эти качества получили признание в эпоху доминирования воинского сословия, но и тогда на простоялюдинов (то есть на подавляющую часть населения) они не распространялись. Формировавшийся веками кодекс группового поведения в общине в первую очередь был призван обеспечить ее коллективное выживание. И хотя со временем он в чем-то менялся, его основные черты остаются доминирующими в Японии и сегодня.

Александр Мещеряков

Японская рыба сом, землетрясения и очень большая политика

Япония, как известно, расположена в исключительно сейсмоопасной зоне, и землетрясения там случаются практически каждый день. Настолько каждый, что толчки балла в три, от которых раскачивается люстра, не становятся предметом даже для кухонных пересудов. Другое дело - «настоящее» землетрясение. Таким, например, было землетрясение 1 сентября 1923 года, случившееся в районе Токио, жертвами которого пало около 100 тысяч человек. В этот день было уничтожено 64 процента жилого фонда Токио - сила толчков составила 7,9 балла. Высказывались мнения о необходимости переноса столицы. «Под шумок» националисты и полиция нападали на корейцев (по некоторым данным, погибло около 6 тысяч человек), среди невинно убитых оказались и анархисты с социалистами.

Японцы верили, что землетрясения вызываются не геологическими причинами, а «биологическими» и считали виновником тектонических сдвигов рыбу: будто бы сом двигает своим хвостом и головой и тем самым вызывает землетрясения. Это убеждение имеет определенные ихтиологические основания: эксперименты показали, что несмотря на свой несколько «снудый» вид, сом оказался чуть ли не чемпионом по части чувствительности. В 80 процентов случаев поведение сома перед землетрясениями резко меняется.

Нынешние японцы живут, зная, что ужасное землетрясение может случиться в любой момент. Несмотря на колоссальные усилия ученых, предсказывать землетрясения они пока что не умеют. А уж тем более предотвращать их. Поэтому рядовые японцы проводят регулярные тренировки (их пик приходится на годовщину землетрясения 1923 года), запасают воду, консервы, веревки и дизельные движки. У всех в памяти жуткое землетрясение 1995 года, унесшее жизни около 5 тысяч человек. Оно поразило крупнейшие города страны - Осака и, в особенности, Кобэ. Его последствия не ликвидированы до сих пор. Несмотря на прошедшие годы, многие люди продолжают и сейчас существовать в бараках: этот вид стихийного бедствия не страшат, и потому стоимость разрушенной недвижимости может быть компенсирована только самими домовладельцами. А недвижимость эта покупалась, между прочим, в долг, который еще отдать нужно перед тем, как снова строить.

Первое мое землетрясение застало меня в студенческом общежитии подтокийского университета Токай

7 февраля 1974 года. Как и положено молодому человеку в свой же день рождения, он (т.е. я) выпивал со своими приятелями - такими же новоиспеченными выпускниками МГУ, присланными на стажировку. Нам тогда очень нравился итальянский «Вермут», время для которого в советском быту еще не настало. Тот «Вермут», которым торговали в московских гастрономах, отличался от других видов «бормотухи» только этикеткой, и интенсивность головной боли после его приема была такой же. В общем, нравился нам итальянский вермут, купленный в Японии. Вкус - отменный, кайф - ненавязчивый. И тут, находясь в чудесном настроении, я вдруг с ужасом почувствовал, как меня резко «повело» - потолок и стены поехали в сторону. «Снова обманули!» - горько подумал я, имея в виду, что никаких тяжелых последствий от приема этого напитка реклама не обещала. И тут увидел перекосившиеся лица моих товарищей. Потом они признавались, что в мыслях у них было то же, что и у меня. Типа: «Все, допился!» А оказалось все гораздо прозаичнее - обычное землетрясение в 4 балла.

Однако в древности, похоже, землетрясения не слишком волновали японцев. По той причине, что землетрясение наносит главный ущерб тем людям, которые проживают в городах. Вот там-то они и погибают - под обломками зданий, задыхаясь в дыму пожаров. Но такие условия жизни - реалии не столь давнего времени. В древности же городов было ничтожно мало, большинство из них напоминало большие деревни: высоких зданий (за исключением буддийских храмов) не было. Мало было и водохранилищ, разрушение которых приводит к затоплениям селений.

Японское древнее государство VIII-IX веков было социально ориентированным, и в случае недорода открывало свои рисовые амбары для нуждающихся. Самая частая причина неурожая, сколь странным это бы ни показалось - это засуха. Это сейчас построены дамбы, плотины и водохранилища, которые полны водой. А во времена стародавние таких сооружений было мало, и потому летняя жара, от которой пересыхают короткие и мелкие японские речки, имела катастрофические последствия. Зато землетрясения (за исключением каких-то уж совсем немыслимых случаев) никакой особой опасности не представляли. Ну, несколько домов повалит, фонарь масляный опрокинет - жилище у кого-то сгорит... А на соседний дом пламень не успеет

перекинуться, потому что он не впритык стоит. Так, мелочь, в масштабах страны не слишком заметная.

Однако люди при дворе императора землетрясений все равно боялись. Но не из-за возможного ущерба, а потому что, в соответствии с китайской политической наукой содрогание земли указывало на скорые беды правящему дому - болезнь или смерть кого-то из семьи императора или же вульгарный заговор. К людям не столь приближенным к особе правителя эти опасения особого отношения не имели.

Но вот когда население страны выросло, и японцы стали жить кучнее, тогда и появился настоящий массовый ужас перед землетрясениями. Так что настоящая социальная история японских землетрясений начинается сравнительно недавно.

Вера в связь сома с землетрясениями родилась в святилище Касима, расположенном в современной префектуре Ибараки неподалеку от Токио. В этом святилище первоначально почитались божества грома, а также боги, «ответственные» за благополучное судоходство. Поскольку в древности святилище Касима располагалось в «прифронтальной зоне», откуда японцы предпринимали завоевательные походы против варваров-эмиси (предки айнов), то этим божествам стали приписывать и военные функции. Однако главной достопримечательностью Касима остается камень, расположенный на территории святилища. Камень, надо сказать, совсем небольшой (около 25 сантиметров в диаметре, возвышается над землей на 10-15 сантиметров), но японцы верили в чудодейственные свойства камня вне зависимости от их размера. Камень в Касима не оказался исключением. На схематической карте Японии 1624 года изображен дракон, обвиняющий своим телом страну. Эта карта носит название «Карта землетрясений Великой Японии». Считалось, что своими телодвижениями дракон вызывает землетрясения. На картах этого типа довольно часто рисовался и камень из святилища Касима. Японцы полагали, что с помощью этого камня можно разбить голову дракона и тем самым избавиться от бедствия. Несколько позднее, когда ответственность за землетрясения пала уже на сома, стали думать, что камень из Касима своей тяжестью придавливает теперь уже сома так, что он не может двигаться и вызывать трясение земли.

Наиболее зримо эта вера проявилась сразу после разрушительного землетрясения в 10-й луне 1855 года (так называемое «землетрясение годов Ансэй» - «Мирное правление»), когда были выпущены картинки, живописующие ужасы землетрясения. Эти картинки получили название «намадзу-э» - «картинки с сомом».

Время землетрясения произвело на японцев особенно сильное впечатление. Дело в том, что 10-я луна традиционно считалась временем, когда все синтоистские божества отправляются на свой «съезд» в провинцию Идзумо (префектура Симанэ). Оттого-то этот месяц люди называли «каннадзуки» - «безбожным». Таким образом, когда божества Касима отправились в

«командировку», сом воспользовался их отсутствием для нанесения страшного удара своим хвостом, в результате которого, по оценкам источников того времени, погибло более ста тысяч человек (правда, современные исследователи находят эту цифру сильно преувеличенной).

Но, похоже, не всех японцев землетрясение привело в ужас. Бедствие воспринималось многими из них как небесная кара, направленная против владельцев сокровищ, нажитых бесчестным путем. Действительность давала определенные основания для такого заключения: ведь наибольшие потери в абсолютном исчислении понесли именно богатые... А потому наиболее наивные полагали, что вслед за бедствием наступит коренное улучшение их быта, ибо землетрясение, якобы, разрушает не только города, но и условия, когда одним - все, а другим - ничего. Для этих людей землетрясение было «исправлением, обновлением жизни». Так находила выход завистливая энергия масс, которая, однако, к «настоящим» революциям не приводила. Так что, если бы и родная сторона находилась в сейсмоопасной зоне, глядишь, и революционные порывы типа «взять все да и поделить» случались бы пореже. Может быть...

На одной из картинок в уста (усы?) сому вкладываются такие слова: хотел я, мол, по Америке хвостом ударить, да только по ошибке в Японию угодил. Не рыба сом получается, а какой-то неудавшийся террорист.

Чем же не угодила японцам Америка?

Начиная с середины XVII века, Япония стала страной, почти полностью закрытой. За весьма немногими исключениями въезд и выезд были строго-настрога запрещены. Дело в том, что военное правительство страны - сёгунат Токугава - было страшно напугано европейцами (в основном, испанцами и португальцами), которые, помимо Библии, ввозили в Японию и огнестрельное оружие. Это оружие использовалось теми князьями, которые были врагами дома Токугава. Европейцы (за исключением голландцев) были изгнаны. В Европе к этому повороту событий остались в целом равнодушны, ведь Япония оказалась лишена богатых природных ресурсов и золота, о котором в свое время столь красочно рассказывал Марко Поло.

С этого времени Япония зажила спокойной жизнью. Крестьяне сеяли, самураи кушали выращенный ими рис и обрастали жирком - никаких войн и мятежей не наблюдалось. А в правительстве сёгуната не было даже учреждения, которое, хотя бы приблизительно, напоминало Министерство иностранных дел.

Но вот настал XIX век, и Запад снова стал стучаться в плотно запертые двери. Запад - это русские, англичане, американцы. Наибольшую активность проявила Америка. При этом она не хотела ничего «плохого» - американцы жаждали всего лишь свободной торговли. И им было совершенно непонятно, как это Япония может противиться такому «естественному» и «законному» желанию. Миллионы простых американцев, англи-

Земля

чан и русских были абсолютно уверены, что они несут миллионам простых японцев освобождение от «прогнившего феодального режима». А вот японцы думали по-другому. Они привыкли к тому, что самоизоляция - вещь нормальная и полезная, ибо тогда беды внешнего мира не касаются их страны.

13 февраля 1854 года эскадра коммодора Перри во второй раз прибыла в Японию. В составе эскадры было девять судов с 250 пушками. 8 марта на берег высадилось 500 вооруженных моряков, а уже 31 марта состоялось подписание «договора о мире и дружбе». Главный пункт этого соглашения гласил, что американцы получают право заходить в порты Симода и Хакодате, закупать там продовольствие и уголь. Путь к вожделенной торговле был открыт.

Но - вот беда! - японцы совершенно не желали торговать на предложенных им основаниях, и потому договор с Америкой, точно так же, как и подписанные чуть позже соглашения с Англией и Россией, они восприняли как оскорбление национального достоинства. Однако красноречию так ни разу не выстреливших пушек противопоставить было нечего.

Вполне мирное открытие страны, произошедшее в рамках глобализации XIX века, имело для мира и для самой Японии колоссальные последствия.

До этого времени на Японию никто не нападал (единственное исключение - две авантюрные высадки монголов в конце XIII века). Ни на кого не нападала и сама Япония (единственное, опять же, исключение - такие же авантюрные экспедиции Тоётоми Хидэёси в Корею в конце XVI века).

Хотя часто можно услышать, что Япония бедна ресурсами, это утверждение верно лишь до определенной степени. С этими «бедными» ресурсами страна совершенно прекрасно жила, а население плодилось намного лучше европейского. Потому что для этого было все необходимое: вода, рис, рыба, воздух и мирная жизнь. Теперь же дело стало обстоять совсем по-другому. Потому что для отпора Западу были нужны ружья и пушки, корабли и железные дороги, уголь и железо. И вот на глазах у изумленного мира Япония пустилась в милитаристскую гонку, превращаясь из мирного государства в «современную» державу с регулярной армией и всеобщей воинской повинностью. Обзаведясь по примеру западных стран национальным флагом, правительство страны принялось целеустремленно возвращать «патриотический» дух народа.

Японский флаг представляет собой красный круг солнца на белом поле. Его прототип появился еще в период Хэйан (794-1185), но сначала он использовался не на знаменах, а на веерах военачальников (с их помощью отдавались приказания), хотя впоследствии солнце стали часто изображать и на военных знаменах.

Японские мифы утверждают, что первоимператору Дзимму при покорении «варваров» сопутствовал военный успех, когда он бился спиной к солнцу. Поэтому и средневековые военачальники тоже старались исполь-

зовать этот прием. Имея в руках веер с солярной символикой или же флаг с изображением солнца, они «ослепляли» противника, ибо победа всегда принадлежит тому, кто имеет солнце на своей стороне.

Солнечный символ получил название «хи-но мару», то есть «солнечный круг». В качестве официального флага Японии он был принят в 1870 г. Принятие «хи-но мару» в качестве официального символа страны было обусловлено в первую очередь родством императора с богиней солнца Аматэрасу.

При выборе государственного флага сказались, безусловно, и географическое положение страны - древние китайцы, бывшие не слишком хорошими мореплавателями и отнюдь не открывшие никакой Америки, полагали, что Япония расположена на самом восточном краю ойкумены. Получалось, что солнце приходит к ним именно из Японии. Японцы же тоже посчитали, что рассвет для всего мира начинается с их страны.

Во все военные времена государственная символика используется для нагнетания националистических страстей. Не избежал этой участи и флаг «хи-но мару». Достаточно сказать, что во время второй мировой войны в едальнях подавали патриотическое блюдо - белый рис с воткнутой посерединке красной маринованной сливой. Это блюдо так и называлось - хи-но мару.

Правительство подпирало фанатики, требовавшие мести и жесткой империалистической политики - точно такой же, какую проводили «передовые» державы того времени по отношению ко всем на свете, включая и саму Японию. Об одном из самых влиятельных политиков того времени, маршале Ямагата Аритомо, говорили: «В мирное время Ямагата думает о войне, во время войны он думает о новой войне». Японское общество расколосилось. Кто-то считал приобщение к западной цивилизации за благо, кто-то фанатично ненавидел иностранцев. Один из таких фанатиков напал на будущего российского императора Николая, когда тот в 1891 году приезжал в Японию.

За несколько десятков лет, прошедших со времени подписания договоров о свободной торговле и дружбе, Япония успела напасть на Тайвань, входивший тогда в состав Китая (1874), Корею (1875-1876), снова на Китай (1894-1895) и Россию (1904-1905). Военные результаты были блестящими: Япония стала дальневосточным гегемоном. В страну хлынули деньги контрибуций, уголь, руда и многое другое. Япония не остановилась на этом и создала огромную, хотя и не слишком долговечную империю.

Япония пребывала в эйфории и напала на Пирл Харбор, который стал для американцев символом коварства японцев. «За что?!» - недоуменно восклицали янки. А дело-то было в том, что на сей раз сом, вполне равнодушный к принципам свободной торговли, шевельнулся там, где задумывал еще девять десятков лет назад...

Евгений Бакшеев

Чудо-птицы Японии

Меня давно интересует «культурная орнитология» японцев. Написано у нас на эту тему мало, список исчерпывается несколькими статьями и комментариями к переводам литературных памятников. Что до моего личного интереса, то непосредственным стимулом к увлечению японской орнитологией стал случай в стиле фильма Хичкока «Птицы»... Это случилось несколько весен назад, когда я бродил по одному старому кладбищу между Токио и Йокогамой в поисках научных впечатлений. Вдруг я услышал шум крыльев и нечто пронеслось у меня над самой головой. И это был явно не голубь мира, а, в известном смысле, его антипод - карасу, здоровенная ворона. Настоящая карасу далека от того элегического образа, который известен по знаменитой хайку Басё («На голой ветке Ворон сидит одиноко. Осенний вечер»). На самом деле, это мощная и агрессивная (особенно весной) птица, нападения которой на людей и, в частности, на лучшую ее половину с серьгами в ушах, подчас заканчиваются ранениями. В моем случае агрессора оправдывало то, что, очевидно, он защищал свое гнездо, которое находилось на растущем поблизости дереве. Я, конечно, легко отделался: это было всего лишь «последнее предупреждение». Наверное, вороне просто не понравился праздничношатающийся иностранец.

Орнитологическая археология

В так называемых раковинных кучах (помойки древнего человека) эпохи Дзёмон, древнейший период истории японских островов (соответствует неолиту, 13

тыс лет до н.э. - III в. до н.э.), кроме останков животных, археологи находят и кости птиц: фазана, вороны, коршуна, ласточки, аиста, дикой утки, чайки. В этот период охота на птиц играла подсобную, но все-таки довольно существенную роль в пищевом жизнеобеспечении человека.

Но если мы обратимся к тем предметам, которые запечатлели духовную жизнь той поры (керамику и глиняные фигурки догу), изображений птиц мы не увидим. Большинство образов на керамике - это земноводные, пресмыкающиеся и насекомые. Найдены изображения кабана, оленя, медведя, обезьяны, волка, кошки. Можно сказать, что верования Дзёмон абсолютно игнорировали птиц (и связанную с ними небесную сферу), были во многом ориентированы на хтонический (т.е. подземный) мир и его зловещих представителей.

Картина меняется с наступлением периода Яёй (приблизительно соответствует бронзово-железному веку, III в. до н.э. - III в.н.э.), когда переселенцы с материка приносят на архипелаг рисосеяние и технику производства металлов. Если Дзёмон знаменит своими догу, то

Изображение «крылатого шамана» на керамике Яёй

Небо

Ёсиногари. Прототип тории.

Яёй - многочисленными деревянными фигурками птиц. Зона их первоначального распространения - юго-западная Япония с центром в районе Кинки (район современных городов Нара, Киото и Осака). Обычные размеры фигурок - от 13 до 34 см, но найдены и очень большие модели с размахом крыльев до 90 см. Птицы иногда выкрашены в красный цвет, снизу бывает сделано отверстие, чтобы можно было устанавливать фигурку на шесте. На раскопках поселения рядом с городищем Ёсиногари (I в. до н.э., преф. Сага на Кюсю), а также в районе Киото деревянные фигурки птиц обнаружены вместе с оленьими костями и черепашьими щитками (использовались для гадания). Протояпонцы верили, что птицы обладают магической силой: ведь они летают высоко в небе, там, где сияет солнце. На керамике периода Яёй встречаются и изображения жрецов (шаманов) с крыльями или с птичьими головами. Обнаружено также захоронение женщины, которая держит в руках деревянную фигурку птицы.

При раскопках Ёсиногари найдены и деревянные ворота - ранний аналог синтоистских тории (ворот, ведущих в святилище) - с резными деревянными фигурками птиц на верхней перекладине; такие ворота воспринимались, вероятно, как символический насест для птиц - посланцев богов. Эта находка подтверждает этимологию слова тории - «насест».

Воздвижение шестов с фигурками птиц практиковалось также в южном Китае и на северо-востоке Азии. Во время эпидемий оспы сахалинские айны устанавливали перед домом высокие тонкие шесты с насаженными на них деревянными птичками, которые изображали пернатых духов-помощников шамана, защищающих людей от духа болезни (среди таких помощников числились вороны, журавли, утки). В Японии шест часто использовался в обрядах в качестве ёрисиро - объекта, на который мог бы спуститься божественный дух (это могло быть дерево, камень, росток бамбука). И сейчас в некоторых семьях во время ритуалов поминания усопших (о-бон) перед домом воздвигается шест для призывания души покойного. А во время деревенских общинных праздников может воздвигаться гигантский столб под названием хасирамацу, т.е. сосна-столб, на верхушке которого зажигается огонь; этот столб тоже мыслится как ёрисиро для приглашаемых на праздник духов предков.

Археологи обнаружили и бронзовое зеркало с изображениями четырех зданий, на крышах трех из них сидят птицы. Полагают, что изображения на зеркале символизируют сходение духа риса или души покойного предка. В современной Японии (особенно в преф. На-

ра, Сига, Миэ) также до сих пор встречаются дома с деревянными фигурками птиц на крыше.

Почему же в период Яёй у японцев вдруг возник такой «орнитологический бум»? Ответ на этот вопрос дают археологические и этнографические изыскания в Юго-Западном Китае (Юннань), в Юго-Восточной Азии (Таиланд, Индонезия), Южной Корее. Они показывают, что прототипом тории синтоистских святилищ могли послужить деревянные ворота, которые национальные меньшинства Китая до сих пор устанавливают у входа в свои деревни. На верхней перекладине таких ворот помещают деревянные фигурки птиц (иногда вместо верхней перекладины протягивается веревка из рисовой соломы, сходная с японской симэнава, фигурирующей в обрядах синто). Древнекорейские дворцы также имели ворота, похожие на тории. У южнокитайских народностей сохранился и обычай воздвижения во время празднеств столба с птицей на верхушке. Эти параллели объясняются миграцией с континента носителей культуры заливного рисосеяния. Они жили на полуострове Шаньдун, далее попали в южную часть Корейского полуострова, потом - на север Кюсю. Именно эти переселенцы принесли с собой тот сорт риса, который ныне получил название Япониса. Вместе с рисом мигранты завезли и свои сельскохозяйственные верования - в Японии получили распространение культы риса, солнца и птиц. Среди последних особое место занимали петухи.

Магические птицы японской древности

Японский миф, зафиксированный в «Кодзики» и «Нихон сёки», повествует о том, как богиня солнца Аматэрасу скрылась в пещере, и в мире настала тьма, после этого боги стали выманывать ее оттуда самыми разными способами, использовали они и голосистых петухов. Считается, что петухи, названные в мифе «долгогоющими птицами Вечной страны Токоё», принадлежали к породе сёкоку, ввезенной из Китая, отличающейся непрерывным продолжительным криком (до 1 часа) - каждый день точно в одно и то же время, и использовались в древности в качестве «биочасов». В эпоху Хэйан при дворе существовала должность человека-петуха (кэйдзин, тори-но цукаса), который своим петушиным криком объявлял время. Петухов держали как священных птиц при синтоистских храмах, а также использовали в ежегодных (3-й день 3-го месяца) петушиных боях при дворе.

В древности птицы считались вещими существами. В этих представлениях сильно китайское влияние, но сохранились и верования айнов. Так, садзаки (японский крапивник, совр. мисодзай, самая маленькая птичка в Японии - всего около 5 см) считалась у айнов божеством входа в загробный мир. Вошел садзаки и в мифологию японцев: крошечное божество Сукуна-бикона, удалившееся в потусторонний мир Токоё, было одето в платье из перьев этой птички. Айны, кроме того, почитали большого черного дятла (покровителя строителей лодок-долбленок), пестрого зимородка (покровителя рыбаков), а также орла, коршуна, журавля, лебедя. Клювами хищных птиц старейшины украшали свои ритуальные головные уборы. О древности культа журавля свидетельствуют его изображения на стенах пещер, в которых, очевидно, совершались ритуальные действия.

Мифологема «душа-птица», концепция птицы как проводника или вместилища душ, широко распространена в традиционных культурах. В древних легендах айнов душу, когда она покидала тело человека после

смерти, представляли в образе маленькой птички. Завершая традиционный праздник (в том числе праздник поминовения усопших) айны исполняют прощальный танец, изображая полет птицы и издавая звуки, подражающие шуму крыльев.

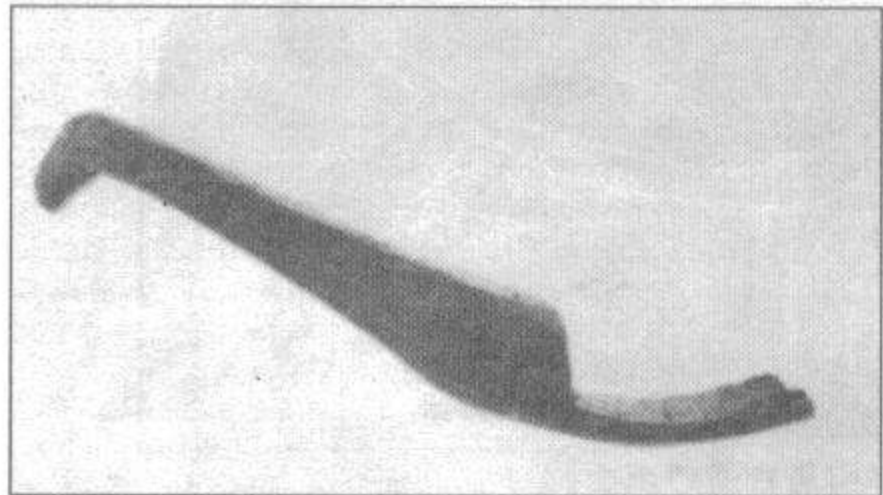
Птицы выступают как медиаторы между миром живых и мертвых во многих древних культурах. Например, в славянской дохристианской картине мира птицы прилетают из иного мира под названием «вырий» («ирий»), который в этом смысле можно рассматривать как аналог страны Токоё. Страна Токоё понимается и как мир смерти, и как идеальный мир бессмертия (влияние китайского даосизма), находящийся где-то за морем. Таким образом, символическая коммуникация между двумя мирами осуществляется с помощью птиц.

Роль птиц в погребальных обрядах

К периоду V-VI вв. относятся найденные в курганных гробницах бронзовые позолоченные короны (в основном, корейского происхождения) с изображениями птиц, деревьев и лодок, что указывает на их шаманистическое происхождение (птицы-духи на Мировом древе, летающие лодки шаманов) и соотносится с некоторыми элементами японского мифологического цикла о Такамагахара («Равнина Высокого Неба»). Так, в «Нихон сёки» упоминается «Пернатая ладья-скала из камфарного дерева» и «Небесная лодка-птица». На росписях в гробнице Мэдзураси (середина VI в., преф. Фукуока) изображена погребальная ладья с человеком на корме и с вороном на носу. Позади ворона - солнце, впереди - луна, т.е. ворон ведет лодку из мира света в мир тьмы.

В мифах есть знаменитая сцена погребального обряда божества Амэ-но Вакахико, в которой участвуют петух, гусь, садзаки, фазан, цапля, ворон, зимородок, коршун, воробей. При этом ворон готовил мясное угощение для покойного, гусь и петух несли погребальные приношения, фазан и садзаки выступали в роли плакальщиц, а зимородок изображал самого покойника. Участники обряда плясали, причитали и пели погребальные песни в течении восьми дней.

Исследователи сходятся в том, что под видом птиц в этом обряде выступали служители погребального культа шаманского типа в костюмах, имитирующих птиц. Этому находят этнографические, археологические и литературные подтверждения. Так, айнский шаман кампал в костюме из перьев совы. У некоторых ханива (глиняные фигурки, которые ставили на могильном кургане), которые изображают жриц-шаманок, участвующих в погребальных обрядах, на голове - «корона» из птичьих перьев, напоминающая головные уборы шаманов Северной Америки. В «Манъёсю» из 24 погреб-

Деревянная фигурка птицы

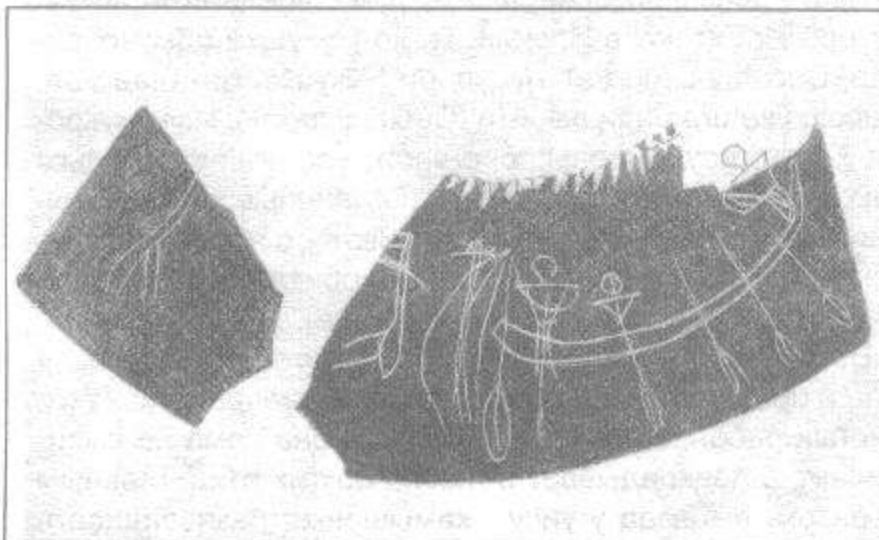
бальных песен, сочиненных в 689 г. на смерть принца Кусакабэ (Хинамиси), в четырех говорится о птицах. В одной из них говорится: «О, птицы-скитальцы, в Верхнем пруду у Садового дворца, не улетайте с шумным хлопаньем крыльев, хоть и ушел навек наш господин». Эти песни принадлежат к обряду тама-сидзумэ («усмирение души»), целью которого было умиротворение духа усопшего и «упокоение» его в птицах, обитающих у дворца, где он жил. Птицы здесь являютсяместилищем духа (катами) покойного принца. Ханива таких птиц, очевидно, символизировали отлет души после смерти и ее вознесение на небеса.

Сакральные птицы в современном синто

В синтоистской храмовой практике за некоторыми животными (обезьяна, волк, лошадь) и птицами закрепились функции оцукаи («посланцев богов»). Среди оцукаи много птиц. В храмах Хатимана это голубь. В святилище Сухара особо почитается красивая синяя птица босо, упоминаемая в священных текстах синто; для нее в кроне деревьев специально строят гнезда, а внутри храма держат пару ее чучел. В святилище Удо птица исо-цугуми, род дрозда (*Merula europaeus*), считается не только посланцем богов, но и го-синтё - «священной птицей храма».

Очень часто (это один из самых распространенных случаев почитания птиц в синтоизме) объектом поклонения выступает орел (васи или просто тори); по всей Японии известно около пятидесяти посвященных орлу святилищ, большинство которых сосредоточено в районе Канто. Центральный из них - Васи-дзиндзя (Святилище орла) в Токио (Асакуса). Согласно легенде, богатырь Ямато-такэру, возвращавшийся из военного похода, посетил это святилище в одиннадцатую луну и поклонялся там божеству Амэ-но-хи-васи-но микото (Орел небесного солнца). Поэтому в ноябре там проводятся (по крайней мере, с середины XVIII в.) празднества под названием Тори-но ити (Птичьи базары), которые называют еще и «Праздником грабель», что объясняется не только одинаковым произношением слов «птица» и «брат, загребать» (тори; подразумевается, что «загребают» деньги и счастье), но и сходством этого «инструмента» с лапой орла.

В святилище Тага-тайся (преф. Сига) в качестве посланца богов Идзанами и Идзанаги почитается ворона. Перед тем, как поднести вареный рис самим богам, устраивается кормление ворон необмолоченным рисом. Чтобы созвать птиц, жрецы хлопают в ладоши (то же действие, что и для призыва духа самого божества). Прилет ворон свидетельствует, что рис ритуально чист и может быть преподнесен богам.

Изображение цапли и лодки на керамике Яёй

Небо

Ворона

Карасу - это общее наименование для птиц рода *Corvus*. У всех них черное оперение, длина тела - от 33 до 60 сантиметров. На Японских островах водятся два вида: хасибутто-гарасу (*Corvus macrorhynchos* - ворона большеголовая) и хасибосо-гарасу (*Corvus corone* - ворона черная). Первая обитает повсюду: от горных районов до городов, вторая - в сухих руслах рек и сельской местности. Среди мигрирующих видов, зимующих в Японии, можно увидеть: ватари-гарасу (*Corvus corax*, ворон сибирский) на Хоккайдо, мияма-гарасу (*Corvus frugilegus*, японский грач) и кокумару-гарасу (*Corvus monedula*, галка) на Северном Кюсю.

Слово «ворона» для русского уха - не самое благозвучное. Поэтому переводчики обычно предпочитают употреблять более «важное» слово - ворон. Последую их примеру и я. Самый известный ворон в японской культуре (наверное, после экземпляра, воспетого Басё) - это гигантский Ятагарасу («Ворон с головой в восемь мер»), посланный с небес богиней солнца Аматэрасу, чтобы перевести через горные перевалы Кумано легендарного первоимператора Дзимму. В этом походе ворон фактически исполнял обязанности адъютанта-порученца августейшего главнокомандующего, возвещая его волю вождям непокорных племен. В описании провинции Ямасиро («Ямасиро фудоки», первая половина VIII в.) отмечается, что Ятагарасу - это синтоистское божество Такэцунуми-но микото, внук великого бога Ками-мусуби. Согласно легенде святилища Кумано,

Дзимму стоял лагерем неподалеку от этого святилища. И тут из окрестностей современного храма Асука прилетел Ятагарасу и направился в горы. Вслед за ним последовал и Дзимму. Исследователи интерпретируют эту легенду в том смысле, что местный вождь указал Дзимму дорогу и перевел его армию через горные перевалы. В настоящее время вдоль этого маршрута стоят храмы Ятагарасу на вершине горы Такамияма и в деревне Исаса.

Историки указывают, что в образе Ятагарасу нашли отражения китайские представления о трехлапых красном солнечном вороне (Ян-у). В пользу этой мысли говорит и анекдотичная для современного читателя запись в «Нихон сёки», относящаяся к правлению государя Котоку, радостно извещающая о «счастливом знаменнии»: японский посол привез из Китая дохлую (!) ворону с тремя ногами.

В древнем Китае трехлапый (колченогий) ворон считался птицей солнечной. Миф о Стрелке (Охотнике) И утверждает, что своими стрелами он сбил девять из десяти солнц-воронов, и тогда в мире осталось только одно солнце. О тождестве солнца и ворона свидетельствует и метафорическое наименование дневного светила «Золотым (Огненным) Вороном» («Цыхай»). На бронзовых зеркалах эпохи Тан ворон также является символом солнца. Некоторые китаеведы считают, что мотивы, связанные с вороном, были привнесены в китайскую культуру чжоусцами под влиянием народов Северо-Восточной Азии, где культ ворона имел широчайшее распространение.

Потомки древнейшего населения Японских островов - айны - также выделяли ворона среди остальных пернатых, называя его божеством паськуру камуй (букв. «черный человек») и отождествляя его со змеей. Считалось, что эти птицы могут повлиять на удачу в промысле. Поэтому ничего плохого о них старались не говорить. Стрелять в ворон из лука считалось преступлением, и айнам приходилось терпеть их бесчинства. Такое почтительное отношение к этим птицам объясняется легендой, согласно которой ворон спас солнце, проглоченное злым духом (ударами в язык чудовища птица заставила его отрыгнуть добычу).

Однако, кроме традиции почитания ворона, практически по всей Японии существуют устойчивые и довольно единообразные народные поверия, согласно которым карканье карасу предвещает смерть, пожар или другое несчастье. В этом смысле ворон является антиподом петуху.

Кукушка

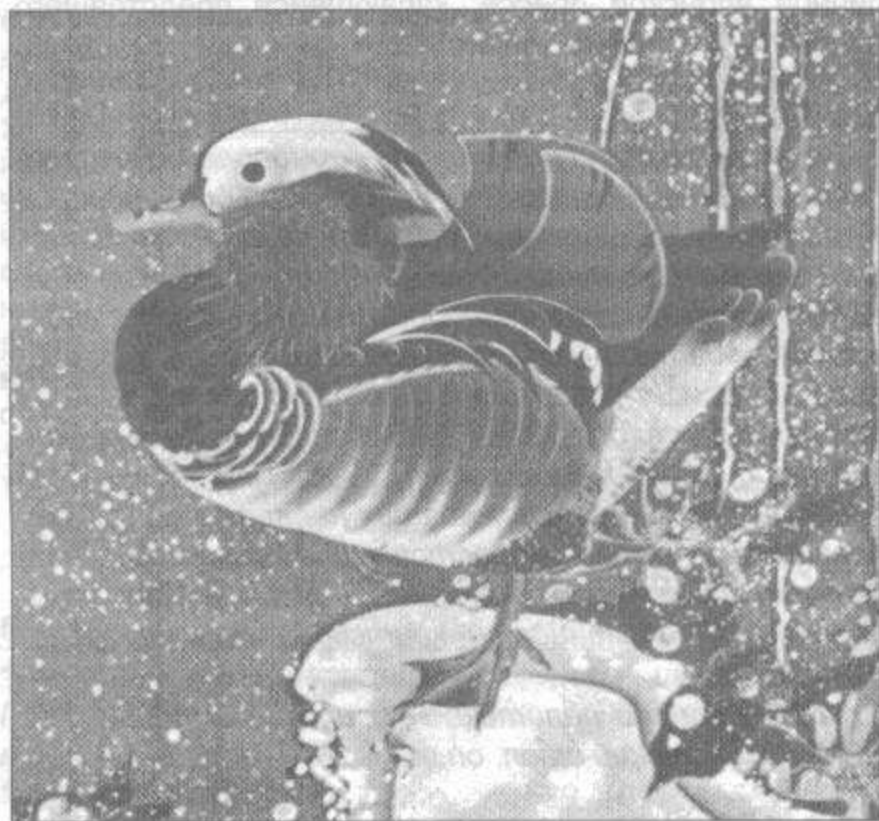
В Японии встречаются несколько видов семейства *Cuculidae*, но самая известная - хототогису (малая кукушка, *Cuculus poliocephalus*). Другие члены семейства, которые обитают в Японии: какко (кукушка обыкновенная, *Cuculus canorus*), цуцудори (кукушка гималайская, *Cuculus saturatus*) и дзюити (*Cuculus fugax*). Из них, кроме хототогису, в фольклоре часто упоминается только какко. У хототогису сравнительно длинные хвост и крылья; спинка и грудка серые, а живот - с черными горизонтальными полосками. Этот вид обитает по всей Восточной Азии (и даже на Мадагаскаре), зимует в Индии и Восточной Африке. Кукушка прилетает в Японию в мае и проводит все лето в широколиственных лесах гористых районов страны. Свои яйца она сама не высиживает, а подкладывает в гнезда других птиц, главным образом, в гнезда угуису - камышевки (разновидность славки), которую часто называют японским соловьем.

Пение кукушки, согласно японской поэзии, - основная примета начала лета. Хототогису иероглифически может записываться как «птица-время». Японская кукушка, по сравнению с ее европейской родственницей, издает более пронзительные звуки. Надрывный «плач» кукушки в классической поэзии передается словом «кара-курэнай» - «ярко алый» (букв. «алый краситель из Китая»). Существовало поверье, что кукушка плачет с таким надрывом, что ее клюв сочится кровью. Такая ассоциация вызвана тем, что у нее ярко-красный рот. Представления о кукушке в японской традиционной картине мира во многом схожи с другими культурами (она - вестник смерти, разлуки - «временной смерти»); это «связной» между миром жизни и смерти, «птица того света» (она поет ночью и на заре). В классической поэзии кукушка именуется «птицей гор смерти (Сидэ-но яма)», поскольку считалось, что она сопровождает умершего в страну смерти. Например, знаменитая поэтесса Исэ-но Таю (987-1036), услышав голос кукушки, сложила песню, в которой она оплакивает своего умершего год назад сына: «Эй, кукушка! Скажи мне как сын мой любимый там, в мире ином - ведь ты перелетела через Горы смерти».

Лебедь

С древности морские побережья и заливы японских островов, озера, реки и болота населяли многочисленные виды местных и перелетных водоплавающих птиц: утки, гуси, журавли, цапли, лебеди. Залитые водой многочисленные рисовые поля также привлекали их. Примерно 10 октября на Хоккайдо из северной тундры со стороны Японского моря прилетает малый лебедь (кохакутё); через 7-10 дней из сибирской тайги со стороны Тихого океана - большой (оохакутё). Птицы некоторое время отдыхают и кормятся водорослями, плавая парами во множестве «лебединых озер». Через несколько дней ясным утром они собираются в стаи по 50-60 птиц и улетают в направлении южных морей. Весной лебеди тем же путем возвращаются назад; огромными стаями они около месяца ожидают на озерах Хоккайдо, пока в Сибири не сойдет снег. Прилетая с севера, лебеди, по японским народным поверьям, несут снег. Айны называли лебедя «духом снега» или «помощником духа охоты», поскольку сезон охоты на зверя начинался по первому снегу.

Из России в Японию также прилетают гуси и журавли.

Причем, гуси прилетают раньше лебедей - осенью, и в этом Япония похожа на Россию: по В. Далю, «Лебедь летит к снегу (поздней осенью), а гусь - к дождю (ранней осенью)». Даурский журавль (манадзуру) и черный журавль (журавль-монах; набэдзуру) регулярно прилетают большими стаями из Восточной Сибири зимовать в юго-западных районах Японии (преф. Кагосима и Ямагути). Сибирский белый журавль когда-то обитал на Японских островах, но сейчас, похоже, уже исчез.

Поэтому в Японии с древности отмечено множество топонимов, связанных с лебедем или другой большой белой птицей. Среди топонимов выделяются несколько типов: 1) топонимы, описывающие внешний вид птиц - Сиротори, Сиратори, Хакутё («белая птица», лебедь); 2) звукоподражательные топонимы, производные от клика лебедей (Кафу, Кугухи и др.; в современном японском языке кугуи означает «малого лебедя»). 3) топонимы, отражающие пути миграции птиц: Торикоз\Торигоз, Торикоси\Торигоси («перелет птиц»). 4) топонимы, связанные с охотой на птиц: Тотори\Тоттори («ловля птиц»), Ванами («ловчая сеть»). В Японии имеется также немало синтоистских храмов, где почитают лебедя.

В японском фольклоре, мифах и легендах есть много историй, связанных с водоплавающими птицами, особенно белыми. Известна легенда об отважном воителе Ямато-такэру, умершем на равнине Нобо (совр. преф. Миэ); его душа после погребения в кургане превратилась в большую белую птицу (лебедя), улетевшую в сторону родного края Ямато (и на самом деле, с незапамятных времен каждый год перед самым наступлением зимы белые лебеди летят в этом направлении). Рассказ о попытках поймать эту птицу, сопровождаемых погребальными песнями, - это отражение обряда тамафури («уловление души» для оживления усопшего) или тамасидзумэ («упокоение души» усопшего). Есть также рассказы о том, как взрослый, но так и не научившийся говорить и плачущий, как малое дитя, принц услышал в небе крик пролетающего лебедя. Благодаря этой птице, пойманной в районе Идзумо, где с древности японцы локализовали страну мертвых, принц смог заговорить, т.е. обретя душу, принесенную лебедем, стал полноценным человеком. Сын принца Ямато-такэру, государь Тюай, повелел изловить «белую птицу» и «держат ее как домашнюю» во рве с водой у гробницы отца. Действительно, в дворцовых прудах и в тройном кольце каналов, окружавших гигантские царские курганы, гнездились водоплавающие птицы, которых подкармливали, чтобы они не улетали. Даже сейчас на «царских» курганах, где сохранилась хотя бы часть рвов с водой, все еще обитают водоплавающие птицы.

В Японии широко распространен в различных вариантах мировой мотив «лебединой девы». Он называется мотивом «жены-журавля», «жены-небожительницы» или хагоромо («пернатой одежды»). Мотив хагоромо в виде сказок или легенд, в которых птицы (лебеди) превращаются в женщин, встречается по всей Японии от префектуры Аомори на северо-востоке страны до острова Кюсю на юге. Впервые он упоминается в описаниях «земель и нравов» фудоки (VIII в.), а свое классическое воплощение нашел в пьесе театра Но (здесь героиня уже имеет облик феникса). В «Хитати фудоки» есть такой вариант легенды: каждое утро с неба спускались лебеди (сиротори) и превращались в прекрасных девушек; они собирали камни и строили запруды, а вечером улетали. Поэтому деревню называли Сиротори.

Японская печать о предстоящем визите в Японию наследника русского престола Николая Александровича весной 1891 г.

Поездка великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II) в Африку и Азию в 1891 г. - знаменательное событие в истории международных отношений конца XIX в. Задуманная как акция демонстрации миролюбивых устремлений России народам афро-азиатских стран, находящихся в прямой зависимости от колониальных западных держав либо под их серьезным политическим и экономическим влиянием, эта поездка оставила заметный след в политической жизни многих народов на огромном пространстве - от английских владений (Египет и Индия) и до самостоятельных государств - Сиам, Китай и Япония. Успешному осуществлению длительного путешествия, в которое отправился наследник русского престола, в значительной мере способствовал российский флот с его опытными морскими офицерами и матросами. Осуществив беспрецедентный переход из Триеста по Средиземному морю в Александрию, а затем через Суэцкий канал в Индийский океан, русская эскадра после посещения наследником Индии направилась вдоль берегов Индокитая и после захода на Яву вошла в территориальные воды Китая и Японии¹.

В каждой стране, где появлялся высокий гость из России, местные правители и жители встречали россиян с радушием и сердечным гостеприимством, выходящим за рамки обычного дипломатического протокола. Задолго до приезда престолонаследника местная печать уделяла повышенное внимание предстоящему визиту.

Не исключением в этом отношении была и Япония, о чем свидетельствуют материалы ее прессы, за характером высказываний которой внимательно следили представители российской дипломатической службы в Токио. Так, посланник в Токио Д.Е. Шевич в депеше от 31 августа 1890 г. сообщал в Петербург: «30 августа, в день нашего национального праздника, здешняя официальная газета «Japan Daily Mail» по примеру прошлого года поместила посвященную России передовую статью. Означенная статья имеет характер, весьма сочувственный России. Трактует о предстоящем посещении Японии их Императорскими Высочествами Государем Наследником Цесаревичем и великим князем Георгием Александровичем², «Japan Daily Mail» ставит на вид всю важность этого события как для Европы, так и для Японии, которой впервые дано встречать наслед-

¹ Описанию этого феноменального для своего времени визита в страны Африки и Азии посвятил солидный труд его участник кн. Э. Э. Ухтомский, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей». См.: Э. Э. Ухтомский. «Путешествие на Восток его Имп. Высочества Государя Наследника Цесаревича, 1890-1891. Т. I-IV. СПб. - Leipzig, 1893-1897. К сожалению, это литературное произведение при всей его ценности в описании восточных стран, посещенных высоким гостем из России, не раскрывает подоплеку его взаимоотношений с правителями этих стран, позволяющих полнее судить о результатах этого беспрецедентного в международной практике миролюбивого акта российского государства.

ника престола одной из великих держав. Для Европы продолжительное путешествие Цесаревича есть как бы гарантия мира, который, конечно, не будет нарушен и на Крайнем Востоке, где Россия, - продолжает автор [передовой статьи], - столько раз доказывала Японии свою непритворную дружбу...

Хотя редактор статьи и предвидит довольно фантастично, что Россия вынуждена будет со временем самую силу вещей распространить свое господство и над Кореей, но теперь, - продолжает он, - время еще не настало, и ложные слухи, распускаемые недоброжелателями великой северной державы, не поспорят ее с Японией, видевшей со стороны России столько доказательств истинной дружбы. Предстоящий приезд Наследника Цесаревича, - заканчивает статью «Japan Daily Mail», - еще более скрепит узы дружбы между обеими странами³.

В плане оценки дипломатической акции российского правительства представляется интересным и высказывание другой японской газеты «Иомиури симбун», которое также привлекло внимание российского посланника в Токио. В его депеше от 3(15) марта 1891 г., в частности, указывалось: «По мере того, как приближается время прибытия в Японию Государя Наследника Цесаревича, в здешнем общественном мнении начинает проявляться довольно чувствительное изменение в смысле некоторого сближения с Россией... Влиятельная по политическая газета «Иомиури-симбун», трактует на днях о приезде в Японию Наследника Цесаревича, констатирует, что «посещение страны сей наследником величайшего государства на свете представляет собою для Японии международное событие жизненной важности» (курсив посланника - А.Х.). Поэтому «Иомиури симбун» выражает убеждение, что японский народ встретит августейшего путешественника с подобающим Его званию уважением и почестями⁴.

18(30) марта 1891 г. Д.Е. Шевич сообщил министру иностранных дел Н.К. Гирсу об очередной статье в столичной японской прессе, касающейся предстоящего приезда в Японию наследника русского престола. «Считаю долгом, - писал он, - представить... перевод только что появившейся в японской газете «Ничи ничи

² Великий князь Георгий Александрович Романов (1871-1899), брат цесаревича, в период пребывания в Индии тяжело заболел и был вынужден отказаться от дальнейшего путешествия. Он умер 28 июня 1899 г. в Абас-тумане, о чем сообщила детальные сведения выходившая в Тифлисе газета «Кавказ». Подробнее о нем см.: «Владивосток», № 26 (11 июля 1899 г.) и № 36 (5 сентября 1899 г.); «Вологодские губернские ведомости», № 138 (2 июля 1899 г.). Из сановных зарубужных особ, сопровождавших наследника русского престола в поездке по восточным странам, следует указать греческого королевича Георгия, в 1899 г. выполнявшего обязанности критского генерал-губернатора.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВ-ПРИ), ф. Японский стол, оп. 493, 1890-1895, д. 1746, л. 11.

симбун» длинной передовой статьи о предстоящем прибытии в Японию Государя Наследника-Цесаревича... Статья эта не требует комментариев, и я ограничился тем, что отметил на ней самой те места, которые вызывают наибольшее изумление.

Всё, что я могу сказать здесь об этом новейшем политическом произведении фантазии японских публицистов, это то, что оно превосходит по... безграничному самомнению изложенных в нём идей всё, что до сих пор печаталось в этом роде в Японии. [...]

Я должен прибавить, что хотя означенная газета нередко получает вдохновение из правительственных сфер, однако в данном случае я несколько колеблюсь утверждать, что настоящая статья ее в своем общем составе имеет прямо официальное происхождение. Я думаю, что статистические и иные данные, коими она изобилует, были действительно сообщены газете из официальных источников, но что политические сообщения и далеко не враждебные России общие заключения статьи представляют собою скорее личные воззрения автора, хотя сей последний, по-видимому, и принимает на себя роль выразителя общественного мнения⁵.

Автор статьи поставил своей целью доказать, что визит цесаревича должен быть использован для укрепления дружественных отношений между Японией и Россией. Для обоснования своей точки зрения он прибегает к нескольким группам аргументов. Во-первых, «хороший приём высокопоставленных гостей есть уже принятый акт вежливости во всех цивилизованных странах, а поэтому и мы должны не отступать от этого обычая и не только принять русского наследника хорошо, но вместе с тем и воспользоваться этим случаем для более тесного сближения с Россией, чтобы Япония и Россия находились в согласии на Крайнем Востоке и помогали друг другу». Во-вторых, газета утверждала, что сближение Японии и России не возбудит недовольства соседних стран (Китая и Кореи), поскольку «мы намерены не только отнестись с почтением к русскому императорскому дому, но будем также любезны и по отношению к дворам китайскому и корейскому. Скажем более, мы не перестаем надеяться на посещение высоких гостей из Китая и Кореи и желаем даже, чтобы четыре государства: Россия, Китай, Корея и Япония сплотились в Азии в тесный союз и не допустили бы западноевропейские державы обращать свои [тайные] помыслы на Восток».

В-третьих, приводится еще один геополитический аргумент: дружба с Японией сулит всем заинтересованным странам огромные преимущества: «Чем же сильна Япония? Тем ли, что она имеет сильный флот или большую армию? Тем ли, что она сделала большой прогресс в цивилизации или приобрела искусство в дипломатических переговорах? Вовсе нет. Напротив, Япония в самом деле есть не более, как незначительный остров, и сил ее недостаточно, чтобы произвести что-нибудь на Востоке. Она еще мало опытна в международных сношениях и в делах внешней политики, но она занимает на [Дальнем] Востоке почетное положение потому, что служит здесь балансом политического равновесия», и любая из стран, будь то Англия, Германия, Китай или Россия, если она заключит с Японией союз, получит решающее преимущество».

То есть, несмотря на достаточно спокойный тон статьи, газета все-таки находит возможность подчеркнуть «особость» Японии: самую влиятельную на Востоке державою оказывается не Англия, не Россия, а Япония.

Четвертая группа аргументов заслуживает, может быть, наибольшего внимания. Автор доказывает, что

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВ-ПРИ), ф. Японский стол, оп. 493, 1890-1895, д. 1746, лл. 143-144.

⁵ АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, 1891, д. 639, л. 1.

Россия настолько слаба на Дальнем Востоке, что искать союза с Японией было бы для нее только естественным. При этом поражает осведомленность газеты, предоставившей публике детальнейшие сведения относительно российских вооруженных сил.

«...В Европе Россия чрезвычайно сильна, и слова «двуглавый орел» производят там впечатление громавого раската... Совершенную противоположность представляет эта держава на Востоке: Азиатская Россия является Россией, достойною участия. [...]

...В Европе Россию можно сравнить с рыкающим львом или разгневанным слоном, тогда как на Востоке она подобна ручной овечке или спящей кошке. Кто же скажет, что Россия может кусаться на Востоке, и кто станет утверждать, что она преследует в Азии крайние политические цели! Всё это не более, как трусость и недомыслие. Россия вовсе не питает на Востоке агрессивных намерений по отношению к другим державам, а, напротив, сама находится в затруднении на счет охраны собственных владений».

Не довольствуясь общей оценкой военных возможностей России на Дальнем Востоке, газета переходит к анализу конкретных данных, касающихся боеспособности России: «По последним сведениям, Россия имеет в Сибири до 100 тыс. чел. постоянных и резервных. Эти войска разделены на три округа: Амурский (Приамурский край, Забайкальская область и Сахалин), Восточно-Сибирский (Иркутская и Енисейская губернии и Якутская область) и Западно-Сибирский (Омская и Томская губернии и Акмолинская область). В этих трех округах расположены сухопутные войска, состоящие из 2 стрелковых бригад (Главное управление в Николаевске), 8 батальонов коих распределены по разным местам; из 5 линейных батальонов (Главное управление во Владивостоке), 5 резервных рот (Главное управление в Сретенске), 450 чел. местной команды в Александровске, одной артиллерийской бригады с 20 орудиями в Хабаровске, двух батарей Владивостокской крепостной артиллерии, 6 эскадронов кавалерии и двух казачьих - в Чите и трех саперных батальонов во Владивостоке. Всего 30 с лишком батальонов и эскадронов. Это число войск признано Россией достаточным для охраны пространства в 8.000 верст! Кроме того, в Сибири есть резервные казачьи войска в 150 станицах; считая в каждой по 100 чел., мы получим всего 15 тыс., следовательно, в военное время можно собрать до 100 тыс. войска. Понятно, что такими незначительными силами Россия не может действовать по своему произволу на Востоке. Сверх того, надо заметить, что из всех этих 100 тыс. в случае войны самые пригодные только два эскадрона казаков. Что же касается прочих, то все солдаты большею частью слабосильные инвалиды, которые и в мирное-то время не могут сделать в день перехода больше 10 миль, не говоря уже о том, что лишь одна треть этих войск вооружена ружьями, заряжающимися с казенной части. Как же можно России храбриться на Востоке с подобными войсками, так плохо вооруженными, которых, по нашему мнению, недостаточно и для её собственной обороны».

Констатируя нынешнюю военную слабость России, автор так же скептически относится и к ее перспективам в ближайшем будущем. «По тому ли, что Россия чувствует себя недостаточно сильною в Сибири, или по иным каким причинам, но она не намерена в скором времени провести Сибирскую железную дорогу. Мы, однако, сомневаемся, чтобы эта громадная дорога могла удовлетворить задуманным планам России. Мы сомневаемся в этом потому, что, если, например, на Крайнем Востоке произойдут какие-нибудь затруднения, и Россия найдет недостаточным число своих сибирских войск, то чтобы доставить, положим, дивизию из Петербурга во Владивосток, потребуется не менее двух недель (по железной дороге в два пути). Вот в чем состоит неудобство в отношении перевозки войск.

Летопись

Между тем, если бы Япония, например, пожелала доставить во Владивосток одну дивизию через свой север, то она могла бы сделать это в одну неделю, а отправивши войска из Хакодате или Сендая, их можно перевезти во Владивосток в течение двух суток. Таким образом, если даже отделенная от России морем Япония может быстро мобилизовать свои войска, то нечего уж и говорить о пограничном с нею Китае. [...]

Приступим теперь к рассмотрению [боеспособности] морских сил России. На Крайнем Востоке Россия имеет Тихоокеанскую эскадру и Сибирскую флотилию. Эскадра состоит в настоящее время из трех первоклассных судов: «Владимир Мономах», крейсер, и «Адмирал Корнилов» и двух деревянных судов. В Сибирской же флотилии находятся: «Сивуч», «Бобр», «Кореец» и др., всего семь судов. Итого 12 судов. Неужели подобная эскадра достаточна для охраны всего побережья России? (Положим, что северные моря имеют естественную защиту в своей малодоступности.) Таких сил не хватит даже для обороны одного Сахалина. Иными словами, Россия посредством 12 судов не в состоянии усмирить бури, могущей подняться на Восточном океане. Кроме того, Владивосток, Императорская гавань и Николаевск ещё недостаточно вооружены и снабжены боевыми припасами, чтобы считаться настоящими военными портами. [...]

Те, которые думают, что Россия способна кусаться в Азии как ядовитая змея похожи на человека, боящегося тигровой шкуры потому только, что тигр - очень свирепое животное»⁶.

Из вышеприведенных сообщений трех наиболее влиятельных в Токио газет можно видеть, что настрой японской столичной прессы и, следовательно, японской общественности в отношении предстоящего визита в Японию наследника русского престола был вполне доброжелателен и достаточно корректен в оценке острых проблем внешней политики России. Столь же благожелательным оставался характер выступлений японской печати во время начавшегося визита, когда цесаревич, высадившись на японский берег в Нагасаки, отправился по стране, где жители разных городов, куда он приезжал, встречали его восторженно и радушно.

К сожалению, атмосфера исключительного гостеприимства была испорчена неожиданным нападением на наследника русского престола в г. Оцу (близ Киото) неврастеничного полицейского-самурая, нанесшего высокому российскому гостю два сабельных удара по голове. По этой причине предполагавшийся визит последнего в Токио, где должны были состояться главные торжества, пришлось отложить, но встреча наследника русского престола со специально приехавшим в Киото японским императором все же состоялась, причем в самой корректной и дружеской обстановке.

Печальный инцидент, едва не стоивший жизни будущему российскому монарху, был описан японской прессой с явным сожалением о случившемся, не говоря уже о том, что на имя пострадавшего поступила огромная масса писем и телеграмм с выражением сочувствия от влиятельных и известных деятелей общественных организаций и государственных учреждений Японии, а также от представителей местной администрации почти всех уровней (включая сельских старост).

В то же самое время необходимо отметить, что при общем благожелательном тоне высказываний относительно России некоторые ремарки свидетельствуют о том, что японское общественное мнение было готово развернуться на 180 градусов при условии изменения ситуации. Благожелательный тон японской прессы в отношении России поддерживался в течение нескольких последующих лет, пока правительство цинского Китая в марте 1898 г. не заявило о передаче России в длительную аренду (на 25 лет) южной части Ляодунского полу-

острова, включая крепость Порт-Артур и г. Дальний. Автор передовицы в «Нити-нити симбун» недооценил решимость России проводить «активную» внешнюю политику не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Известие о передаче в аренду вышеперечисленных китайских территорий больно ударило по самолюбию японских военачальников, принимавших участие в период японо-китайской войны 1894-1895 гг. в захвате укреплений Порт-Артура. Подогреваемые шовинистическими призывами наиболее экстремистски настроенной японской прессы, они вскоре приступили к осуществлению новой программы перевооружения страны с целью подготовки войны с Россией. В пользу военного реванша откровенно высказывались многие представители тогдашней японской прессы, подталкивавшие японское правительство к гонке вооружений за счет военных заказов в западноевропейских странах и США. Заняв враждебную позицию в отношении России задолго до нападения японской эскадры на Порт-Артур в ночь с 26 на 27 января 1904 г., значительная часть японской прессы активно занималась антирусской пропагандой.

Не случайно при составлении инструкции для нового российского посла в Японии Н.А. Малевского-Малевица ее авторы сотрудники МИД - обратили серьезное внимание на факт раздувания японской прессы антирусских настроений задолго до русско-японской войны. В данной инструкции, составленной 3 июня 1908 г., в частности, отмечалось: «Уже за несколько лет перед [русско-японской] войной в японской журналистике замечалось враждебное отношение ко всему русскому и распространение о России всевозможных неблагоприятных слухов, имевших определенной целью возбуждать против нас общественное мнение Японии.

При высоком проценте грамотности в Японии и живом интересе населения к политическим вопросам газеты имеют там широкое распространение. Этим объясняется, что газетные кампании, часто искусственно возбуждаемые политическими партиями, косвенно влияют на решения правительства. *В виду этого необходимо внимательно следить за политической прессой в Японии и стараться противодействовать таким течениям, которые могут нанести ущерб нашим интересам.* Нет сомнения, что после восстановления мирных сношений и заключения последних наших договоров с Японией местная пресса примет более миролюбивый тон. Однако возможность шовинистических выходов при малейшем поводе не исключена, и всегда можно ожидать вспышек недоверия к нам со стороны некоторых органов печати, неприязненно настроенных ко всем иностранцам. Как известно, излюбленным приемом газетных листов являются измышление и искажение фактов. Среда, в общем мало знакомая с нашим отечеством, охотно принимает на веру небылицы, распространяемые нередко нашими же революционерами о русской жизни, государственном устройстве, действиях администрации и т.п. Само собою разумеется, что русское дипломатическое представительство в Токио не может входить в полемику с местной прессой, но желательно было бы изыскать такие приемы, которые дали бы Вам возможность иметь некоторое общение с местной повременной печатью»⁷. (курсив мой. - А.Х.)

Включение в текст инструкции МИД для российского посла в Японии пункта о необходимости внимания к местной прессе, впервые осуществленное в практике внешнеполитического ведомства в отношении Японии, - яркое свидетельство признания российской дипломатией особой роли средств массовой информации в политической жизни этой страны. К сожалению, понимание огромной роли прессы в жизни японцев (при их высоком уровне грамотности) пришло к руководству российской дипломатической службы с довольно большим опозданием после русско-японской войны.

⁶ АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, 1891 г., д. 639, л. 1-15.

⁷ АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, 1908-1916, д. 1020, л. 22-23.

Алексей Горбылёв

Дзюдзюцу: победа уступчивостью

Воинские искусства Японии - явление весьма многообразное, многоликое. Здесь и фехтование мечом, и стрельба из лука, и боевое плавание в доспехах, и управление войсками на поле битвы и... воинский этикет, и танцы с мечами, и даже военно-полевая медицина... Да, да, все это японские специалисты включают в понятие «бугэй» - «воинские искусства».

Для европейца бугэй - штука не очень понятная. И в самом деле! С развитие военного дела в Европе устаревшие его формы бесповоротно отмирали, да так основательно, что, порой, даже самое общее представление о них в настоящее время составить чрезвычайно трудно. А вот в Японии по сей день сохраняются школы самых разных воинских искусств, насчитывающие историю в двести, триста, а то и четыреста лет. Причины такого долгожительства и интереса к самурайским приемам у наших современников - это тема отдельного разговора. А сейчас я хотел бы обратить внимание читателя на другое: живые школы в сочетании с сотнями дошедших до нас текстов самого разного содержания - от генеалогий до детальных иллюстрированных наставлений - дают историкам уникальную возможность заглянуть в прошлое, ощутить аромат прошедших эпох, залезть в «шкуру» японского самурая.

В своем журнале мы планируем рассказать о некоторых из воинских искусств, которые либо слабо известны, либо неизвестны вовсе широкому кругу любителей японской культуры в нашей стране. Открывает эту серию публикаций очерк о дзюдзюцу - искусстве самураев, давшем жизнь таким всемирно известным видам борьбы как дзюдо и айкидо, послужившем основой для армейских и полицейских систем рукопашного боя всех ведущих стран мира, но при этом оставшемся, по большому счету, неизвестным любителям борьбы.

Истоки японской борьбы

Борьба без оружия - вероятно, самое древнее боевое искусство на Земле. Еще до того, как человек взял в руки камень или палку, он уже умел бить кулаками, пинаться ногами, кусаться и царапаться.

Истоки японского искусства ближнего боя теряются в дымке времен. Уже в древнейших мифологическо-летописных сводах «Кодзики» (712 г.) и «Нихонги» (720 г.) имеются упоминания о тикара-курабэ, или «состязаниях в силе», - рукопашных поединках не на жизнь, а на смерть с использованием всех известных в те времена приемов: ударов руками и ногами, бросков, выкручиваний рук, удушений. Богатырским поединкам такого рода придавалось большое значение. Так, согласно мифам, именно в поединке между богами Такэмикадзуты и Такэминаката решался вопрос о том, кто должен владеть землей Идзумо.

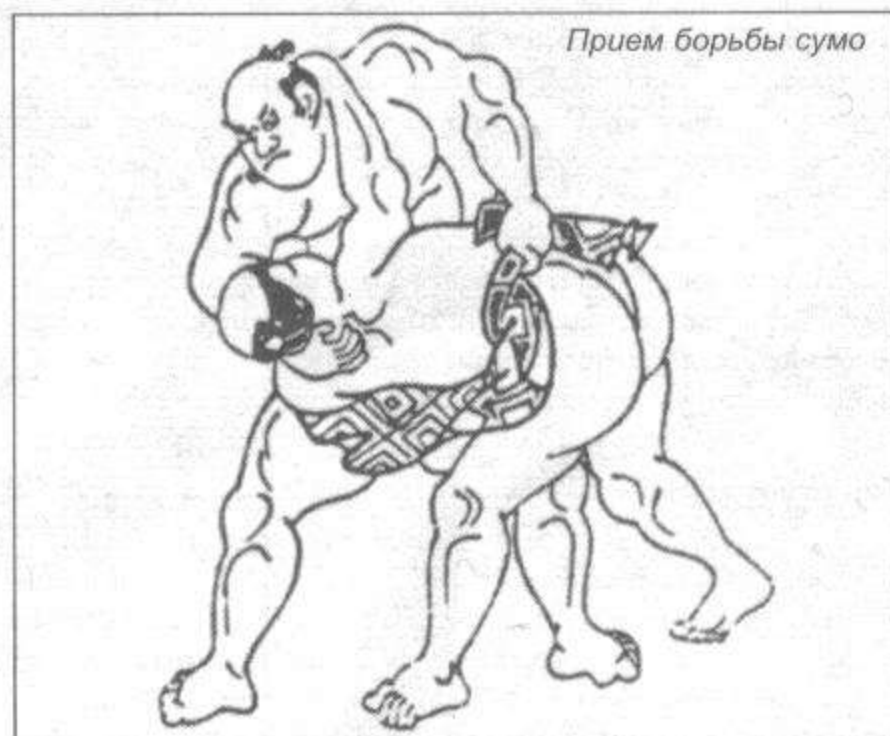
В «Нихонги» содержится колоритный рассказ о поединке двух силачей, который произошел якобы в 230 г. до н.э. Придворные доложили тогдашнему государю,

что «в деревне Тайма есть доблестный муж по имени Тайма-но Кэхая», который «обладает огромной физической силой и может ломать рога и выпрямлять крюки» и утверждает, что нигде на свете нет богатыря, который смог бы одолеть в схватке не на жизнь, а на смерть. Император заинтересовался у своих приближенных, нет ли еще такого силача, что смог бы посоперничать с Кэхая. И тогда один из министров сообщил, что «в стране Идзумо есть доблестный муж по имени Номи-но Сукунэ», который мог бы сразиться с богатырем из Тайма. В тот же день государь послал за Номи-но Сукунэ и повелел ему биться с Тайма-но Кэхая. «Мужи встали супротив друг друга. Оба подняли ноги и пнули друг друга. И Номи-но Сукунэ сломал ударом ребра Кэхая, и еще раз ударил и сломал ему поясницу, и так убил его. Посему земля Тайма-но Кэхая была захвачена и целиком отдана Номи-но Сукунэ», - сообщает «Нихонги» (перевод А.Н. Мещерякова).

Сумо

Победитель этого боя, Номи-но Сукунэ, исстари почитается как родоначальник борьбы сумо. С VII в. состязания по сумо стали проводиться при императорском дворе. По «Нихонги», в 642 г. императрица Когёку повелела устроить борцовские поединки для увеселения посла из корейского государства Пэкче. В них приняли участие воины дворцовой стражи и корейцы. В 682 г. при дворе прошел турнир богатырей из племени хаято. А император Сёму (724-749) положил начало традиции проведения в 7-й день 7-й луны регулярных турниров по сумо, приуроченных к Танабата, празднику окончания полевых работ и начала осени.

Полагают, что сумо издревле было тесно связано с земледельческим культом. Поединки устраивались для гадания о качестве будущего урожая, увеселения и умилоствления ками - японских духов и богов. Такое ритуальное сумо до сих пор сохраняется в некоторых райо-

Сила

нах Японии. Например, во время турнира в святилище Оямадзуми в преф. Эхимэ лучший борец разыгрывает пантомиму, изображающую схватку с духом рисового колоса. На турнире в г. Сакураи в преф. Нара борцы схватываются в грязи рисового поля. В святилище Инари в г. Хигасиканэ борются саотомэ - девушки, сажающие рис. Даже древнее название сумо - «сумаи» - связывают с окончанием уборки риса - сумаи.

В 821 г., в правление императора Сага (809-823), в «Уложение о придворных церемониях» был внесен параграф о турнирах сумо сэтэиэ. Состязания сумо сэтэиэ рассматривались как обряд умилостивления kami во имя благополучия страны и богатого урожая, а также как форма гадания об урожае. Кроме того, на них отбирали воинов для охраны государственной сокровищницы, телохранителей членов императорской фамилии и т.д. За два-три месяца до турнира во все провинции для выявления достойных претендентов направлялись офицеры правой и левой дворцовых страж. Они оповещали о состязаниях, наблюдали за отборочными соревнованиями. Чемпионат проходил в течение одного дня на территории дворца и обставлялся весьма торжественно. Его открывало яркое шествие колонны из трехсот борцов. Приблизительно за десять дней до турнира проводились предварительные схватки, во время которых оценивали силы борцов, определяя очередность выхода во время парада. Во время соревнований борцы выступали двумя командами - от правой и левой страж. Схватки проводились на ровной песчаной площадке. Четких правил первоначально не было, и борцы кроме бросков использовали удары руками и ногами, но постепенно наиболее опасные приемы были запрещены, сложился стандартный набор бросков, толчков, сваливаний, почти идентичный современному. Техника была довольно проста, и упор делался на силу. Победа в схватке присуждалась борцу, бросившему противника наземь. Поэтому в партере борьба не велась и соответственно не

изучалась. Судили поединки военные чиновники, а в качестве верховного арбитра выступал сам император. Турниры сумо сэтэиэ проводились ежегодно, первоначально в середине 2-й декады 7-й луны, позднее - в 8-ю луну. Последний такой турнир состоялся в 1174 г.

Постепенно наметилось размежевание ритуально-спортивной и боевой борьбы. Благодаря участникам сумо сэтэиэ, разогнанным двором в 1174 г., которые разбрелись по провинциям, ритуально-спортивный вариант получил распространение среди сельских борцов. А боевое сумо, включавшее различные удары ладонями, кулаками и ногами, развивали самураи, готовившиеся к рукопашным схваткам на поле боя. На его основе XI-XII вв. постепенно складывается искусство борьбы в доспехах ёрои-кумиути.

Ёрои-кумиути

Примерно с X в., параллельно со становлением военного сословия самураев, начало складываться искусство борьбы в доспехах - ёрои-кумиути (кумиути, ёрои-гуми, каттю-гуми). Наивысшего расцвета оно достигло в конце XII-XIII вв.

На технический арсенал ёрои-кумиути оказали влияние конструктивные особенности тяжелых японских доспехов оёрои и своеобразный дуэльный кодекс, которому следовали самураи в этот период. Этот кодекс предписывал воину на поле боя сражаться с достойным противником по определенным правилам, один на один, на глазах у бойцов обеих армий. Участие в таком поединке вне зависимости от его исхода рассматривалось как подвиг и гарантировало воину и его семье славу и вознаграждение со стороны сюзерена. По этой причине битвы между двумя армиями самураев иногда превращались в грандиозные турниры, распадавшиеся на сотни дуэлей между конными высокоранговыми воинами, которые либо стреляли друг в друга из луков с коней на скаку, либо схватывались в стиле кумиути. Часто борцов-

Рукопашный бой в битве при Каванакадзима (1561 г.)

ская схватка следовала за перестрелкой из луков, если она не выявляла победителя.

Стиль ёрои-кумиути XII-XIII в. характеризовался тем, что бойцы часто начинали поединок, сидя в седле. Сблизив коней, они схватывались друг с другом, стараясь прижать голову противника к луке своего седла и отрезать ее ножом. Сцепившись, бойцы часто вместе падали и продолжали бой на земле в положении лежа, так как тяжелые доспехи в сочетании с действиями и весом противника не давали им подняться на ноги. Вот несколько характерных примеров из «Сказания о доме Тайра»: «Сацума-но Ками... славился своей силой и к тому же был чрезвычайно подвижен и ловок, поэтому, сжав Тададзуми, он стащил его с коня, нанеся ему два удара ножом, пока тот еще был в седле, а потом еще один, после того, как он упал. Первые два удара попали в панцирь и не смогли пробить его, но третий удар ранил в лицо, хотя и не был смертельным».

«Поравнявшись, они схватились и оба грузно рухнули на землю. Иномата славился силой во всех восьми землях Востока. Говорили, что он с легкостью ломает оленьи рога у самого основания. Моритоси, в свой черед, был такой богатырь, что способен был в одиночку столкнуть на воду или поднять на берег лодку, которую сдвинуть с места или столкнуть на воду смогли бы разве что шестьдесят или семьдесят человек! Он сгреб Иномату в охапку и сдавил его с такой силой, что тот не мог шевельнуться. Прижатый к земле, Иномата старался дотянуться рукой до ножа, но пальцы онемели и ему не удавалось сжать рукоять. Он пытался вымолвить слово, но Моритоси давил его мертвой хваткой, и слова застредали в горле. Иномата уже приготовился к тому, что сейчас ему снимут голову, но хоть он и уступал Моритоси в силе, зато духом был тверд, и потому, через силу набрав в грудь воздух» запросил о пощаде.

Тем временем подъехал закадычный друг Иноматы Сиро Хитоми. «Сперва Моритоси не спускал глаз с обоих своих врагов, но по мере того как всадник, скакавший во весь опор, все приближался, он только на него и смотрел и невольно упустил из виду сидевшего рядом Иномату. А тот, улучив мгновение, когда Моритоси отвернулся, внезапно вскочил и с громким криком изо всех сил толкнул Моритоси в грудную пластину панциря, так что Моритоси кувырком полетел назад, в жидкую грязь заливного поля. Не успел он подняться, как Иномата с размаха прыгнул на него сверху, выхватил нож, висевший у пояса Моритоси, трижды ударил его - глубоко, насквозь! - и мощным ударом снял-таки голову Моритоси».

Техника боя в стойке во многом походила на сумо - те же толчки и сваливания. И это легко объяснимо: тяжесть доспехов с успехом заменяла искусственно нагнанный жир сумоиста. Да и громоздкие, похожие на коробки панцири мешали брать удобный захват. При случае воины могли использовать и удары руками и ногами, но только как вспомогательное «оружие» - о доспехи противника было проще отбить руку или ногу, чем нанести какой-нибудь вред.

Большое значение имели, конечно же, физическая сила, выносливость и вес борца, однако главным залогом победы уже стало владение специальными приемами борьбы. Главным в ёрои-кумиути было правильное использование бедер и силы конечностей. Достигалось это при помощи специального обоюдного симметричного захвата ётцу-гуми, пришедшего из сумо. В ётцу-гуми оба бойца плотно обхватывали друга, не хватаясь при этом за пластины доспехов. Такой захват помогал воину со-

хранять равновесие и позволял эффективно контролировать действия противника. Часто применялись разнообразные броски с падением, в которых боец стремился использовать вес собственного тела и тяжесть доспехов, чтобы опрокинуть противника на землю. После броска он стремился навалиться всей массой сверху, использовал удержание, чтобы обессилить врага, а затем прикончить ударом ножа.

В ёрои-кумиути широко применялись удары и уколы коротким мечом, ножом или специальным кинжалом, который обычно носили заткнутым за пояс на правом бедре. В бою воин левой рукой старался контролировать действия противника, а правой наносил удары ножом, метя в уязвимые, не прикрытые доспехами части тела противника.

Мастера ёрои-кумити стремились максимально эффективно использовать особенности конструкции японских доспехов. Например, при нападении на лежащего противника сзади рывком за козырек шлема вверх-назад можно было открыть его горло, чтобы перерезать ножом, или даже сломать шею.

С приходом в XIV в. на смену «турнирам» правильного боя организованных подразделений пехоты, с распространением более легких и удобных типов доспехов в ёрои-кумиути начала активно развиваться техника борьбы стоя. Появились первые школы. Самой древней из них считается Цуцуми Ходзан-рю, созданная во второй половине XIV в. мастером Цуцуми Ямасиро-но ками Ходзан.

Когусоку-дзюцу

В XVI в. на основе кумиути складывается новая разновидность японского искусства ближнего боя, которая называется «когусоку-дзюцу» - «искусство боя малым оружием», кратко - «когусоку».

Слово «когусоку» восходит к старинному буддийскому термину «гусоку» со значением «иметь вполне», «обладать в полном объеме». С конца XII в. воины стали называть так полный комплект доспехов, а также основные виды оружия. А несколько позднее появилось и слово «когусоку» - для обозначения неполного комплекта доспехов или облегченных доспехов, какие применяли рядовые воины, а также различные малые виды оружия: короткий меч, нож и т.д.

Основу когусоку составляли приемы боя малым оружием, направленные на поражение противника, а также приемы его захвата живьем и связывания. Хотя когусоку-дзюцу развилось из кумиути, его арсенал был гораздо богаче, потому что облегченные доспехи, применявшиеся японскими пехотинцами, меньше сковывали бойцов. Здесь и знакомые по дзюдо и айкидо броски через бедро, спину, плечо, оригинальные перевороты противника вниз головой с последующим опусканием черепом на мостовую, болевые приемы на локоть и колено, на шейные позвонки. В когусоку довольно широко применялись и удары, рассчитанные на поражение непокрытых нагрудником частей тела - почек (круговой удар кулаком в обход туловища), паха (удар типа «апперкот» под «юбку» доспехов), колена (удар пяткой или ребром стопы) и т.д.

Воинские искусства в эпоху Эдо (1603-1868)

С окончанием междоусобных войн в начале XVII в. в Японии установился долгожданный мир, и доспехи были надолго уложены в сундуки. Наступило время осмысления накопленного за долгие годы войн опыта.

Под влиянием религиозных традиций воинские искусства постепенно перерождаются из чисто прикладных

Сила

систем, предназначенных для применения на поле боя, в особые Пути - До (кит. Дао). Такая практика воинского искусства подразумевала самораскрытие человека, реализацию его творческих потенций и достижение гармонии с самим собой и окружающим миром через овладение воинскими приемами и трансформацию сознания, изменение видения мира.

В этот период во всех направлениях воинских искусств возникают сотни «школ» - рю или рюха. Рю - специфически японский механизм передачи знания во времени, из поколения в поколение. Рю можно рассматривать, как минимум, в двух аспектах: как особую организацию, в рамках которой осуществляется передача знаний от наставников ученикам, и как знание, учение как таковое. Учение школы, или рюги, - это совокупность всех ее приемов, теоретических разработок и религиозно-философских доктрин. Оно включает ограниченный набор элементов и разделяется на множество ступеней, которые последовательно осваивает ученик под руководством наставника. Знание школы священно. Считается, что это знание - не только плод усердия в ежедневных утомительных тренировках, личного боевого опыта, жажды познания секретов воинского искусства, таланта и ума. Основатель рю либо получает его в дар от богов либо обретает через сатори - буддийское просветление, потому рюги в глазах членов школы обладает абсолютной ценностью и подлежит передаче последующим поколениям. Это знание не отделимо от просветленного сознания мастера, без которого оно попросту не «работает». Поэтому, передавая школу, учитель, прежде всего, передает опыт просветления. В результате школа превращается в сообщество посвященных, стремящихся к постижению высшей истины, выходящей за пределы обыденного понимания, к раскрытию сверхъестественных способностей.

Подобная трансформация сущности воинских искусств имела весьма серьезные последствия. Например, в результате нее рю отграничивается от всяких внешних воздействий, замыкается сама на себе - священное знание не может быть доступно массе профанов, а это влечет за собой резкое замедление темпов развития - не получая вызовов извне, школа на них и не отвечает, да и кто рискнет подправлять богов, даровавших Знание основателю?

Кроме того, в эпоху Эдо преподавание воинских искусств становится средством заработка, превращается в своеобразный бизнес, а у бизнеса, как известно, свои законы. В организационном плане рю представляет собой копию большой традиционной семьи, отношения в которой регулируются традиционными нормами, синтоистским культом предков и конфуцианскими морально-этическими предписаниями, регламентирующими отношения между родителями и детьми, старшими и младшими. Во главе рю стоит патриарх - измото, или сокэ. Измото может быть основатель школы, его потомок или, реже, самый сильный мастер из другого рода. Он выступает хранителем традиции школы и один во всей рю имеет право выдавать особые лицензии - юруси. «Юруси» буквально означает «разрешение», имеется в виду разрешение перейти на следующую ступень обучения. Как правило, обучение в рю было платным. Ученик вносил деньги при вступлении в школу, во время экзаменов при переходе со ступени на ступень и получения юруси, преподносил мастеру подарки по случаю различных праздников. Таким образом, по сути, рю представляла собой своеобразное «торговое предприятие». «Товаром» в рю было знание-рюги, «продавцами» - глава

школы и подчиняющиеся ему инструктора, «покупателями» - ученики.

Как и всякий другой бизнес, рю поддерживалась широкомасштабной рекламой. Фабриковались «истории», расцвеченные легендами, составлялись разветвленные генеалогии, призванные демонстрировать влияние рю, корни рю возводились к выдающимся воинам или полководцам прошлого, к богам и святым буддийским подвижникам, при входе в тренировочные залы нередко вывешивались хвастливые вывески, ученики распускали хвалебные слухи о своих наставниках, делали подношения храмам и вывешивали по этому случаю специальные доски с указанием дарителя и т.д.

Основную массу доходов от школы получал измото. Измото назначался верховным мастером, и никто в школе не имел права его сместить. Он обладал в рю непрекаемым авторитетом, который был связан с тем, что, по традиции, измото рассматривался как единственный обладатель сокровеннейших секретов школы - хидэн. Считалось, что эти секреты наделяют его сверхъестественным могуществом, но на деле, вероятно, нередко бывало так, что главным секретом измото было как раз отсутствие у него знаний каких-либо секретов. И это неудивительно, ведь мир устроен таким образом, что члены одной и той же семьи сильно разнятся по своим способностям, личным склонностям и специфическим талантам. Думается, что нет и не может быть такой семьи, которая на протяжении десятков поколений производила бы на свет равных по силе и таланту мастеров воинских искусств. Увы! Не существует таких методик, которые бы гарантировали каждому человеку достижение высокого уровня мастерства. Поэтому, чтобы обеспечить своему отпрыску возможность хорошего заработка, мастера и пускались на хитрость, утверждая, что существуют некие высшие секреты, передаваемые лишь сыну (исси содэн).

Таким образом, в своем классическом виде рю представляла собой сложную структуру, в которой высокое и даже священное - стремление к достижению гармонии со вселенной - соседствовало с низким - с самой тривиальной жадой наживы.

Зарождение дзюдзюцу

Освобождение от доспехов открыло возможности для обогащения систем ближнего боя многочисленными приемами, применимыми только в бою с противником, не защищенным доспехами. И во второй половине XVI - начале XVII вв. был сделан огромный шаг вперед в области рукопашного боя без оружия и с использованием малых видов оружия и подручных средств. Началось формирование нового направления искусства ближнего боя, которое в настоящее время принято называть «дзюдзюцу».

«Дзюдзюцу» буквально означает «искусство мягкости». Это название полно глубокого смысла. Идея дзюдзюцу - одолевать противника не силой, а мягкостью, податливостью. Мастер никогда не истощает в борьбе своих сил, а, напротив, старается измотать врага, чтобы его было легче победить. Он заставляет его делать резкие движения и ловко уворачивается от них. Не ставя жестких блоков, он проворно отступает, и противник, не встретив препятствия, повинувшись закону инерции, теряет равновесие и падает. Пропустить силу противника мимо себя или перенаправить ее и, когда она истощится, добавить свое усилие для того, чтобы повергнуть противника, - в этом суть дзюдзюцу.

Сама идея одоления силы мягкостью и уступчивостью была не нова. Мы находим ее еще за несколько столетий до нашей эры в знаменитом памятнике даосской мысли «Даодэцзин». Она пользовалась большой популярностью в среде китайских мастеров ушу, но именно японские мастера ближнего боя уделили ей столь большое внимание, что ввели слово «мягкость» в само название своего искусства.

Старейшей школой дзюдзюцу, по признанию большинства современных историков, явилась Такэноути-рю. Она родилась в 1532 г. в смутную эпоху, когда по всей Японии полыхали междоусобные войны. Ее основателем стал Такэноути Хисамори. Это был человек маленького роста и, по самурайским меркам, слабак, зато духом он обладал несгибаемым и постоянно стремился научиться одолевать более сильных противников. Чтобы снискать расположение богов, Хисамори для аскезы удалился в горную глушь и в течение 37 дней голодал и занимался воинскими приемами. На 37-й день ему во время медитации явился горный отшельник ямабуси, который научил его секретным приемам боя.

Первоначально Такэноути-рю включала 2 раздела: когусоку коси-но мавари («малое оружие, окружающее пояс») в составе 25 приемов и торидэ («захваты руками») из 5 приемов. Эти 30 приемов представляют собой типичную технику когусоку, но в них уже проглядывает прообраз более позднего дзюдзюцу.

Приемы первого раздела Такэноути-рю явно восходят к технике кумиути. В их основе - внезапные атаки ножом, направленные на поражение противника, довольно сильно напоминающие приемы современного иайдо - искусства мгновенного выхватывания меча из ножен для защиты или нападения. В принципе, приемы когусоку коси-но мавари можно классифицировать как технику боя коротким мечом или ножом, но здесь встречаются и отдельные элементы, унаследованные дзюдзюцу: приемы защиты от попытки противника выхватить у бойца меч из ножен или воспрепятствовать ему выхватить свой меч, броски захватом ноги, удержания с использованием рычага локтя или выкручиванием руки и некоторые другие.

Раздел торидэ составляют приемы захвата противника в плен, они гораздо ближе к позднему дзюдзюцу. В частности, в Такэноути-рю используются «удушение воздействием на место соединения правого и левого крыльев» (т.е. на шейные позвонки, т.н. «двойной нельсон») и удержание с использованием рычага локтя.

Интересно, что даже в самых ранних по времени возникновения разделах Такэноути-рю широко используются весьма изощренные удары в уязвимые точки человеческого тела.

Эти 30 приемов ранней Такэноути-рю оказали большое влияние на все последующее дзюдзюцу. На это указывает тот факт, что целый ряд терминов этой школы прочно вошел в профессиональный жаргон мастеров борьбы, и мы встречаем их в самых разных школах в разных уголках Японии.

Однако в ранней Такэноути-рю еще не было столь характерных для более поздних школ дзюдзюцу бросков через бедро, спину, изощренных удушений или болевых приемов на кисть. Все эти приемы появились в ней несколько позже, благодаря усилиям второго и третьего верховных мастеров - Такэноути Хисакацу и Такэноути Хисаёси, добавивших в арсенал школы большое количество приемов китайского ушу, которые они изучали у китайцев в Нагасаки. Их нововведения придали Такэноути-рю вид типичной школы дзюдзюцу, в каком она со-

храняется и в наши дни усилиями семьи Такэноути.

Такэноути-рю дала начало множеству ответвлений: Араки-рю, Сосуйси-рю, Хоки-рю, Рикисин-рю, Такаги-рю, Сисин-рю, Такэноути санто-рю и др., оказала значительное влияние на школы других ветвей дзюдзюцу.

Дзюдзюцу в начале эпохи Эдо

Мощные броски и изощренные болевые приемы, которые считаются визитной карточкой японского дзюдзюцу, впервые появились лет через сто, после основания Такэноути-рю. Во всяком случае, самый ранний текст, в котором мы обнаруживаем их в большом количестве, - это иллюстрированное наставление 1632 г. школы Сэкигути-рю. В этой же школе для обозначения техники ближнего боя впервые использовано слово «явара» (в другом прочтении «дзю» из «дзюдзюцу») - «мягкость», что свидетельствует об усвоении ее мастерами идеи мягкости и податливости - основы теории дзюдзюцу.

Сэкигути-рю была основана Сэкигути Ярокуэмоном Удзимунэ по прозвищу Дзюсин - Мягкое сердце (Сознание мягкости, Сущность мягкости). Существует несколько версий, откуда Сэкигути Дзюсин почерпнул свои знания. В «Разъяснении искусства явара», памятнике школы Ёсин-рю, говорится, что Сэкигути-рю вышла из Ёсин-рю. Однако общего между этими двумя школами столь мало, что согласиться с этим утверждением едва ли возможно. Скорее, Сэкигути-рю могла отпочковаться от Такэноути-рю. Очень многое указывает на это: многие

Техника дзюдзюцу (из наставления Хоки-рю)

Болевой прием на кисть в Сэкигути-рю

ее приемы имеют прообразы в старейшей школе дзюдзюцу, используются против тех же стандартных атак и т.п. Даже в названиях технических действий просматривается преемственность Сэкигути-рю по отношению к Такэноути-рю. Однако арсенал Сэкигути-рю гораздо богаче и значительно отличается от арсенала Такэноути-рю по своему характеру - в этой школе в большинстве случаев ставится цель не убить противника и не изувечить его, а пленить живым и невредимым. Для этого используются различные броски через бедро, плечо, «мельница», броски с падением, болевые приемы на кисть, локоть, плечевой сустав. В Сэкигути-рю имеются даже приемы, рассчитанные на использование против приемов Такэноути-рю.

По имеющимся данным, Сэкигути Дзюсин родился в 1598 г. в весьма знатной семье. Сначала он изучал искусство выхватывания меча из ножен у великого мастера Хаясидзаки Сигэнобу, овладевал приемами боя мечом и копьем, позже учился кумиути у Миура Ёдзиэмон, ученика наставника Фукуно Ситироэмон и китайца Чэнь Юаньбин, о которых речь еще впереди. Не удовлетворившись знаниями, полученными от Миура, Сэкигути около 1630 г. в поисках мастера китайского кэмпо отправился в Нагасаки, где жило много китайцев. Как сообщается в «Рассказах о дзюдзюцу провинции Кию», «добравшись до Нагасаки... он изучал кэмпо; там был старик, который использовал технику, называвшуюся «торидэ» - «хватаящие руки», Сэкигути учился у него и изучил эту технику». После возвращения на родину мастер основал школу «Сэкигути-рю». В 1639 г. он поступил на службу в клан Кисю Токугава, после чего школа Сэкигути-рю прочно обосновалась в провинции Кию, откуда распространилась по всей Японии.

Согласно преданию, именно Сэкигути Дзюсин разработал технику самостраховки. Рассказывают, что однажды он гулял по саду своего дома и вдруг увидел, как кошка, прикорнувшая на крыше соседнего дома, сорвалась и полетела наземь. «Конец кошке!» - подумал Сэкигути, но кошка, ловко перевернувшись в воздухе, преспокойно приземлилась на все четыре лапы и побежала прочь. Мастер дзюдзюцу был просто поражен ее проворством. После этого он сам взобрался на крышу и попробовал с нее скатиться. Чтобы не разбиться, он навалил под домом соломы, а сверху накрыл ее камышовыми матами. Снова и снова взбирался Сэкигути на крышу, снова и снова скатывался с нее и, в конце концов, научился падать с любой крыши без вреда для своего здоровья.

Арсенал Сэкигути-рю включает в себя почти все основные варианты бросков и болевых приемов. В на-

ставлении 1632 г. представлены даже приемы освобождения от одновременных захватов сразу трех и даже четырех противников (в большинстве других школ дело ограничивается только двумя противниками). В то же время в школе мастера Сэкигути не была еще в достаточной степени разработана техника удушающих приемов и удары в уязвимые точки.

Умер Сэкигути Дзюсин в 1670 г. в возрасте 74 лет. Все три его сына стали прекрасными мастерами дзюдзюцу. Учеником старшего, Удзинари, был знаменитый мастер Сибукава Бангоро, основатель школы Сибукава-рю. Из Сэкигути-рю вышли также такие школы дзюдзюцу как Тэмпа-рю, Синсин-рю, Дзюсинсин-рю, Синсин син-рю, Ито-рю, Кюсин-рю, Гёкусин-рю, Намбан-рю и др.

Недостатки Сэкигути-рю - недостаточная разработанность техники удушений и ударов - были восполнены в знаменитой школе Ёсин-рю, самыми сильными сторонами которой как раз и являются удушающие приемы, удары в уязвимые точки, приемы усыпления и реанимации нажимами в уязвимые точки.

Предание называет основателем Ёсин-рю врача из Нагасаки Акияма Сиробэй. По легенде, он отправился в Китай, чтобы углубить свои познания в медицине, где пробыл несколько лет. Там он, по одним сведениям, изучал приемы «безоружных ударов» у китайского мастера по имени Бо Чжуань, по другим, учился болевым приемам и методам реанимации у некоего У Гуаня. Вернувшись на родину, Акияма основал частную школу боевого искусства и начал преподавание техники борьбы. Однако монотонность тренировок, связанная с чрезвычайно скудным арсеналом приемов, привела к тому, что вскоре почти все ученики отвернулись от него. Через четыре года после основания школы врач закрыл ее и удалился в знаменитый синтоистский храм Дадзайфу Тэммангу для молений. И там, при виде тяжелых комьев снега, соскальзывающих с упругих ветвей ивы, пережил озарение и открыл основополагающий принцип своей системы: противостоять силе силой бесполезно и губительно, нужно уклоняться от атаки, перенаправлять силу и использовать ее себе на пользу. Это позволило мастеру значительно расширить арсенал своей системы и привлечь многих учеников, которые после смерти учителя присвоили его школе название «Ёсин-рю».

Критически оценивая предание Ёсин-рю, историки напоминают, что в период, когда Акияма, якобы, совершил путешествие в Китай, сёгунское правительство уже запретило всякие сношения с заграницей. Поэтому, вполне возможно, что врач ни в какой Китай не ездил, а свои знания почерпнул у китайцев в Нагасаки.

Большую роль, а, возможно, даже главную в становлении Ёсин-рю сыграл второй ее патриарх Оэ Сэмбэй, с именем которого, как полагают, связана разработка техники поражения уязвимых точек.

В Ёсин-рю широко используются удушающие приемы, главным образом, с использованием одежды противника. В них самым эффективным образом используются все особенности традиционного японского костюма. Удушающие приемы разработаны в мельчайших деталях и весьма совершенны. Часть из них позднее практически без изменений вошла в арсенал дзюдо.

В школе Акияма были доведены до совершенства и приемы поражения уязвимых точек ударами и нажимами. Зачатки знаний уязвимых точек и способов их поражения основателя Ёсин-рю позаимствовали у китайцев, но, по мнению японских историков, затем провели глубокие исследования предмета и значительно продвинулись вперед по сравнению со своими бывшими учителя-

ми. Они тщательно изучили и описали локализацию уязвимых точек, классифицировали их, присвоили им японские названия и описали эффект воздействия на них. Все эти сведения были обобщены и зафиксированы в книге «Наставление относительно «Объяснения строения тела», которая стала главным секретом Ёсин-рю. Как полагают некоторые исследователи, теория искусства поражения уязвимых точек, зафиксированные в ней, - это вершина разработки данной темы в дзюдзюцу.

Обладать знаниями в этой специфической области боевого искусства мечтали многие бойцы. Дошедшие до наших дней наставления различных школ дзюдзюцу сохранили следы их экспериментов и изысканий. Неудивительно, что многие хотели проникнуть в сокровенные секреты Ёсин-рю и вступали в нее, но мастера свято хранили свои тайны. В тексте родственной Ёсин-рю школы Хаяси-рю сообщается, что ни один из целой тысячи ее учеников не был удостоен посвящения в секреты «истинной традиции убийства и оживления». В результате применения такого экстремального режима секретности позднейшие тексты по дзюдзюцу, созданные в мирное время, когда не было никакой возможности опробовать приемы на практике, пестрят многочисленными ошибками. Предполагают даже, что некоторые наставники специально обманывали своих недостойных учеников, подсовывая им ложные сведения. И все же лучшие из лучших удаивались благосклонности учителей, и секретное учение Ёсин-рю продолжало жить. Сначала оно было перенято мастерами дочерней школы Син-но синдо-рю, от них попало в руки Исо Матаэмон, основателя школы Тэндзин синъё-рю, а из Тэндзин синъё-рю пришло в дзюдо Кодокан. Наконец, разработки специалистов Кодокана послужили основой для соответствующих разделов многих современных направлений японских боевых искусств.

Из школ, вышедших из Ёсин-рю, наиболее известна школа Син синдо-рю. В конце эпохи Эдо Исо Матаэмон, соединив Ёсин-рю и Син синдо-рю, разработал известнейшую школу Тэндзин синъё-рю. Из других школ этой ветви следует назвать Исэй дзитоку тэнсин-рю, Симмё саккацу-рю, Курама ёсин-рю, Синто ёсин-рю, Сайхо-ин Буан-рю и др.

Приблизительно в одно время с Сэкигути-рю и Ёсин-рю возникла и Кито-рю - влиятельная школа, которая вобрала в себя и усовершенствовала приемы борьбы в доспехах, которые широко применялись на полях сражений японскими воинами в XI-XVI вв.

Основателем этой школы считается уроженец провинции Сэтцу Фукуно Ситирозмон Масакацу. Сначала Фукуно изучал фехтование мечом, а позднее овладел техникой явара школы Тэйсин-рю под руководством наставника Тэрада Хэйдзаэмон Садаёсу. По обеим школам Фукуно получил высшие мастерские лицензии. На основе полученных знаний Фукуно совместно со своим другом Ибараки Сэнсай разработал новую школу бугэй - Кито-рю (название «Кито» - «Поднимания и сбрасывания» - присоветовал Фукуно знаменитый дзэнский наставник Такуан Сохо).

В мае 1626 г. Фукуно познакомился с китайским мастером боевого искусства Чэнь Юаньбин и стал его учеником. Чэнь в течение 13 месяцев изучал ушу в знаменитом монастыре Шаолинь. В 1621 г. он приехал в Японию переводчиком при китайском посольстве, встретил очень радушный прием и навсегда остался в Стране Восходящего Солнца. В 1625 г. Чэнь поселился в монастыре Кокусёдзи в Эдо, где его и отыскал Фукуно Ситирозмон и два его ученика - Исогай Дзиродзаэмон и Ми-

Бросок (из наставления Кито-рю)

ура Ёдзиэмон. Чэнь Юаньбин познакомил мастера Фукуно с шаолиньским ушу, а также с тонкостями учений великих даосов Лао-цзы и Чжуан-цзы, большим знатком которых он был. Это позволило основателю Кито-рю обогатить свою школу и углубиться в понимании основополагающих принципов боевого искусства.

В период своего расцвета Кито-рю была школой комплексного боевого искусства, которая включала не только технику явара (дзюдзюцу), но и приемы боя мечом, палкой, боевым серпом и др. Однако позднее патриарх Тэрада Канъэмон Мицухидэ отбросил ряд разделов и сохранил только ядро этой школы - технику кумиути.

Поскольку Кито-рю родилась в мирное время, когда ношение доспехов уже ушло в прошлое, ее основатель и его последователи были вынуждены несколько адаптировать свои приемы к потребностям боя без доспехов, но все же сохранили ее неповторимый колорит. Так, в отличие от большинства других школ дзюдзюцу, основное место в арсенале Кито-рю занимают разнообразные броски с падением с обхватом туловища противника.

На основе типичных приемов борьбы в доспехах с использованием низкой стойки мастера Кито-рю разработали замечательные парные ката, предназначенные для тренировки тандэна - основного средоточия жизненной энергии ки - и исследования поединка на уровне взаимодействия энергий двух противников, которые считаются одной из вершин дзюдзюцу.

Дзюдзюцу в середине эпохи Эдо

В середине эпохи Эдо на основе первых школ - Такэноути-рю и Сэкигути-рю, Ёсин-рю и Кито-рю - возникли многочисленные дочерние школы. Как правило, в них лишь разрабатывались варианты различных приемов ведущих школ, оригинальных находок было немного. Одни наставники стремились облегчить обучение и упрощали технику, другие - повысить ее прикладную ценность, заимствуя приемы из когусоку и торидэ - теперь так назывались полицейские системы ближнего боя с применением различных малых и специальных видов оружия для захвата преступника. Ряд направлений дзюдзюцу отпочковался от школ фехтования, в которых существовали приемы обезоруживания противника, вооруженного мечом. Оценивая дзюдзюцу этого периода, историки приходят к выводу, что к этому времени оно

Сила

Техника Кито-рю

уже прошло пик своего развития. И все же и в это время рождались мастера и школы, которые приносили немало нового и ценного.

Одной из самых оригинальных школ этого периода была Нагао-рю, возникшая в провинции Кага. Ее основателем считается доблестный воин Нагао Кэммоцу, прославившийся еще в эпоху Сэнгоку - Воюющих провинций (1467-1568), но реально эта школа, по мнению специалистов, сложилась не ранее середины эпохи Эдо.

Арсенал Нагао-рю весьма велик - свыше 200 приемов! Немногие школы дзюдзюцу могут похвастать таким богатством. Техника во многом уникальна. В ней сравнительно незначительное место занимают броски с взваливанием противника на себя, восходящие к древнему сумо, или удушающие приемы. Главное место отведено приемам использования рукоятей и ножен большого и малого мечей, с которыми самураи расставались крайне редко. Они предназначены для защиты при попытке противника выхватить меч бойца из ножен или вытащить его вместе с ножнами из-за пояса. Их дополняет разработанная техника болевых приемов и другие приемы, характерные для всех стилей дзюдзюцу, разработавших технику ближнего боя без доспехов. И все же эту школу можно охарактеризовать, прежде всего, как чрезвычайно развитую форму когусоку, продолжающую линию Такэноути-рю.

Название другой важной школы этого периода - «Ёсин-ко-рю» - означает «Древняя школа Ёсин». По утверждениям ее последователей, эта школа появилась почти на сто лет ранее знаменитой школы Акаяма, еще в период Сэнгоку. Но историки полагают, что Ёсин-ко-рю отпочковалась от Ёсин-рю, причем довольно поздно - в

XVIII в. Специфика этой школы состояла в том, что в ней делался упор не на формальные упражнения с расписанными ролями партнеров (ката), а на рандори -вольные учебные схватки по определенным правилам, запрещавшим наиболее опасные приемы. Конечно, зачатки рандори существовали в большинстве школ дзюдзюцу. Например, многие рю использовали в своей практике схватки по несколько модифицированным правилам «любительского» сумо. Однако именно Ёсин-ко-рю вывела этот тренировочный метод на действительно высокий уровень развития. Позднее, в конце эпохи Эдо, не без влияния этой школы методика рандори получила самое широкое распространение. Стали даже проводиться соревнования между мастерами различных школ по компромиссным правилам, которые, по-видимому, оговаривались в каждом конкретном случае. Весьма успешно в таких соревнованиях выступали представители уже известной нам Кито-рю, а также Тэндзин синъё-рю, о которой разговор еще впереди.

Одной из самых оригинальных школ дзюдзюцу является Ягю синган-рю, выделяющаяся своей специфической и изощренной техникой ударов в уязвимые точки.

Основателем Ягю синган-рю стал выходец из далекой северной провинции Сэндай по имени Такэнага Хаято, который в самом начале эпохи Эдо обучался фехтованию мечом у прославленного мастера Ягю Тадзима-ноками. В память о своем ученичестве он включил в название своей школы слово «Ягю», хотя технически Ягю синган-рю не имеет почти ничего общего с Ягю синкагэ-рю.

Техника Ягю синган-рю совершенно уникальна и имеет очень мало параллелей в других школах. Самая оригинальная часть ее арсенала - комплекс из 28 так называемых субури - крайне необычных комбинаций размашистых круговых ударов руками, которые отрабатываются без партнера (что вообще не характерно для дзюдзюцу). В этих комбинациях содержатся действия, не имеющие аналогов ни в одной школе дзюдзюцу, но иногда отдаленно напоминающие удары из арсенала китайского ушу: «черпающий удар» в пах, «удар ладонью через свою ладонь» и др. В основе этих экзотических приемов - глубокое знание локализации уязвимых точек и способов разрушительного воздействия на них.

Дзюдзюцу в конце эпохи Эдо

От конца эпохи Эдо до наших дней дошло огромное количество текстов, посвященных воинским искусствам. Особенно много их появилось в первой половине XIX в. Историки связывают это с политикой сёгунского правительства, которое на рубеже XVIII и XIX вв. принимало активные меры к поощрению занятий воинскими искусствами. Правда, эта политика способствовала не столько углублению познаний мастеров или исследованию тех или иных областей, сколько увеличению числа занимающихся, удачных нововведений было сделано не столь много. Популяризации дзюдзюцу в немалой степени способствовало и широкое распространение рандори и соревнований.

Одной из самых влиятельных и интересных школ, возникших в этот период, стала школа Тэндзин синъё-рю. Ее основателем был Исо Матаэмон Масатари (1804-1863). Исо с детства увлекся воинскими искусствами. В 15 лет в Эдо он поступил в ученики к Хитоцуянаги Орибэ Ёсимити, великому мастеру школы Ёсин-рю. Под его присмотром Исо прозанимался около шести лет, вплоть до смерти наставника, а затем стал учеником мастера школы Син-но синдзю-рю по имени Хомма Дзёэмон Масато. Прозанимавшись у него также шести лет и овладев

всей техникой Син-но синдо-рю, Исо Матаэмон с целью усовершенствования своего мастерства отправился в странствия, во время которых состязался с представителями различных школ дзюдзюцу. Два или три года он прожил в местечке Кусацу в провинции Оми, где преподавал дзюдзюцу тамошним самураям. В это время с ним произошел знаменитый случай: вступившись за одного человека, мастер Исо был вынужден схватиться с целой бандой разбойников, которая насчитывала чуть ли не сотню человек. В этой битве Масатари уложил голыми руками около сорока противников, причем в процессе схватки достиг озарения, когда ему открылась эффективность ударов в уязвимые точки человеческого тела - именно эти приемы позволили ему выжить и стали позднее «визитной карточкой» Тэндзин синъё-рю.

Рассказывают также, что во время своих странствий Исо затворился для молитв в храме Китано Тэммангу в Киото, где и разработал собственную школу дзюдзюцу на основе Ёсин-рю и Син-но синдо-рю. Вернувшись в Эдо в 1834 г., Масатари открыл зал и стал обучать всех желающих.

Обучение в Тэндзин синъё-рю, как и в других школах дзюдзюцу, разделено на несколько этапов. Сначала ученики осваивают 12 приемов освобождения от захватов. На второй ступени изучаются 10 приемов в положении сидя на коленях и 10 приемов в стойке. Следующая ступень представлена 28-ю приемами школы Син-но синдо-рю. Затем осваиваются еще 20 приемов, разработанных Исо Матаэмоном. Завершает обучение «Высшая ступень предельного сознания», на которой изучаются еще 20 приемов. Эти 100 приемов составляют канон Тэндзин синъё-рю. Помимо них специально для соревнований ученики осваивали около 30 бросков и 21 контрприем.

Тэндзин синъё-рю стала не просто компиляцией приемов нескольких школ дзюдзюцу. Ее основатель развил и довел до совершенства учение Ёсин-рю о тандэн. В Тэндзин синъё-рю приемы были построены таким образом, чтобы их исполнение само по себе служило средством тренировки тандэн.

Оригинальным нововведением основателя Тэндзин синъё-рю стало ката «Разбрасывание в разные стороны», которое составляет стержень обучения. В этом комплексе комбинации приемов выполняются плавно, в едином потоке, на едином долгом дыхании без фиксации конечных положений отдельных приемов. Такое исполнение техники призвано способствовать плавному и непрерывному потоку жизненной энергии и научить

бойца избегать его остановки, которая считается опаснейшей ошибкой, поскольку в этом случае боец утрачивает способность быстро реагировать на действия противника. В этом отношении Тэндзин синъё-рю чрезвычайно близка современному айкидо, и не только в теории, но и на практике. Так, в арсенале этой школы дзюдзюцу имеются свои варианты почти всех ключевых приемов айкидо.

Несколько позже Тэндзин синъё-рю возникла еще одна влиятельная школа - Кираку-рю. По традиции ее основателем считается Тода Этиго-но ками, блиставший на полях сражений эпохи Сэнгоку. Но уже в XIX в. мастер бугэй из деревни Оно провинции Кодзукэ по имени Иидзука Гарюсай добавил в ее арсенал множество приемов из других школ дзюдзюцу и усовершенствовал многие технические действия. Поэтому историки называют создателем Кираку-рю именно Иидзука.

Школа Иидзука быстро завоевала популярность и распространилась не только в провинции Кодзукэ, но и в Эдо, в Титибу и в других местах. Этому способствовало богатство ее арсенала: Кираку-рю включает в себя варианты подавляющего большинства основных приемов дзюдзюцу всех его разделов: бросков, удушающих и болевых приемов, ударов в уязвимые точки. Самой сильной стороной Кираку-рю специалисты считают разработанную в деталях технику болевых приемов на кисть и локтевой сустав и броски «встречным входом», что роднит эту школу с современным айкидо. Тщательно разработаны в Кираку-рю и контрприемы от различных бросков, болевых и удушающих приемов.

Техника древнего дзюдзюцу

Дзюдзюцу разделялось на множество школ, возникавших и развивавшихся в разных условиях, имевших разные корни, исповедовавших разные тактические модели, и дать описание его техники в целом - задача чрезвычайно сложная. Она еще больше осложняется тем, что многие приемы дзюдзюцу представляют комбинированные действия, сочетающие в себе болевой прием, удушение или удар с броском и соответственно могут быть помещены в разные категории техники. Тем не менее, мы постараемся выделить основные разделы дзюдзюцу, чтобы читатель мог оценить все богатство технического арсенала этого искусства.

Во-первых, все приемы дзюдзюцу могут быть классифицированы по положению противников. Различают тати-вадза - приемы, проводимые в стойке стоящим борцом против стоящего; сувари-вадза - приемы, проводимые в положении сидя (на коленях или со скрещенными ногами, «по-турецки»), сидящим борцом против сидящего; хандза хантати-вадза - приемы, проводимые сидящим борцом против стоящего противника; и, наконец, нэ-вадза - приемы борьбы лежа.

Во-вторых, приемы могут быть классифицированы по характеру воздействия на противника. Основное место в арсенале дзюдзюцу занимают броски - нагэ-вадза. Различают ои-вадза - броски с «взваливанием» противника на себя (через бедро, спину, плечи, подхватом); аси-вадза - броски с помощью ног (имеются в виду приемы выполняемые, прежде всего, за счет действий ногой - отхваты, подсечки, зацепы, обвивы); тэ-вадза - броски с помощью рук; сутэми-вадза - броски с падением бросающего (выделяют броски с падением на спину и на бок).

Следующим важнейшим разделом дзюдзюцу являются болевые приемы - гяку-вадза (кансэцу-вадза): броски с помощью болевого воздействия, приемы подчинения

Сила

противника болевим воздействием (для перевода на удержание, конвоирования и т.д.) и приемы удержания. Все приемы раздела гяку-вадза могут классифицироваться: по суставам, на которые направлено болевое воздействие (кисть, локоть, плечо, шейные позвонки, позвоночник, колено, лодыжка, пальцы рук и ног и др.); по характеру воздействия на сустав, мышцу или сухожилие (рычаг, выкручивание, скручивание, ущемление).

Следующий раздел техники - симэ-вадза - приемы удушения. Удушения могут проводиться с использованием рук или ног, с захватом одежды противника или без ее захвата. По своему характеру удушения делятся на удушения воздействием на дыхательные пути и удушения с перекрытием доступа крови к мозгу.

Долгое время секретным разделом дзюдзюцу считалась техника атэми-вадза - поражения уязвимых точек человеческого тела ударами. Различаются, прежде всего, удары руками и ногами, очень редко встречаются удары головой. Несколько особняком стоят такие разделы как саппо - методы убийства ударами и нажимами в уязвимые точки, включая так называемую «технику отсроченной смерти»; кэйраку-гихо - «сопровожающая техника» - нажимы на уязвимые точки, используемые для облегчения проведения броска или болевого приема; каппо - методы реанимации воздействием на точки.

Неотъемлемой частью любой школы дзюдзюцу являются также боевые изготки, приемы маневрирования за счет перемещений и скручиваний туловища, техника взятия захвата, приемы самостраховки (укэми).

О страховках нужно сказать особо. Укэми имеют давнюю историю и прошли длинный путь развития. Вероятно, основы техники страховки при падении были заложены уже в период расцвета искусства кумиути. Однако создание техники укэми обычно приписывают Сэкигути Дзюсин, основателю Сэкигути-рю. Правда, те страховки, которые, якобы, придумал он, совсем непохожи на принятые в современном дзюдо или айкидо, так как при их исполнении борец не падает спиной наземь, а делает сальто или фляк и приземляется на ноги. Именно такие страховки характерны для древнейших школ дзюдзюцу, родившихся в то время, когда тренировочных залов не было, и борцам приходилось падать на любое покрытие. Такие страховки были чрезвычайно сложны в исполнении, и, чтобы избежать лишних травм, на трени-

Удушающий прием с ударом в позвоночник (из наставления Ёсин-рю)

Комбинация болевого и удушающего приемов (техника Ёсин-рю)

ровках броски очень часто не доводили до конца. Например, при исполнении броска через бедро противника по всем правилам выводили из равновесия, наваливали на поясницу, а затем, вместо сбрасывания наземь, ставили на место. Такой метод тренировки называется утикоми, он сохранился до сего дня в дзюдо.

Дзюдзюцу после Мэйдзи

Во второй половине XIX - начале XX вв., в период буржуазных преобразований и вестернизации Японии школы дзюдзюцу, как и воинские искусства в целом, оказались в тяжелейшем положении. Японские лидеры, ориентировавшиеся на западные образцы, напрямую связывали могущество империалистических держав с внешними проявлениями европейского образа жизни и подчас доходили до слепого подражания Западу и отрицания ценности собственного культурного наследия. Известны случаи разрушения исторических памятников, древних храмов, бесценных произведений искусства. Что же касается бугэй, то особенно «прогрессивно» настроенные деятели объявили их «наследием дикости и варварства». Старые мастера, наблюдая за полным техническим переоснащением армии и запрещением ношения мечей, приходили к выводу, что их знания утратили всякую ценность, забрасывали тренировки сами и отказывались брать учеников. Многие кончали жизнь в нищете, лишившись средств существования. Желавших заниматься воинскими искусствами были единицы, и окружающие на них смотрели как на ненормальных.

В этих условиях часть мастеров дзюдзюцу взяла курс на модернизацию своего искусства, адаптацию его к новым условиям - так появилось дзюдо, а еще через полвека - айкидо, другая часть пыталась держаться старинных традиций. Последним пришлось особенно трудно: кто-то умер в нищете, так и не найдя себе преемника, кто-то забросил занятия, кто-то уехал на Запад, чтобы продемонстрировать дзюдзюцу в мюзик-холлах и цирках.

Многие школы дзюдзюцу при этом отмерли, и сегодня мы знаем о них лишь из их старинных наставлений, с трудом поддающихся прочтению, но наиболее мощные сохранились. Это Такэноути-рю, Тэндзин синъё-рю, Синто ёсин-рю, Кираку-рю, Ягю синган-рю, Сёсё-рю и несколько десятков других, которые являются живыми музеями самурайской старины.

Алексей Горбылёв

Невидимый на свету

С этого выпуска журнала мы начинаем знакомиться с методами «Ёнин» - «Невидимости при дневном свете», описанными в знаменитой энциклопедии ниндзюу «Бансэнсюкай». В современной классификации методов ведения разведки техника ёнин соответствует агентурной разведке, т.е. системе методов сбора разведывательных данных с использованием замаскированных и внедренных на территорию агентов.

В «Бансэнсюкай» способы ёнин разделены на две группы: «Проникновения (на вражескую территорию) издалека» и «Проникновения с малого расстояния». О способах первой группы и идет речь далее.

«Способ обитателя луны Кацурао» (Кацурао-но дзюцу)

Согласно древнекитайским мифам, на далекой луне живет некий человек по имени Гуйнань - по-японски Кацурао (Кацура-отоко). Вот его-то именем японские ниндзя стали именовать агентов, загодя внедренных на территорию противника еще до начала войны, в мирный период.

Кацурао - не просто шпион, это руководитель большой агентурной сети, а потому требования к кандидату на это место особенно высоки.

Никто, даже самые приближенные его хозяина-нанимателя, исключая, конечно, начальника разведки, не должны знать кацурао. Ведь вражеские шпионы тоже не спят, и если им удастся раскрыть личность резидента, это будет означать провал всей агентурной сети. Отсюда проистекает такая рекомендация: нанимать кацурао нужно тайно, по возможности, из дальней провинции.

Важнейшим требованием к кацурао является его абсолютная преданность по отношению к господину, ведь если врагу удастся его «расколоть» кацурао и превратить его в двойного агента для поставки дезинформации нанимателю, ущерб может оказаться непоправимым. Надо отметить, что в вопросе преданности кацурао начальнику разведки «Бансэнсюкай» рекомендует не просто полагаться на столь ненадежные в разведывательной игре словесные и письменные клятвы резидента в верности, но и использовать такой жесткий механизм контроля за ним, как заложничество. Поэтому у кацурао непременно должна быть семья, с которой наниматель в случае предательства будет иметь полную возможность расправиться.

Наконец, кацурао должен был обладать отменными аналитическими способностями, умением просчитывать ситуацию, подмечать самые незаметные изменения, быть тонким психологом, способным устанавливать необходимые контакты с нужными людьми.

В функции кацурао входили поиск и установление контактов с потенциальными агентами, предателями во владениях врага и его соседей, их вербовка, размещение в стратегически важных пунктах, организация сбора

их донесений и передача их в «центр» и т.д. Попав на территорию врага, кацурао постепенно создавал целую шпионскую сеть, включавшую два вида агентов: «скрытых червей» (тицумуси) и «быков, пролезших через отверстие» (анауси). При смене кацурао замену ему подбирали из числа тичумуси или анауси.

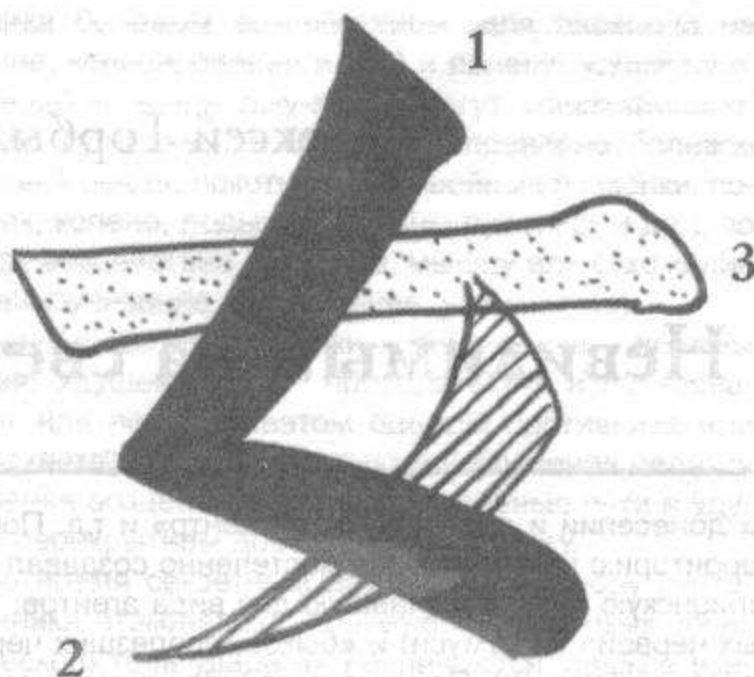
Под названием «быков» скрывались тайные агенты, давно поселившиеся на вражеской территории, прижившиеся там и обладающие высокой степенью доверия со стороны местных жителей. «Червями» же ниндзя называли тайных агентов, которых засылали на вражескую территорию на время с особым заданием. Умелое взаимодействие агентов этих двух типов придавало агентурной сети устойчивость и надежность, поскольку анауси не только вели постоянное наблюдение за действиями противника и собирали разведывательные сведения, но и при заброске тичумуси в качестве резидентов на территорию врага, в приамковый город - столицу вражеского княжества, выступали в роли гарантов его «безупречной, ничем не запятнанной репутации», организовывали передачу его сообщений.

Для этого использовались особые агенты, которых ниндзя называли «собеседниками» (соданнин). В их задачу входила своевременная и постоянная передача сообщений тичумуси и анауси нанимателю. Несколько таких «собеседников» должны были постоянно передвигаться по дорогам и навещать анауси. Обычно одного анауси обслуживали два или три «транспортных» агента, но вообще считалось, что, чем больше их задействовано, тем лучше: во-первых, большое число «почтальонов» необходимо для своевременной доставки разведывательной информации, имеющей свой срок годности, а, во-вторых, если один и тот же человек будет постоянно контактировать с одним и тем же чужаком, это непременно обратит на себя внимание окружающих и может вызвать их подозрения.

Ниндзя были прекрасно знакомы с таким важнейшим правилом конспирации, которому следует все разведки сегодня, как деление агентурной сети по вертикали на звенья. Суть этого правила в том, что каждый отдельный рядовой агент знал только двух ближайших к нему агентов - своего начальника и подчиненного. Поэтому в случае его провала у сети оставался шанс сохраниться.

Вообще, агенты разных уровней и функций должны были знать друг о друге лишь тот минимум, который был необходим для эффективной разведывательной работы. Тогда агентурную сеть можно было устроить таким образом, чтобы один агент следил за другим, а сообщения одного сверялись с независимыми сообщениями другого. Если в процессе проверки выявлялось предательство какого-нибудь агента, его быстро устраняли. Так, согласно этой системе, анауси должен был следить за кацурао и наоборот, работу анауси контролировал «собеседник», а его - другой «собеседник». Причем при

Сила

Графические элементы, образующие иероглиф «женщина», прочитанные в указанном порядке, дают в итоге слово «куноити»

малейшем подозрении агента уничтожали, чтобы предотвратить провал, так что ему приходилось постоянно находиться, что называется, под дамкловым мечом, как со стороны врага, так и со стороны своих в полном соответствии с написанием иероглифа «нин», в котором «лезвие» нависает над «сердцем».

Поскольку вероятность перевербовки кацурао, тицумуси или анауси врагом была очень велика, считалось необходимым держать в заложниках их семьи. Их укрывали в каком-нибудь укромном местечке, где они ни в чем не знали недостатка, но находились под постоянной слежкой. Стоило их драгоценному родственнику-агенту вступить в сговор с врагом, как заложников безжалостно предавали мучительной смерти.

«Способ подобия тени» (нёйдзюцу)

При обострении «международной» обстановки (т.е. при осложнениях в отношениях двух феодальных властителей-даймё), в преддверии войны, разведке следовало резко активизировать свою работу. Агенты должны были неотступно следовать за каждым шагом врага, словно его тень. Отсюда и название - способ «подобия тени».

Последние дни накануне войны считались очень удобным моментом для заброски агентов к врагу. Поскольку вражеский даймё в преддверии войны стремился собрать как можно большую силу, вербуя союзников и наемников, ниндзя, обладающий соответствующими физическими качествами и знаниями воинского ремесла, мог относительно легко внедриться в его войско и начать в нем работу в качестве кацурао.

Для того чтобы добиться доверия противника и рассеять его подозрения, ниндзя порой прибегал к «уловке ложной жены и ложного ребенка» (кадзё каси-но дзюцу). Для этого он обзаводился семьей на вражеской территории, которую при необходимости мог предоставить врагу в качестве заложников. Когда обман открывался, эту фальшивую (с точки зрения ниндзя) семью уничтожали, но агента это уже не волновало, ибо он считал, что в тотальной шпионской войне хороши абсолютно любые, даже самые грязные и подлые, приемы.

«Способ куноити» (куноити-но дзюцу)

В замок, куда не мог пробраться могучий воин, легко могла войти красивая женщина. История знает много случаев, когда ледяное сердце воина таяло перед симпатичным личиком, улыбкой, кивком головы или пожатием руки красавицы. Ниндзя учли эту особенность мужской психологии и канонизировали технику использования женщин-агентов - «способ куноити». Слово «куноити» в этом названии и означает «женщина» - именно так прочитываются графические элементы, образующие иероглиф женщина: первый элемент - знак азбуки хирагана - читается как «ку», второй - знак азбуки катакана - «но», а третий - это иероглиф «ити» - «единица».

Традиционно различались симма-куноити и карима-куноити. Симма-куноити были профессиональными шпионками, которые готовились к своей карьере с самого детства под руководством специального наставника и надзирателя - кантокуся. Кантокуся стремился создать у подопечной впечатление, что она - его единственная ученица, старался привязать ее к себе, вселив в ее сердце любовь. Это делалось для предотвращения провалов, ведь куноити со своей тонкой организацией психики, высокой чувствительностью и эмоциональностью легко могла влюбиться в того, за кем должна была шпионить. В этом случае кантокуся должен был быстро ее ликвидировать, чтобы не допустить провала агентурной сети. Впрочем, эффективность контроля за куноити, по видимому, была невысока, и в целом женщинам ниндзя не доверяли. Так, из десятков уловок, описанных в «Бансэнсюкай», только одна (!) строится на использовании куноити.

Но, возможно, вся проблема заключалась только в правильной подготовке женщин-агентов. По крайней мере, известно, что во владениях дома Такэда в середине XVI в. существовала даже специальная школа подготовки куноити. Ее организовала Мотидзуки Тиёмэ, вдова Мотидзуки Моритоки, вассала Такэда, павшего в одном

Театральная гравюра Кунисада запечатлела борьбу двух актеров в образах женщин, одна из которых использует болевой прием из арсенала дзюдзюцу.

из сражений с армией Уэсуги при Каванакадзиме. Поскольку род Мотидзуки издревле контролировал деятельность ямабуси и шаманок-мико на территории провинции Синано, Тиёмэ решила использовать их в качестве шпионов и создала настоящий центр по подготовке куноити в деревне Нацу.

Поскольку мико не могли выходить замуж, и им не разрешалось иметь детей, требовались молодые невинные девушки или совсем маленькие девочки. Поэтому Тиёмэ стала отбирать подходящих ей кандидаток из бесчисленных беспризорных детей и покупать новорожденных девочек у разорившихся крестьянских семей. В лице наставницы девочки обретали мать, заботливую, добрую, но, вместе с тем, строгую учительницу. А в глазах местных жителей Тиёмэ выглядела просто милой доброй женщиной, которая обогрела теплом своего сердца десятки несчастных сироток.

На первых этапах обучения девочки постигали все тонкости профессии мико. Но параллельно с этим наставница прививала им чувство преданности, привязывала к себе, постоянно напоминая, что именно она спасла их от голодной смерти, заменила мать, дала кров и тепло очага. Бедным девушкам, фактически изолированным от мира, ничего не оставалось, как уверовать, что их долг и возможность достижения счастья в жизни заключаются в том, чтобы беспрекословно подчиняться приказаниям Тиёмэ и хранить верность организации и сестрам-мико.

На следующем этапе будущие куноити осваивали шпионские навыки добывания и передачи секретной информации, распространения слухов и физического устранения врагов. В результате суровой многолетней тренировки бедные сиротки превращались в смертоносных куноити, перед женскими чарами которых не мог устоять ни один мужчина. Основным в их подготовке было умение манипулировать мужчинами, использовать их слабости в свою пользу. Глубокое знание психологии, актерский талант, тонкая интуиция - вот главное оружие шпионки.

Это, конечно, совсем не значит, что шпионка не могла использовать и приемы физического воздействия. Куноити учились поражать уязвимые точки противника своими пальцами, впиваться специально отращенными и укрепленными ногтями в горло и глаза. Нередко они применяли скрытые лезвия, декоративные заостренные заколки, украшавшие прическу, сексуальные игрушки или музыкальные инструменты, которые при необходимости превращались в смертоносное оружие. Любимым оружием шпионок были иглы. Специально натренированная куноити запросто могла всадить иголку в какую-нибудь уязвимую точку человеческого тела (а их расположение они знали прекрасно) и умертвить жертву. Умели они и плевать иглами из миниатюрной бумажной трубочки, да так, что попадали прямо в глаз. Такой способ самозащиты именовался «фукуми-бари» - «иглы, вложенные [в рот]».

Существование этой организации мико-куноити хранилось в глубочайшей тайне, в которую не был посвящен ни один человек даже из ближайшего окружения Такэда.

Иногда для решения разведывательных задач могли привлекаться (за вознаграждение или с использованием родственных чувств и обязанностей) и «дамы» со стороны - гейши, танцовщицы, куртизанки и даже аристократки из числа тех, что имели доступ к объекту шпионажа. Таких непрофессиональных шпионок называли «карима-куноити». Очень часто в качестве карима-куно-

Урок фехтования на деревянных мечах

ити даймё использовали собственных дочерей и сестер, которых выдавали замуж за опасных соседей.

Так, Ода Нобунага (1534-1582), первый объединитель Японии после периода междоусобных войн XVI века, для того чтобы шпионить за даймё Асаи Нагамаса выдал за него свою младшую сестру, которая должна была доносить ему обо всех действиях мужа. Интересно, что при этом сам Ода был объектом шпионажа собственной жены, дочери крупного даймё из соседней провинции. Правда, он вовремя раскусил коварство тестя и супруги и обманул их.

Вскоре после того, как Нобунага стал главой своего клана, его жена Нохимэ стала замечать, что муж каждую ночь на несколько часов удаляется из спальни. Такое поведение показалось ей странным. Когда же она, наконец, решилась спросить его, чем это вызвано, Нобунага без обиняков ответил, что он вступил в тайный союз с двумя влиятельными вассалами ее отца. Эти вассалы ночью должны убить его и подать условный сигнал, чтобы войска Нобунаги атаковали его владения. Но так как он не знает, когда точно им удастся совершить убийство, то вынужден каждую ночь в определенные часы следить, не будет ли сигнала. При этом с важным видом он напомнил Нохимэ о долге жены, которая должна во всем следовать мужу и свято оберегать тайну. Хитрый Нобунага рассказал ей эту легенду, зная, что она обязательно передаст информацию о мнимом заговоре отцу. И не ошибся: вскоре владелец провинции Мино, поверивший словам дочери, расправился с двумя

Сила

преданными и ни в чем не повинными вассалами. Нобунага был доволен: руками отца жены были устранены опытные военачальники, что облегчило ему захват его владений.

«Способ селянина» (сатобито-но дзюцу)

«Селянин» (сатобито) - это «местный шпион» по классификации Сунь-цзы. «Селяне» вербовались кацурао из числа местных жителей. Будучи хорошо известны местным жителям, сатобито привлекали к себе меньше внимания окружающих, чем чужаки, а потому имели большую свободу действий, определенный круг знакомых, лучше разбирались в ситуации.

Для обеспечения преданности «селянина», кацурао требовал от него подписать клятвенное письмо с заверениями в «верности до гроба» и предоставить заложников. Впрочем, предатели среди сатобито встречались не так уж часто. Во-первых, будучи обычным осведомителем, «селянин», как правило, не слишком разбирался в тонкостях шпионской работы и знал не так уж много. Во-вторых, в случае предательства, его почти наверняка ждала безжалостная казнь от своих же - японцы предателей не жаловали, даже если те были готовы рассказать все, что знали.

«Селяне» подбирались из числа людей, питавших неприязнь к местным властям, обиженных и недовольных, людей алчных, жадных до богатств и карьерного роста. Большим плюсом для кандидата было наличие родственников во владениях потенциального нанимателя.

Подобрав подходящего кандидата, кацурао находил возможность познакомиться с ним, сойтись поближе, выяснить его подлинные настроения и, если все было,

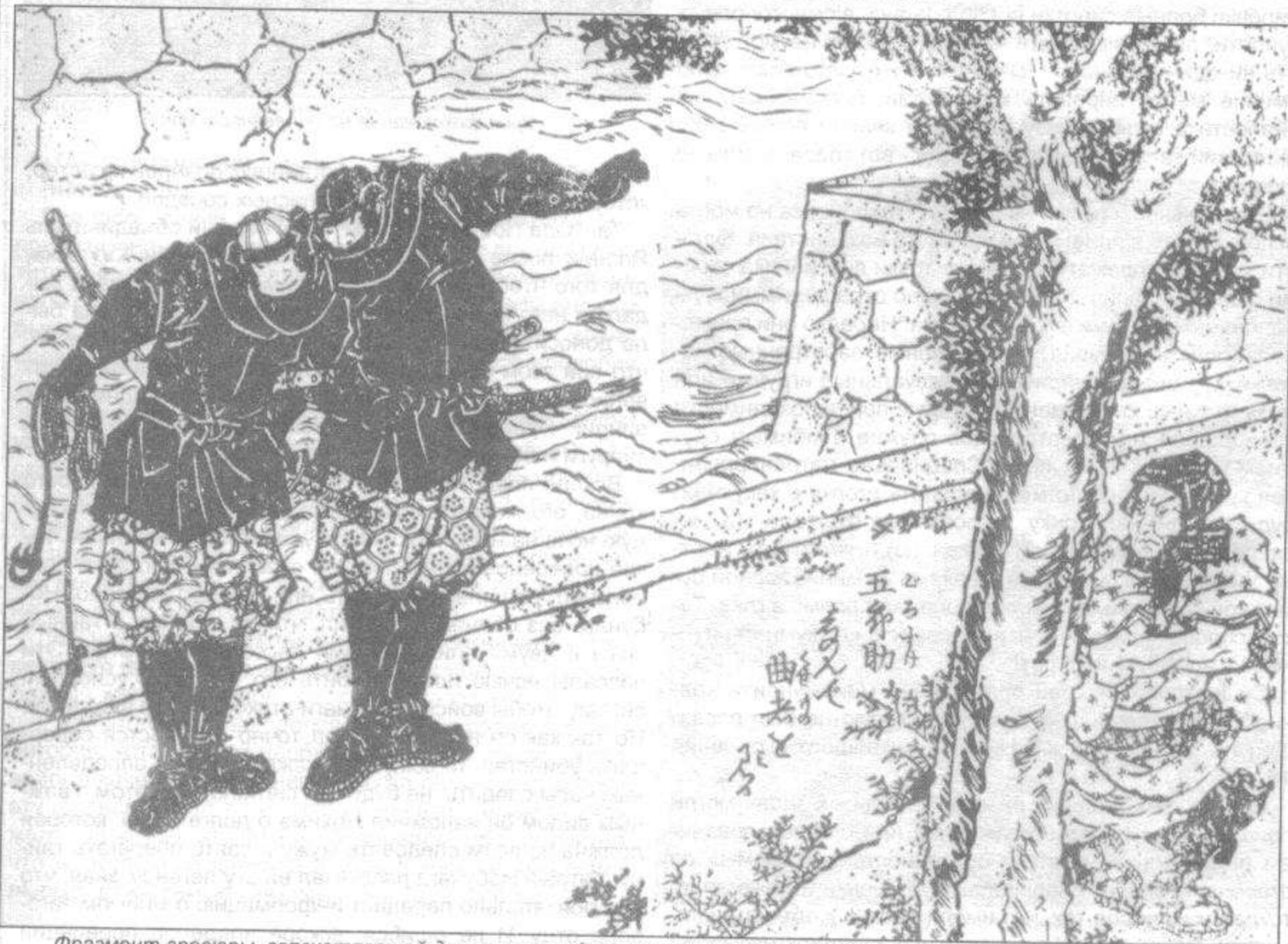
как надо, предлагал работать на своего господина, обещая взамен награды, повышения в чинах в случае победы «наших», требовал клятвенного письма и забирал заложников.

В дальнейшем, пользуясь услугами «селянина», можно было расширять агентурную сеть за счет таких же недовольных, обиженных, обозленных и алчных. Для того чтобы наладить сбор разведывательной информации в широких масштабах, ниндзя стремились втянуть в шпионскую игру как можно больше местных осведомителей, а чтобы избежать серьезных провалов, разбивали сеть на несколько ветвей так, чтобы между собой агенты были связаны только по вертикали - в рамках одной ветви, но не по горизонтали - между ветвями. Если даже одна из ветвей «заваливалась», остальные оставались в безопасности.

Если сатобито не имел никакого опыта шпионской работы и действовал недостаточно профессионально, к нему приставляли «сопровождающего» (дзюся) из числа специально подготовленных ниндзя. Под видом слуги при знатном агенте «сопровождающий» мог проникнуть во вражеский лагерь и прямо на месте направлял деятельность подопечного.

«Способ внутреннего червя» (миномуси-но дзюцу)

«Внутренний червь» (миномуси) имеет параллель в классификации Сунь-цзы. Согласно великому теоретику военного искусства, это «внутренний шпион», т.е. завербованный вражеский чиновник. Его действия подобны разрушительной работе червей-паразитов, поселяющихся в теле животных.

Фрагмент гравюры, запечатлевшей двух воинов, одетых как ниндзя, готовящихся к тайной переправе через ров с использованием веревки с крюком. При этом за ними наблюдает некий Горосукэ.

Хрестоматийный пример использования «внутреннего червя» предоставляет история

Токугава Иэясу не доверял правителю провинции Ига Цуцуи Садацугу и искал повода для его устранения из этой стратегически важной провинции. Для этого была проведена замечательная операция, в разработке которой активное участие принял его начальник разведки Хаттори Хандзо.

По плану, разработанному этим ниндзя, следовало организовать мятеж среди вассалов Садацугу и обвинить его в небрежении обязанностями правителя. К участию в операции было решено привлечь Наканобо Хидано-ками, одного из главных вассалов Цуцуи и дальнего родственника Иэясу. Наканобо был опытным интриганом и, начав действовать по сценарию Хаттори, легко сумел склотить группу заговорщиков, в которую вошли такие вассалы Цуцуи как Наканиси Корэясу, Иино-ками Дзюро и Фусэ Магобэй. Когда все приготовления были окончены, Наканобо демонстративно поссорился с Аита Окасива, самым главным вассалом семьи Цуцуи. Скандал едва не перерос в прямое военное столкновение, и пока Цуцуи пытался решить, кто прав, а кто виноват, Наканобо выехал в Нара и подал сёгунату жалобу на беззакония Садацугу. Садацугу и Окасива были вызваны в суд, где, как и было задумано, Наканиси Корэясу, Иино-ками Дзюро и Фусэ Магобэй выступили против них с обличительными речами. В итоге Цуцуи Садацугу был признан виновным и приговорен к ссылке. По некоторым данным, в краю Дэва он покончил с собой, выстрелив себе из мушкета в живот. А «черви», подточившие власть Садацугу, были щедро награждены Иэясу: Наканобо, Наканиси и Иино-ками получили по 3000 коку риса (1 коку - ок. 150 кг), а Фусэ Магобэй - 800.

На роль «червя» рекомендовалось подбирать человека в окружении вражеского даймё - чем выше положение, тем лучше. идеальный вариант - завербовать высшего сановника или главного вассала-советника (каро), ведь именно у них есть возможность оказывать определяющее влияние на политику, стратегию и тактику врага.

К подбору «червя» нужно было подходить очень осмотрительно, чтобы не провалить дело. Согласно «Тайному наставлению по ниндзюцу» («Ниндзюцу хидэнсё», памятник эпохи Эдо) кандидат должен отвечать хотя бы одному или двум из восьми возможных параметров:

1) кандидат в глубине души питает ненависть к своему господину из-за того, что кто-то из его родичей был казнен без вины по ложному доносу или получил непомерно тяжелое наказание - смертную казнь - за малый проступок;

2) кандидат, обладающий необходимыми умственными данными и знатностью и достойный занять более высокое положение, тем не менее, не получает повышения, его место занимает кто-то другой, из-за чего он остается внизу служебной лестницы и испытывает сильное чувство обиды;

3) кандидат, совершивший немало подвигов и демонстрирующий высшую преданность господину, тем не менее, не получает новых владений, постоянно чувствует себя недооцененным и обиженным, полагая, что, если бы он служил другому господину, то давно бы добился гораздо больших почестей и положения;

4) кандидат, обладающий и знаниями, и талантом, но занимающий низкую должность по одной простой причине - не приглянулся начальнику и чуть что навлекает на себя его гнев, человек, недовольный своей судьбой;

5) кандидат, обладающий различными талантами и умениями, например, талантом полководца, но не полу-

чающий признания от своего господина, занимающий низкую должность, не соответствующую уровню его способностей и притязаний, не получающий повышения по службе и полагающий, что, если бы он служил другому господину, то смог бы подняться очень высоко;

6) кандидат, чей родственник служит противнику, тяжело переживающий это;

7) человек чрезвычайно алчный, жаждущий заполучить в свои руки богатства и поместья, склонный к обману, двоедушный;

8) человек, незаконно лишенный наследства, пользующийся дурной славой и обозленный на господина и его окружение.

Если ниндзя удалось найти подходящего человека и досконально выяснить его подноготную - причины недовольства, уровень притязаний, реальные возможности и способности, он может все эти сведения использовать в качестве «канатов» (одзуна), за которые можно перетянуть его на свою сторону.

При вербовке «червя» нужно быть крайне осторожным, тщательно учитывать индивидуальные особенности партнера: с одним нужно говорить о деле предельно откровенно, если, конечно, полностью уверен в успехе; с другим нужно вести долгую тонкую игру, выяснив его склонности и нажимая на них, постепенно подводя к мысли о предательстве, используя лесть, подкуп и шантаж и т.д.

Если кандидат на роль «червя» жаждет денег, его следовало снабдить деньгами; если он питал пристрастие к предметам искусства - одарить каким-то ценным предметом; если он был неравнодушен к женскому полу, нужно было подложить ему в постель подходящую девицу и т.д.; если у потенциального агента был сын, его можно было познакомить и «подружить» со своей «дочерью» - профессионально обученной куноити и играть на половом влечении и любовных чувствах первых; если кандидат был опутан долгами, следовало сосудить ему денег и позаботиться, чтобы у него не было возможности долг вернуть, связывая по рукам и ногам долговыми путями. Можно было просто «подставить» его каким-то образом, заставить совершить преступление, поссорить с господином, спровоцировав за застольем на какие-нибудь шутки в отношении даймё и его приближенных, о которых вскоре становилось известно последним и т.д. Вариантов игры существовало бесконечное множество, и важен был лишь результат.

Если ниндзя удавалось войти в сговор с миномуси, он брал с него клятвенное письмо с заверением в верности, забирал в заложники кого-нибудь из ближайших родственников, в деталях разрабатывал план действий, давал указания насчет способов передачи информации, сроков реализации плана, уговаривался о вознаграждении и т.д.

Конечно, ниндзя мог просчитаться и столкнуться с человеком честным, преданным и бескорыстным, хотя такие случаи в практике «невидимок» случались нечасто. Однако и тут дела шпиона были небезнадежны. Ниндзя были твердо убеждены, что идеальных людей не бывает, что у каждого есть какой-нибудь изъян. Стоит обнаружить его - и получишь прекрасный рычаг для манипуляции человеком. А уж в раскрытии этих изъянов ниндзя, кажется, могли бы посоперничать с лучшими современными психологами, недаром они разработали учение о «пяти чувствах и пяти влечениях» (годзё гоёку), о котором мы еще поговорим.

Продолжение следует

Нумано Мицуёси

Японский язык на пути к мировой литературе

За последние десятилетия изменился не только внешний облик Японии, изменилась и ее литература. Потому что изменилась та среда, в которой эта литература обитает.

Известный американский японист Дональд Кин рассказывает, как в 50-х годах прошлого века одна японка стала было спрашивать у него дорогу, но «не успев задать свой вопрос, внимательно посмотрела на меня и осеклась, рот ее при этом оставался широко открытым. Она будто бы обнаружила, что разговаривает то ли с придорожной статуей бодхисаттвы Дзидзо, то ли с собакой или кошкой». Всего пару десятилетий назад иностранец, владеющий японским языком, воспринимался как некое диковинное существо. Неудивительно, что умения «болтать» по-японски бывало совершенно достаточно, чтобы иностранец стал звездой телеэкрана. Но теперь на улице можно наблюдать картину, когда какая-нибудь бабушка преспокойно спрашивает дорогу у иностранца, получает от него исчерпывающий ответ и отправляется по указанному ей маршруту.

Еще совсем недавно подавляющее большинство японских писателей даже во сне (страшном или прекрасном) не могли представить себе европейца, который читает созданные ими произведения в оригинале. Теперь же ни у кого не вызывает особого удивления, что иностранный ученый разбирается в японской истории и культуре много лучше «обычного» японца. Появились и европейцы, которые стали сочинять романы на японском языке. С другой стороны, некоторые японские писатели в своем творческом самовыражении обращаются не к родному, а к иностранному языку. Я хочу сказать, что четко очерченные прежде границы существования «японской» литературы оказались несколько размытыми.

Нобелевской премии по литературе удостоились два японских писателя: Кавабата Ясунари и Оэ Кэндзабуро. Их Нобелевские лекции, прочитанные в 1968 и 1994 годах, разделяют какие-то 26 лет, которые, однако, составляют целую эпоху в истории «японского» и «западного» менталитетов. Лекция Кавабата была озаглавлена «Красотой Японии рожденный» (этот удачный вариант перевода принадлежит известной российской исследовательнице Т.П. Григорьевой). Выступление Оэ называлось «Неведомо какой Японией рожденный». В обоих случаях под «рожденным» писатели имеют в виду себя, но какой разной представляется им их родина!

Кавабата получил награду за то, что он воспевал специфически японские представления о прекрасном, которые так отличаются от западных. Западу, пожалуй, даже хотелось того, чтобы эти японские ценности были бы окутаны флером таинственности. Отчасти эта «непонятность» была «вчитана» в произведения Кавабата западными критиками. Лично я полагаю, что литература Кавабата ничуть не более трудна для восприятия инокультурным читателем, чем произведения Оэ, но Запад ожидал в то время от японского писателя именно чего-то непознаваемого. К тому же и сами японцы, долгое время утверждавшие, что никакому иностранцу недоступны все эти «ваби», «саби» и дзэн-буддизм, что «уникальная» красота по-японски внятна только самим японцам, внесли свой существенный вклад в создание этого мифа о «непознаваемой» японской душе.

Что до Оэ Кэндзабуро, то ко времени его награждения литературоведы уже перестали размахивать флагом личности сугубо японского способа освоения мира с помощью сугубо специфической эстетики, и Оэ ждала премия только за то, что он - очень хороший писатель. Отсюда происходит и столь ироничное название Нобелевской лекции Оэ Кэндзабуро: он отрывает от страны под названием «Япония» этикетку «прекрасная» и утверждает, что культурный феномен Японии не может быть определен единственным прилагательным. Будь эта Япония «прекрасная», «ужасная» или какая-нибудь еще.

Наряду с Оэ Кэндзабуро, одной из самых влиятельных фигур в японском литературном пейзаже по-прежнему остается Абэ Кобо, произведения которого переведены на все основные языки мира (весьма полно представлен он и в переводах на русский). Его огромная популярность за пределами Японии часто объясняется универсальностью его таланта, тем, что в своем творчестве он не воспевает что-то специфически японское, а помещает своих героев в общечеловеческий контекст, который несет в себе национальный заряд в минимальной степени. При этом следует помнить, что Абэ Кобо вырос в Маньчжурии, культурный климат которой радикально отличался от японского. Я хочу сказать, что дистанцирование Абэ от Японии, к которой он относится с некоторой подозрительностью, многое объясняет в его широчайшем международном признании.

Все эти рассуждения о «понятности» и «непонятности», разумеется, очень относительны. В самом де-

ле: что проще и внятнее - «однозначность» или «многозначность»? Что сложнее: понять «однозначно-прекрасную» Японию прошлого или же «непонятно какую» Японию настоящего? Японию, которая - сознательно или бессознательно - «выламывается» из той культурной роли, которую она уже отыграла - как перед собой, так и перед Западом. Любопытный в этом контексте факт: творчество Кавабата в русских переводах (попутно отмечу недавно вышедший в серии «Японская классическая библиотека. XX век» никогда не переводившийся на европейские языки весьма удачный перевод А.Н. Мещерякова его замечательного сборника «Рассказы на ладони») представлено полнее, чем произведения Оэ. Для того чтобы смириться с тем, что время меняет лица твоих близких, тоже требуется определенное мужество. Мужество любить близких такими, какие они есть на самом деле.

Процесс «денационализации» японской литературы набирает силу. Он сопровождается широким международным признанием сравнительно молодых японских писателей. Я имею в виду именно широкое признание у массового читателя - теперь современных японских писателей читают не только высокообразованные интеллектуалы, ищущие новых эстетических ощущений, но и «простые» читатели, для которых страна Япония просто-напросто занимает определенное место на географической карте мира. Они читают японскую литературу вовсе не потому, что хотят познать «душу» японцев, а потому, что те проблемы, которые обсуждают на страницах своих произведений герои японских писателей, волнуют их и находят соответствие в их собственном опыте. Недавний выход в свет и несомненный успех у российского читателя произведений таких модных в Японии авторов, как Мураками Харуки, Ёсимото Банана или же Мураками Рю доказывает это, как мне кажется, с полной очевидностью.

А кто же это такие - те смельчаки, которые решились сочинять на том языке, который не является для них родным?

Вот, например, Хидэо Леви. Американец, выходец из еврейско-польской семьи, родился в 1950 году. Его отец был дипломатом, сын жил вместе с ним на Тайване и в Японии. Изучал в Принстоне японскую литературу, потом сам стал учить тому же. Переводил стихи самой древней японской поэтической антологии «Манъёсю». И вот, позабыв про свою благополучную академическую карьеру, стал сочинять прозу по-японски. Причем настолько успешно, что в 1992 г. удостоился почетной премии Нома для дебютантов, нанеся тяжелый удар в самое сердце многих японцев, которые были в полной уверенности, что иностранцу никогда не удастся сочинить по-японски что-нибудь стоящее. В одном из своих эссе, сведенных под одну обложку под названием «Победа японского языка» он писал: триумф японского языка заключается не в его растущей популярности

за границей; настоящий триумф состоит в том, что язык этот сам сумел разрушить миф о триединстве нации, культуры и языка.

А вот Дэвид Дзопетти, урожденный швейцарец. Год рождения - 1962. Споры нет - его повесть «Итигэнсан» о любви иностранного студента к слепой японской девушке, за которую он получил премию «Субару», достаточно банальна, но все-таки эта проза никак не похожа на второе издание «японизма», черпающего свое вдохновение в экзотике Востока.

А вот Тавада Ёко пишет и на японском, и на немецком, а Мидзумура Минаэ сочинил уникальный для японского писателя роман, герои которого разговаривают как по-японски, так и по-английски...

Если японская литература перестает - хотя бы отчасти - являться чисто японской, то к какой же литературе ее следует отнести? Нынешние литературные словари придерживаются ортодоксальной точки зрения. Даже в многотомных словарях по истории мировой литературы вы не найдете имен японских писателей. При представлении же иностранного писателя авторы словарных статей часто пишут: «Обладает международным признанием, но японскому читателю пока что не известен». Согласно этой логике получается, что Япония расположена вовсе не на земном шаре, а японская литература, по существу, не является частью мировой. Впрочем, Япония не является в этом смысле исключением. Литературные энциклопедии и словари - будь то Америка или Россия - так же не числят свою собственную литературу по разделу «мировой».

Считается, что термин «мировая литература» (Weltliteratur) принадлежит Гёте («В настоящее время мы вступаем в век мировой литературы. И каждый из нас должен способствовать его быстрейшему наступлению»). Вслед за Гёте эта идея активно разрабатывалась Марксом и Энгельсом, которые в «Манифесте коммунистической партии» говорили о том времени, когда национальные литературы сольются в одну мировую литературу. С высоты нашего времени термин «мировая литература», употребленный в этом смысле, кажется такой же утопией, как и «мировая революция» или же «мировой язык», но все-таки следует и по достоинству оценить желание преодолеть национальную ограниченность.

Не следует, разумеется, думать, что писатели, подобные Леви или же Тавада Ёко, - уникальное явление. Ведь у каждого из нас стоят перед глазами примеры Бекета, Набокова, Канетти, Кундеры, Рушди... Но применительно к японской литературе это все-таки явление новое. Писатели «нового типа» помогают японцам преодолеть их историческую замкнутость, иллюзии о своей уникальности и проложить колею, которая ведет от полустанка под названием «Японская литература» к станции «Мировая литература».

Путаница Торикаэбая моногатары

Перевод М.В. Торопыгиной

Часть вторая

1.

Химэгими теперь часто удалялся в сторону снежных вершин Ёсино, и это очень печалило Удайдзина.

Шли дни и месяцы, и вот для Ённокими настало время уединиться в комнату для рожениц. Удайдзин, разумеется, беспокоился за исход родов. Поэтому он беспрестанно читал сутры и молился. Хотя Садайдзин и находил происходившее весьма странным, он не желал показаться подозрительным и тоже молился о благополучном разрешении от бремени. Словом, вокруг Ённокими царил суматоха. Но, возможно, именно благодаря этому, хотя во время беременности она и чувствовала себя отвратительно, теперь Ённокими легко разрешилась чудесной девочкой, такой красивой, что лучше и не пожелаешь - такая вполне сможет занять в будущем самое высокое положение. Удайдзин был счастлив, зазывал гостей, так что шуму вышло даже больше, чем уместно в подобном случае.

Садайдзин тоже не оставался в стороне, он даже соизволил поучаствовать в обряде первого купания, которого все ждали с таким нетерпением. Личико новорожденной, несомненно, напоминало Сайсё. Увидев это, Химэгими пришел в волнение - Сайсё был для него близким человеком, они давно дружили, были привязаны друг к другу, а теперь Сайсё, конечно, думает, что Химэгими - ужасный дурак. Ему было стыдно и горько. Химэгими так переживал, что у него разболелась грудь.

Ённокими еще не оправилась от родов - она закрылась с головой белыми одеждами, свернулась калачиком, ее клонило ко сну. Химэгими подошел к ней: «Послушай».

Она вздрогнула и приподняла голову. Даже раньше Химэгими часто приходилось испытывать неловкость, а уж теперь, когда... Он улыбнулся и спросил: «Как ты себя чувствуешь?»

И прочел:

Живу в этом мире...

И что же?

Ребенок - другого лица.

Милое личико!

Только губ не разжать.

От стыда Ённокими ничего не отвечала. По понятной причине она не желала взглянуть на мужа.

- Что ж, теперь уже ничего не поделаешь. Но ведь

нам с тобой еще жить и жить. Будет неприятно, когда вокруг станут судачить. Не могу ничего придумать, не знаю, что сказать, - у него катились слезы из глаз.

Химэгими беспокоился, как бы люди, занятые всей этой праздничной суматохой, не подумали, что он опечален. Он оставил Ённокими, но в сердце женщины еще долго не рассеивалась боль, и никто не мог понять, отчего она страдает.

Все очень радовались и шумели, супруга Удайдзина заправляла купанием новорожденной, ей помогала третья дочь, мужем которой был командующий государевой гвардией. Но кое-кто все же обратил внимание, что у Химэгими вид вовсе не радостный. Впрочем, они подумали, что таков уж его характер, и восприняли это со спокойствием, ничего не заподозрив.

2.

На седьмой вечер после родов, в день праздника, распорядителем которого был определен командующий государевой гвардией - муж сестры Ённокими, собралась вся знать, и только Сайсё казался больным. Его терзали чувства, о которых никто не догадывался. Раньше он молился, чтобы роды прошли благополучно, и уже слышал, что это так, но только вдали от Ённокими он чувствовал себя одиноким. И он отправился к Саэмон.

- Ведь ты знаешь, как мы любим друг друга! Сегодня, сейчас! Я живу, как во сне...

Своими домогательствами он сбил Саэмон с толку, и хотя она считала, что это бесполезно, но все же, с тяжестью на сердце, пошла справиться у Ённокими. Все дамы уже оставили Ённокими. Пожилые руководили приготовлениями на кухне, молодые, занятые подарками и прочим, разошлись по своим покоям, сама же Ённокими приняла вечернюю ванну и легла спать, и лишь несколько женщин находились неподалеку. Удостоверившись, что никого рядом нет, и можно проникнуть незамеченным, Саэмон пригласила свет и незаметно провела Сайсё. Ённокими полагала, что время для свидания совсем неподходящее, но их связь была так крепка, что разорвать ее было совершенно невозможно. В чуть теплящемся тусклом свете она выглядела какой-то маленькой и похудевшей, трогательной и бледной. Ённокими была вся укутана в белые одеяния, на голове - покрывало, буд-

то хризантема, ее длинные волосы скрыты под одеждой. Сайсё подумал, что она поистине прекрасна, сам же он тоже надушился, выглядел обаятельным и желанным. Он повторял и повторял, как безгранично он любит ее и как хотел бы вызывать такое же глубокое чувство в ее сердце, его речи и облик были таковы, что поддались бы скала и дерево, а ведь женское сердце не чета им... Ённокими заплакала, она была так близко, она была так мила, что у Сайсё не было сил расстаться с ней.

3.

Химэгими, отбивая такт, пел в саду «Море в Исэ», слушать его было необыкновенно приятно. Сайсё же в это время подумал: «Как странно! Его жена - прекрасна, так отчего же он избегает ее? Сам он блестящ, изящен и великолепен, но в то же время так подозрителен, у него всегда такой вид, будто он погружен в какие-то мрачные тайные думы. Уж не увлечен ли он другой женщиной?» Сайсё очень хотел бы узнать правду.

Праздник еще не закончился. Химэгими подарил кому-то свое верхнее платье и теперь мучался от холода. Он незаметно прошел в дом, чтобы одеться. Странно, но за занавесями ему почудилось какое-то подозрительное замешательство и возня. Когда Химэгими заглянул туда, какой-то человек вскочил с постели и выскользнул прочь. Впопыхах он обронил веер и листки бумаги. Ённокими была так напугана, что даже не порывалась спрятать их. Химэгими молча подошел к ней, поднял упавший у изголовья веер, поднес его к свету. На лакированном остова была натянута красная бумага с изображением падающего на бамбук снега, на обратной стороне - несколько любовных строк, выведенных изящной кистью. Это была рука Сайсё. Так Химэгими и думал! Сайсё не пришел на праздник, надеясь пробраться сюда... У Химэгими теперь был настоящий повод для ревности, но он не испытывал этого чувства. «Наверное, так он и должен был поступить - женщина остается в самом дальнем углу дома, самое время! Но ведь Сайсё здесь не в первый раз, не может быть, чтобы никто не знал обо всем и не помогал ему. Сайсё наверняка дал знать, что хочет сегодня придти. А что Ённокими? Даже сейчас она впустила его, значит, она очень его любит!»

Химэгими подумал, что, может, будет лучше оставить Ённокими на попечении Сайсё, но, похоже, на душе у него самого не станет легче, да и Сайсё, верно, это покажется неудобным. Ведь им, несомненно, представлялось множество удобных случаев, когда Химэгими отсутствовал, зачем же было встречаться так открыто, в тот час, когда в доме столько людей, пусть они и заняты совсем другими делами? Ведь все равно они могли заметить Сайсё, и это было бы ужасно - как для Химэгими, так и для его жены. «И как мне следует поступить? Если я перестану бывать здесь, молва сочтет меня легкомысленным, но они ведь даже не слишком таятся, так что делать вид, что

мне ничего не известно, тоже довольно глупо», - путано думал он. Люди развлекались, играла музыка, но Химэгими был погружен в свои мысли и ни в чем не принимал участия.

Когда праздники по поводу рождения девочки миновали, Химэгими вновь отправился в горы Ёсино, пытаясь отвлечься от одолевавших его сомнений, но мы не станем рассказывать об этом.

4.

Сайсё, вынужденный скрывать свои чувства, вздыхал, как ему трудно встречаться с возлюбленной. Он утешался тем, что писал ей задушевные письма и время от времени посещал ее. Ённокими несравненна, но не в обыкновении Сайсё было думать лишь об одной женщине, к тому же, если Химэгими узнает, будет так неприятно! Дочь Садайдзина - Распорядительница женских покоев из Сверкающего дворца - необыкновенно хороша, и с ней можно будет чувствовать себя свободно, тогда как с Ённокими всегда необходима осторожность... Решив так, он, как уже бывало прежде, стал в слезах упрашивать даму по имени Сайсё-но Кими помочь ему пробраться к госпоже. У Вакагими был день строгого воздержания, поэтому она не отправилась вечером в Грушевый павильон, и Сайсё проник к ней.

Поскольку это оказалось для нее полной неожиданностью, Вакагими пришла в ужас. Но будучи от природы спокойной и выдержанной, она не выказала никакого волнения. Сайсё плакал, досадовал и печалился, а когда рассвело, остался. Сложилось странное положение, которое было неловким для обоих. Под предлогом своего воздержания Вакагими приказала не поднимать полог и не убирать ширмы. Но поскольку кто-то из дам всегда находился при госпоже, двое их них знали о происходящем и тоже находили положение весьма неудобным. Сайсё же, имея возможность любоваться красавицей, о которой все говорили, что она пленительно хороша, позабыл обо всем. Она была высокого роста, что не совпадало с его ожиданиями, ему казалось, что она должна быть маленькой. Впрочем, это нельзя было считать недостатком. Ее волосы, подобно шелковым нитям, свободно струились вниз. Он не мог как следует рассмотреть ее, но ее лицо было точь-в-точь как лицо Советника, только ее черты, может быть, были чуть более обворожительными и спокойными. Жена Советника - Ённокими, тайная возлюбленная Сайсё - и благородна, и красива, и воспитана, и желанна, так что никто не сравнится с ней в утонченности. Красота же Распорядительницы женских покоев была такой яркой, что слепила глаза. Сайсё сходил с ума, досадовал и печалился. Она же выглядела изящной, благородной, обворожительной и сдаваться не собиралась. У Сайсё билось сердце, текли слезы. Вот прошел день, и уже следующая ночь близилась к рассвету. Тревожась, Вакагими сказала:

- Когда мое воздержание закончится, сюда придет отец. Советник тоже будет здесь. Очень неловко, ес-

ли вы останетесь. Если вы и вправду любите меня, то лучше вам уйти, буду рада получить весточку «в заливе Сига»¹, - в ее голосе слышалось невыразимое обаяние, и голос был точно таким же, как у Химэгими. Сайсё внимал в волнении этому прекрасному, великолепному голосу, и ему вовсе расхотелось уходить.

«Потом», - сказала ты,
Но разве
Заклучен союз?
Вот так я и скроюсь,
Как луна за вершиной горы.

«Как-то все странно получилось...» - добавил Сайсё.
Не успел он сказать это, как Вакагими прочла:

В заливе Сига
Попросила о весточке -
Так, в утешенье.
О будущих встречах
И думать забудь.

- Пойми меня, - ее голос звучал ласково.

Сайсё больше нечего было сказать. Он не хотел быть неучтивым и ушел, чувствуя себя пустой скорлупкой, свою душу он оставлял ей.

5.

Сайсё не получил от нее ответа ни на одно из своих писем, она была далека, как облака, и оттого, что она ускользнула от него, он ревновал, печалился и досадовал - одним словом, был влюблен. Как-то будучи на службе во дворце, он увидел Советника, лица брата и сестры были похожи, как две капли воды - при том, что Распорядительница женских покоев выглядела на удивление благородной и свежей, а Советник был необыкновенно изящен, обаяние било через край. Увидев его, Сайсё разволновался, он не мог скрыть своих чувств, у него потекли слезы. Химэгими был очень удивлен.

- Мы дружим с незапамятных времен. Мое смятение становится все сильнее, так не может продолжаться - я чувствую себя слабым, как женщина, - сказал Сайсё, утирая слезы.

- Никто из людей не живет, подобно сосне, тысячу лет, рано или поздно жизнь кончается - как высыхает росинка на траве, разве это не печально? - ответил Химэгими, держа в уме, что, наверное, Сайсё считает его простаком. Вместе с тем в голосе его слышалась задушевность.

Сайсё пребывал в волнении. Одна женщина разделяла его чувства и любила его, но она была с ним только сердцем, и если бы они не избегали сторонних взглядов, об их связи тут же стало бы известно, а этого допустить никак нельзя - стыдно, и из-за того, что они так тайлись, их встречи стали похожи на тяжелый сон. А другая женщина ускользнула от него и стала теперь еще недоступнее.

Обе женщины вызывали в нем печаль и заставля-

ли его плакать. Сайсё так желал увидеть Советника, который представлялся ему связанным с обеими женщинами, что, хотя никакого особого предлога у него не было, он решил: «Будь что будет!» - и отправился в дом Удайдзина. Но Советника там не было. «Ушел», - ответили ему. Сайсё посмотрел в сторону покоев Ённокими и хотел было пройти туда, но ведь он пришел днем, и, вздохнув, Сайсё спросил:

- А где Советник?

- Он у отца.

Тогда Сайсё направился к Садайдзину.

Никому не сказавшись, Сайсё прошел в западные покои, туда, где обычно скрывался Химэгими. День был очень жарким, Химэгими отдыхал, сбросив верхнюю одежду. Заметив Сайсё, он отодвинулся подальше вглубь комнаты со словами:

- Ты некстати, я не могу тебя принять, я не одет.

- Это неважно, не беспокойся, - Сайсё будто и не слышал, что сказал Химэгими.

Поскольку никого из женщин поблизости не было, Сайсё со спокойным сердцем прошел дальше.

- И правда, ужасная жара, - улыбаясь, сказал Сайсё и опустился на колени. - Я совсем запутался, мне грустно. Я так давно тебя не видел и очень скучал, мне было так одиноко, а ты ищешь предлог выгнать меня, - упрекнул он Химэгими.

- Мне неудобно, что я в таком виде.

- Правда, ужасно жарко. Давай-ка и я разденусь, - сказал Сайсё, снимая одежду. - Вот так гораздо лучше.

Химэгими положил подушки туда, где было прохладнее, и они прилегли, обмахиваясь круглыми веерами. На Химэгими были шелковые штаны и белая нижняя рубашка, он расслабился, его разгоряченное от жары лицо было прекрасным, еще более привлекательным и дивным, чем всегда. Линия рук, округлость бедер, ясно просвечивающих сквозь тонкое полотно, белоснежная кожа были неподражаемы. Он был свеж, мил и очарователен, и так красив, что равного ему - не сыскать. «Если бы женщина была столь прекрасна, я наверняка влюбился бы в нее без памяти!» С такими неподобающими мыслями Сайсё придвинулся к Химэгими.

- Жарко! - попробовал возразить Химэгими, но Сайсё не слушал.

Они продолжали беседу, спустился вечер, подул свежий ветерок, будто осень пришла.

Сайсё никак не позволял Химэгими встать. Никто не передает его любовные послания Распорядительнице женских покоев, уже почти год он напрасно мечтает о ней, он не хочет больше жить - жаловался он и в своей тоске был очень трогателен. «Так же, верно, он говорил и моей жене, а ведь у женщин сердца слабые - не поддаются невозможно. Как унижительно, что она - пусть и тайно! - отдала ему свое сердце, уступила, а ему все мало, он вздыхает, хотя они и встречаются, она скрытно любит его, но он желает и другую, он ненасытен».

¹Выражение означает надежду на будущие встречи.

Химэгими был расстроен, вынести это было невозможно.

Мне кажется,
Ты любишь не одну.
Так что ж, сравни:
Вот тайная любовь,
Вот ускользнувшая любовь.

Химэгими сказал это с двусмысленной усмешкой, теперь это был совсем другой человек, в его красоте больше не было отстраненности.

6. Химэгими придвинулся к Сайсё поближе, и Сайсё

ощутил, как в его близости и домашней неопрятности слилась прелесть обеих женщин: и той, которую он любил тайно, и той, что ускользнула от него. Опыренный этим чувством, он подумал, что, верно, Химэгими знает о его связи с Ённокими. Ему стало не по себе, но он тут же отбросил сомнения и подвинулся еще ближе, почти вплотную к Химэгими.

Никто
С тобою не сравнится.
Я всех забыл,
Желает сердце
Лишь тебя любить.

Не успел он закончить, как Химэгими раздраженно сказал:

- Что ж, этого и следовало ожидать. Тебе кажется, что я связан и с той, и с другой, - говоря это, он хотел подняться, но Сайсё ему не позволил. - Да ты и вправду не в своем уме! Мне нужно поговорить с отцом, но было так жарко - вот я и прилег. Если я тотчас не пойду к нему, он рассердится. Мне нужно идти, - сказал Химэгими, вставая.

А что Сайсё? Он вдруг почувствовал, что не может отпустить Химэгими.

- Стой! - он внезапно схватил Химэгими, позабыв всякие приличия.

- Мне больно, ты что, тронулся? - рассердился Химэгими, но Сайсё не слушал его.

О чем бы они ни беседовали до этого времени, Химэгими не терял рассудка, как то и подобает мужчине, но когда Сайсё схватил его, он уже ничего не смог поделать - в сердечной слабости он лишь думал о том, что же теперь с ним будет. От стыда он заплакал. Поняв, что произошло, Сайсё тоже не мог придти в себя. Он ощутил и любовь, и жалость, его мысли о двух других женщинах слились в одно чувство к этой, хотя он и рассердился, что до сих пор она вела себя так неподобающе. Но для вопросов еще будет другое время... Считая, что теперь он знает о ней все, Сайсё почувствовал, что никого и никогда так не любил - всем своим сердцем, и это душевное волнение захлестнуло его. Химэгими, догадываясь, что Сайсё недоступна вся странность случившегося, опечалился. Что может придти Сайсё в голову? «Я не оставлял этот мир, и вот теперь моя тайна

раскрыта», - слезы лились не переставая, она была прекрасна и обворожительна, равных ей не было на свете. Сайсё тоже плакал и плакал:

- Что мне делать? Теперь я не в силах расстаться с тобой ни на миг, - он не мог говорить.

Ночь прошла, но Сайсё вовсе не намеревался встать и уйти.

7.

«Что толку сетовать, когда он теперь знает о моей тайне! Что негодовать? Пусть я стану сердиться, но когда случится разговор о том необычном, что бывает в этом мире, он непременно расскажет и обо мне. Что я могу поделать? Принц Ёсино говорил мне, что причины нынешних бед скрываются в прошлом. Теперь мне будет трудно с ним расстаться».

- Знаешь, я и вправду должен казаться странным, но раз уж наши сердца соединились, я прошу тебя не выставлять меня на посмешище, только тогда я буду знать, что ты и вправду любишь меня. Я живу уединенно, у меня не бывает много людей, так что нам не составит труда встречаться, как бы ненароком, - он говорил очень ласково, утешая Сайсё и поуждая его уйти.

Хотя Сайсё и понимал, что ему уже пора, но не мог представить себе, что расстанется с ней хоть на миг, в преддверии разлуки он печалился и никак не решался оставить ее. И вот, наконец, после бесконечных любовных клятв он ушел. Оставшись один, Химэгими был как во сне. «Отчего мне не расстаться с жизнью? Ведь теперь мне будет неловко появляться там, где я могу повстречать Сайсё». Однако потом он подумал, что отец с матерью всегда беспокоятся, даже когда не видят его совсем недолго, и потому он решил оставить все, как есть - пусть даже и ненадолго.

8.

Как всегда, Садайдзин улыбался, любуясь сыном, и выглядел очень довольным.

- Ты был здесь сегодня ночью? Сайсё заходил по делу, сказал, что хочет что-то спросить по китайской классике, - сказал отец.

Химэгими был взволнован.

- Удайдзин очень недоволен. Ты должен вести себя так, чтобы никто не мог упрекнуть тебя, - сказал отец.

Химэгими стало не по себе, поэтому он ответил только:

- Не думаю, что я делаю что-то, что может его печалить.

Они с отцом позавтракали, и Химэгими собирался уже уходить, но тут принесли записку от Сайсё.

Что мне делать?

Моя любовь

Так сильна,

Кажется мне -

Умираю.

Слово

Я должен увидеть тебя еще до вечера, моя милая».

Химэгими не хотелось отвечать согласием или же вообще отвечать, но ввиду своего двусмысленного положения он начертил в своей обычной прямодушной манере.

Каждой

Ты говоришь:

Умираю.

Думаю

Долгую жизнь проживешь.

Стиль послания и почерк показались Сайсё особенно очаровательны этим утром. Однако она ничего не сказала о вечернем свидании - согласна она или нет! Обеспокоенный этим, Сайсё отправил еще одну записку:

Пусть я говорил

Умру.

Я не любил

Так сильно,

Как сейчас.

Химэгими получил это послание, уже будучи в доме Удайдзина. Сайсё становился навязчивым, но Химэгими не желал обидеть его.

Я грущу,

Как мало кто

В этом мире.

И в сердце своем

Вздыхаю и люблю.

Именно такого ответа и ожидал Сайсё, и он зарыдал в три ручья.

Сайсё отправился к Удайдзину. Химэгими подумал, что это посещение выглядит странным, а если он выйдет к Сайсё, то избежать свидания не удастся. Ему стало противно и скучно.

- Я с утра не в себе, так что принять тебя не смогу. Прости, ты зря потрудился прийти, - сказал Химэгими решительно.

Сайсё обиделся, расстроился и, не прячась от посторонних, продолжал:

- Я кое-что должен тебе сказать. Выйди хотя бы к двери.

- Мне не по себе, прости. Ты здесь, мне и самому хотелось бы с тобой поговорить, но у меня так болит грудь, что я прямо теряю сознание.

Химэгими так и не вышел.

Сайсё попытался скрыть тоску и печаль. Он представлял себе, что, наверное, обе его возлюбленные сейчас вместе, он был близок с обеими и не мог порвать ни с одной из них, но в глазах людей его домогательства выглядели бы ужасно. Он вернулся домой и провел ночь без сна - тоскуя и вздыхая.

9.

Химэгими пребывал в душевном беспокойстве, поскольку куда ни пойдешь - всюду встретишь Сайсё и

попадешь в неловкое положение. Поэтому он и не выходил из дома. Шли дни, Сайсё становился все тоскливее и печальнее, много раз наведывался он в дом к Химэгими, спрашивал: «Когда же? Когда?» - но возвращался ни с чем, в унынии. Через какое-то время он узнал, что Химэгими отправился во дворец, тут сердце Сайсё забилось быстрее, он сразу же оживился в предвкушении того, что наконец-то увидит ту, от любви к которой он сгорал, казалось, целую вечность. Химэгими, встретив взгляд Сайсё, от смущения чуть заметно покраснел, но тут же взял себя в руки, вид у него был теперь холодный и независимый. Так Сайсё и не решился обнаружить свои чувства. Химэгими выглядел чужим. Сайсё снова расстроился и погрузился в бесконечные сомнения.

10.

Государь пригласил Химэгими к себе. По своему обыкновению он попросил Химэгими сесть поближе, и, как всегда, речь зашла о его сестре, Распорядительнице женских покоев. Государь не отрываясь смотрел на Химэгими. Наружность Советника была чрезвычайно привлекательной, на него хотелось смотреть и смотреть... Государь слышал, что сестра очень на него похожа. Тут он подумал, что если бы у Химэгими были волосы подлиннее, а лицо набелено, если бы его волосы не были бы гладко зачесаны назад, то и небесные девы не могли бы с ним сравниться красотой и очарованием - он был так обворожителен, что поставить рядом с ним некого. Государю очень хотелось увидеть Распорядительницу женских покоев, и он делал все, чтобы Химэгими это понял. Химэгими сидел рядом с государем, но помня свой печальный опыт с Сайсё, он был разумно-почтителен и, не обинуясь, сказал государю, что его сестра далека от обычных желаний обитателей этого мира. Поскольку государь не мог оторвать взгляда от Химэгими, он долго не отпускал его. Сайсё же в это время прямо-таки сходил с ума - он боялся, что государь вдруг тоже догадается, что Химэгими - женщина, а поскольку равных ей нет, государь непременно захочет проводить время только с ней. Государь же и вправду смотрел на Химэгими не отрываясь, хотя в его речах было лишь дружеское расположение. Однако Сайсё целый день не мог успокоиться - ни о чем другом не думал, ревновал и трепетал.

11.

Наконец государь позволил Химэгими уйти. Сайсё дождался его и отправился вместе с ним в караульное помещение, где они обычно отдыхали. Несмотря на все свои старания, Химэгими не смог ускользнуть, и ему пришлось сделать вид, что они находятся на ночном дежурстве. Всякий раз, как они вместе бывали на ночном дежурстве, придворные, считавшие их общество особенно приятным, собирались в караульном помещении и уже с вечера там бывало шумно и многолюдно. Но сейчас Сайсё и Химэгими никого не замечали, всем своим видом показывая,

что у них есть личный разговор, и каким-то образом сумели остаться наедине. И тогда Сайсё в слезах и тоске стал говорить о своей страстной любви. В ответ на его домогательства Химэгими рассердился:

- Если нас увидят, что подумают люди? Милый, если ты и вправду меня любишь, не веди себя так вызывающе. Если бы нам было невозможно видиться, если бы наши встречи были редки, тогда бы я понял тебя, но ведь мы видимся и днем, и ночью, что же заставляет тебя вести себя столь безрассудно? Подумай и обо мне - мне очень непросто, и мне очень горько, что ты этого не понимаешь.

- Мне от твоих слов так больно - ведь свидания невозможны. Да, мы видимся - вот так, как сейчас, но ты выглядишь далекой и недоступной, я не могу поверить, что ты меня любишь, - Сайсё говорил очень искренне.

Его слова растрогали Химэгими, но отдаться всем сердцем этой любви он не мог - ведь он не хотел, чтобы люди прознали про его тайну.

- Мы будем встречаться, но только так, чтобы не вызывать толков, - пообещал он.

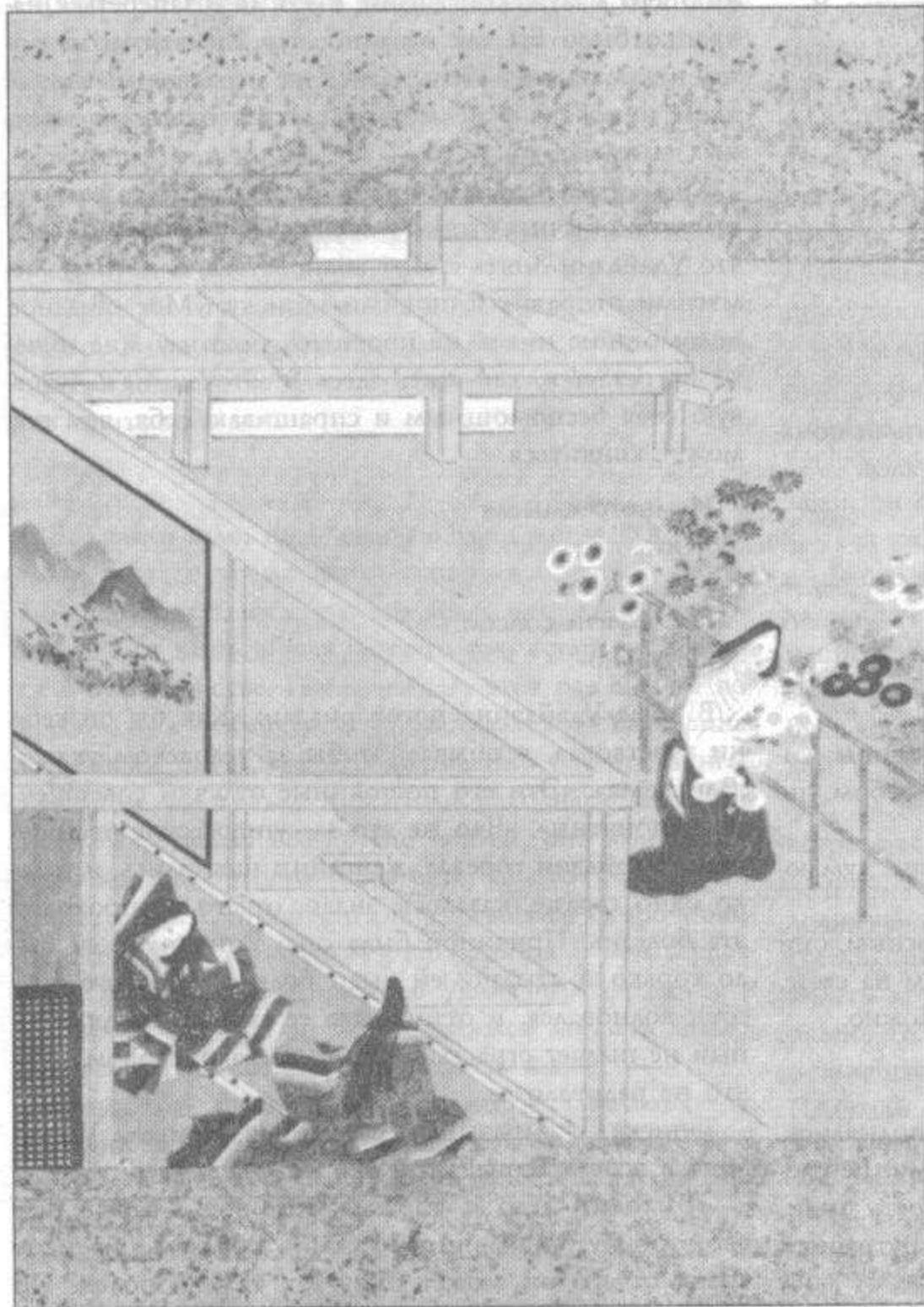
Сайсё от этого разговора стало тяжело, тревога не оставляла его.

Тут Химэгими дал понять Сайсё, что знает о его посещениях Ённокими.

- Я догадывался, что происходит, но при моих обстоятельствах нельзя никого осуждать. Я и теперь не собираюсь показывать, что все знаю, так что ты утешай ее время от времени, когда ей станет плохо, - попросил Химэгими.

Хотя Сайсё было очень жаль Химэгими, но поскольку ему казалось, что Химэгими вовсе не обеспокоена его любовными похождениями, то он спокойно и ничуть не таясь рассказал про то, как все было, добавив, что теперь больше не любит Ённокими. «Ну и ну, какая жестокость! Он ведь очень сильно любил ее, а теперь говорит о ней так спокойно. Вот оно, сердце мужчины, что изменчиво, как трава «луноцвет», теперь я вижу это. Пока он меня любит, он не выдаст мою тайну, но когда его помыслы обратятся к другой, он наверняка расскажет о моем секрете... Как горько, что мне не удалось избежать связи с ним, очень жаль».

Так все и шло. Сайсё следовал за Химэгими даже во дворце, будто став его тенью. Не имея возможности скрыться, Химэгими по-прежнему избегала встреч наедине, к чему ее склонял Сайсё, но речи Химэгими были очень нежны. Когда же у них случались свидания, Химэгими, понимая, что в ее положении близости не избежать, была очень податлива. Но стоило им только расстаться, как она снова и снова отказывала Сайсё - свидания были редки, и вел себя Химэгими так, будто они вовсе и не были близки. Это очень печалило Сайсё. «Не отправиться ли тебе к той, что страдает без тебя?» - время от времени говорила Химэгими, и, делая вид, что ничего не замечает, устраивала все так, чтобы Сайсё и Ённокими могли встретиться. «И вправду, какое у нее редкое, милое и доброе сердце», - Сайсё считал вполне естественным, что он встречается с Ённокими, но поскольку теперь большая половина его души принадлежала Химэгими, его любовь к Ённокими стала таять. В присутствии Химэгими он ощущал себя все более и более слабым и в конце концов даже перестал желать встреч с другими женщинами, что могло бы послужить ему утешением в то время, когда Химэгими с ним не было. При тайных встречах с Ённокими он казался милым и нежным и избегал теперь лишь посторонних глаз - страх, что Химэгими может обо всем узнать, оставил его, виделись они теперь чаще, чем в прежние дни, и Ённокими по-настоящему привязалась к нему и стала податливее. И теперь пришел черед беспокоиться Химэгими, хотя сама она и доставляла столько страданий Сайсё.

Слово

12. Химэгими знал теперь все. «В каком странном положении я очутился!» - вздыхал он. Теперь ему и во все не хотелось, чтобы Ённокими узнала его секрет. Он полагал, что ему недолго оставаться в этом мире, вот он и разговаривал с Ённокими очень ласково. Поскольку пришло время месячных, он укрылся в доме кормилицы на Шестой улице, но Сайсё выследил его.

Сайсё спрятался за изгородью. Моросило, затянутое облаками и потемневшее к вечеру небо было восхитительным. Подняв бамбуковые занавески, Химэгими любовался небом. Поверх красных нижних одежды на нем была накидка узорчатого китайского шелка, вытканная фиолетовыми и белыми нитями. При вечернем освещении он выглядел особенно прекрасным. Химэгими подпирал голову своей точеной ручкой, из глаз катились слезы.

Куда ни посмотри -

Осенний мелкий дождь.

Намокли рукава -

То не капли,

А слезы мои.

«Не знаю, долго ли еще продлится мой век...» - сам себе в печали проговорил Химэгими - вряд ли сыщется кисть, способная изобразить эту картину. И, конечно, Сайсё так разволновался, что подошел поближе и прочел:

От слез и дождя

Туманится взгляд.

Насквозь промок.

Как встретились бы мы,

Когда б тебя я не искал?

Он появился так неожиданно, что Химэгими сначала испугался, но потом он даже растрогался.

Я в одиночестве

Смотрел на небо.

Все в дожде...

Я ждал тебя,

И слезы все текли, текли.

Сайсё стал говорить, как жестоко со стороны Химэгими скрываться и одной любоваться небом, не подавая весточки о себе.

- Если у тебя такое жестокое сердце, то мне, думаю, вовсе не стоит жить, - заключил он.

Поскольку место было совершенно безопасным, они улеглись по-супружески и говорили обо всем на свете, то плача, то смеясь. Пересказать это невозможно.

13.

Они и не заметили, как рассвело. Они поднялись, и Сайсё пристально посмотрел на Химэгими. Ее раскованные, блестящие манеры и независимость были, безусловно, мужскими, но смятение с внутренней дрожью сообщали ей мягкость и очарование, от люб-

ви и растерянности она сделалась бесконечно слабой. Ённокими, к которой привык Сайсё, была всегда грустной и обеспокоенной - даже когда отдавалась ему, и он притерпелся... Но вот эта женщина, которую он действительно любил, сумела перемениться, она стала слабой, милой, покорной, игривой, трогательной, мягкой, податливой - словами и не скажешь. Однако Сайсё представлялось обидным, что она появляется в свете, открытая чужим взглядам, он хотел во что бы то ни стало спрятать ее, чтобы она принадлежала только ему.

- Годами я видел в тебе мужчину, но в женском облике ты прекраснее всех сказочных принцесс - ведь это твое настоящее лицо. Я спрячу тебя, ты будешь только женщиной. Если ты останешься мужчиной, я не смогу видеть тебя так часто, как хочет того мое сердце, а это невыразимо печально. Сколь бы странным это теперь ни казалось, но с самых давних времен женщина слушается мужчину - нравится ей это или нет, так уж повелось. Да и тебе самой быть мужчиной вовсе не подходит, - Сайсё во что бы то ни стало хотел видеть Химэгими только своей, он повторял это и днем, и ночью.

Правда была на его стороне, но для человека, привыкшего к мужской жизни, взять да и запереться накрепко было бы так странно, что Химэгими не хотел и думать об этом. Сайсё же страдал, он плакал днем и ночью и не мог отделаться от своих мрачных мыслей.

Химэгими не давал о себе знать гораздо дольше, чем это обычно бывало, и уже беспокоился о том, что Удайдзин опять станет волноваться, и потому Химэгими отправил Ённокими записку: «Мое обычное недомогание никак не проходит, поэтому мне ничего не остается, как жить здесь в заточении, я чувствую себя беспомощным и спрашиваю себя, чем это может кончиться.

Немного смысла

Жить так,

Как я живу.

Но и уйти совсем -

Печально».

В доме Удайдзина поговаривали: «Как бы он себя ни чувствовал, в обычае, чтобы за человеком ухаживали дома». «Эти его постоянные отлучки совершенно непонятны». «Что же это за супружеские отношения?» Удайдзин горевал, женщины шептались, и только одно сердце, казалось, знало, отчего не проходит эта болезнь. Причиной была она, Ённокими, ей было горько и стыдно, ей было больно, и оттого, что отец волновался, и оттого, что ее тайный возлюбленный не пылает страстью, как то бывало, словом - ничто не радовало ее.

Записка от Химэгими, разумеется, привела Удайдзина в возбуждение, и он тут же сам развернул ее.

- Выходит, дело и впрямь серьезное! - забыв про свою обиду, Удайдзин заплакал. - Вот ведь, уж и не знаю, отчего он может быть так тяжело болен. По

меркам наступившего упадка он - человек выдающийся, по записке видно, что его одолевают самые мрачные мысли. Но каков почерк, никто с ним не сравнится!

Он снова и снова перечитывал послание.

- Напиши ответ, да так, чтобы он его запомнил, - приказал он Ённокими.

Она робела, но написала очень милый ответ:

Печален этот мир,
Но все ж
И я живу -
Росинка -
Вот уж сколько дней

Записка была очень трогательной, но Химэгими она не взволновала. Он не хотел показывать письмо Сайсё и не давал ему прочесть его. Понимая, что это, должно быть, ответ Ённокими, Сайсё все же отнял письмо, прочел и забеспокоился. Он любил Химэгими, но теперь он покрылся краской и посерьезнел, ощутив, как сильно он привязан и к Ённокими. «И вот такому человеку я доверяюсь, собираюсь переменить себя всю и жить с ним взаперти», - с тоской подумал Химэгими.

Сайсё же пребывал в таком блаженстве, будто собирался прожить десять тысяч лет, он наслаждался с Химэгими днем и ночью до изнеможения, повторяя клятву верности на следующие жизни. Так прошло довольно много дней, и Химэгими собирался уже вернуться домой, но Сайсё печально повторял:

- Стоит тебе оказаться в свете, как ты снова станешь чужой.

И все же продолжаться так до бесконечности не могло, Химэгими заставил Сайсё уйти, а сам, вновь почувствовав себя мужчиной, отправился туда, куда его призывали дела.

14.

Все так и шло, но в десятую луну, когда для Химэгими настало время снова скрыться в «тихой обители», вдруг оказалось, что это вовсе ненужно. Химэгими не мог взять в толк - отчего так, вставал и ложился в беспокойстве. Поскольку на этот раз ему не потребовалось уединяться, он оставался у Удайдзина. Ённокими выглядела необыкновенно благородной и изящной. Поскольку Химэгими находился здесь, Ённокими оставила все другие заботы, она вздыхала и не отходила от него. Смотреть на это было очень трогательно. Считая, что он уже совсем скоро покинет этот мир, Химэгими разговаривал с ней сердечно и ласково, что приводило Удайдзина в радость и умиление, так что он побеспокоился заказать молебны, всеми силами стараясь помочь им.

Ённокими была снова в тяжести. Поскольку со времени первых родов прошло совсем немного времени, она стеснялась своего положения и никому не признавалась.

15.

Поскольку Химэгими так долго находился в доме Удайдзина, Сайсё, который был вынужден скрывать свою связь с обеими возлюбленными, мог бы утешиться, если бы «лишь увидеть ту, что живет в бухте Оёдо, пусть и не говорить»², но понимая, что кругом так много посторонних глаз, он даже не мог написать откровенного письма и мучился от тоски.

Наступила двенадцатая луна. Химэгими не чувствовал себя настолько плохо, чтобы оставаться в постели, но выходил лишь для того, чтобы навестить отца. Он почти перестал есть и сильно похудел, от одного вида мандаринов или апельсинов его тошнило, а отец пребывал в сильном беспокойстве, заказывая все новые и новые молебны. Химэгими в глубине души стал осознавать, что так, наверное, чувствует себя женщина, носящая ребенка, и, похоже, вид Ённокими служил тому подтверждением. Химэгими был несканно расстроен - теперь он знал наверняка, что ему придется бесследно скрыться, он не знал, как ему быть, к тому же не было и человека, с кем бы он мог посоветоваться. Может, открыться родителям? Но это так стыдно. Что они подумают? Или признаться Сайсё, чтобы решить все вместе с ним?

В разлуке с Химэгими любовь Сайсё становилась, между тем, все сильнее, он тосковал и печалился, прятался от людей и чувствовал себя безмерно одиноким. Химэгими находил его жалким, но теперь они были связаны такими прочными нитями, что распрощаться с ним было невозможно. Они встречались в доме на Шестой линии, и хотя Химэгими было неловко открыться, поскольку она привыкла вести себя по-мужски, она сказала, несмотря на стеснение:

- Я всегда испытывала беспокойство по поводу нашей связи, и вот теперь признаюсь: случилось нечто ужасное.

Сайсё был ошеломлен услышанным, заливаясь слезами, он стал говорить о том, как любит ее.

- Раз уж случилось так, сделаем, как я тебе говорил с самого начала - невозможно сопротивляться, когда нашей судьбой повелевает Бог любви. Твой нынешний облик невыносим для нас обоих. Ты ведь знаешь сама: пока мы молоды, нам легко видеться - будь то во дворце, или еще где, но когда мы оба войдем в возраст и станем настоящими сановниками, мы, за исключением особых случаев, не сможем встречаться даже в то время, когда мы оба будем во дворце, и ночных дежурств тоже больше не будет. И дома увидеться будет тоже совершенно невозможно, всегда придется опасаться, что нас заметят, желание видеть друг друга никогда не исполнится, а это все равно, что умереть. Сделай так, как я прошу! Если ты останешься для всех мужчиной, как мы будем жить?! Подумай об этом, - произнес Сайсё.

Химэгими было очень больно - он свыкся с тем, что он такой, как он есть, если же принять женский облик - ведь так не хочется, чтобы узнали о его тай-

²Строки из стихотворения, помещенного в «Иса моногатари».

не! - тогда придется исчезнуть, не сказавшись даже отцу с матерью, а они станут горевать, вот ведь несчастье какое.

- С тех пор, как я осознал свою непохожесть, я твердо решил покинуть этот мир, я остаюсь здесь лишь потому, что родители станут печалиться. Ты сумел понять меня. Мне ужасно жаль, что я не могу распутать этот узел сам, - сказал Химэгими. Он был так пленителен и красив - было просто невозможно представить себе, что он может быть обеспокоен хоть чем-то, но на самом деле он был совершенно потеряян. Закрывшись рукавом, он заплакал.

Было очень странно и непривычно знать, что Химэгими - не мужчина, но поглядеть на него повнимательней - ни в чем не уступит любой красавице с ее распущенными волосами, стелющимися по полу. После того, как Сайсё понял, что имеет дело с женщиной, она стала ему бесконечно дорога и близка.

- Конечно, я понимаю, о чем ты говоришь, но ведь так предначертано самой судьбой, - плача, он стал утешать ее, повторяя, что нужно немедленно принять женский облик и скрыться.

И вправду, думал Химэгими, оставить все, как есть, нельзя, нужно сделать именно так, как говорит Сайсё. В то же время его преследовали образы привычного и столь милого ему мира - воспоминания, которые невозможно избыть. Что до Сайсё, то он льет столько слез, говорит столько слов - видно, что любовь его глубока, - так казалось Химэгими...

Когда Сайсё разлучался с Химэгими, он писал ей множество любовных посланий, но все же он любил не ее одну. Он виделся с Ённокими, не таясь от Химэгими, но он не мог посещать ее открыто и избегал посторонних глаз. Он посещал ее тайно, она была беременна от него уже во второй раз, и это означало, что их связь очень прочна.

«Пусть он без ума от меня. Пусть даже я оставляю все должности и ранги и скроюсь в горах, где затеряется мой след, пусть я откажусь от этого мира, чтобы предаться молитвам о будущей жизни - мне это не горько. Но Сайсё изменчив и непостоянен. Как положиться на него? Жить с ним взаперти - а ведь мне суждено затворничество - быстро наскучит. У него переменчивое сердце, он слишком обольстителен, влюбчив и сластолюбив, сейчас он вроде бы любит меня без памяти, но все же он постоянно бывает вместе с Ённокими, он любит ее всерьез. К тому же теперь он станет думать, что я принадлежу только ему, он успокоится, привыкнет ко мне, и, как водится, настанет время, когда я увижу, что он охладел, и как больно мне будет тогда, каким посмешищем я стану! Мне боязно сделать так, как говорит Сайсё, но сейчас я все равно не могу оставаться в обществе, и мне придется скрыться хотя бы на время» - решил Химэгими.

Ему было печально видаться с родителями, и грустно бывать при дворе; прежде он находил эти встречи такими обыкновенными, но теперь, когда он понимал, что так продлится всего месяц или два, даже

легкое дуновение ветра было ему грустно и бесконечно тоскливо.

16.

Сайсё не догадывался, что у Химэгими на уме - он то полагал, что теперь Химэгими уж точно принадлежит ему и он сможет запереть ее, так что его сердечное волнение несколько улеглось. Ённокими же волновалась и грустила из-за своей новой беременности - даже в обычное время она ни с кем не могла поделиться, а теперь ее положение было так печально, что и рассказать невозможно; ей оставалось только вздыхать.

Не одному

Дала я клятву.

Как печально!

Я холодна, как лед.

Но в чем моя вина?

«Зимней ночью мне так одиноко», - подумала она.

Она ничего не сказала прямо, но когда Сайсё увидел, как она благородна, слаба, красива и обворожительна, он ощутил необычайную любовь к этой женщине, которая уже давно пленила его сердце. Когда Химэгими станет жить с ним, зачем тогда будет скрывать свои отношения с Ённокими? Так, мечтая об обеих женщинах сразу, он разволновался, предвкушая счастье и наслаждение, и, как когда-то принц Гэндзи, оросил слезами оба рукава - так переполняли его чувства. Поскольку ему было обидно, что Ённокими считает его слишком холодным, он шел на всяческие ухищрения, чтобы встретиться с ней.

Химэгими же думал: «Этого и следовало ожидать. Если он так меня огорчает, и вовсе не беспокоится, что из этого может выйти, видно, я его не слишком забочу, да к тому же, кажется, его любовь к ней как-то подозрительно крепнет». Хотя Химэгими был расстроен, но прямо высказать свое неудовольствие он посчитал неприличным и недостойным, поэтому, скрывая беспокойство и приняв безучастный вид, он все продолжал вздыхать и уже не считал, что его настроения могут измениться к лучшему.

(Продолжение следует)

Хинацу Сиродзаэмон Сигэтака

Краткая история воинских искусств Японии
Хонтё бугэй сэдэн

Перевод А.М. Горбылёва

Сайто Хоган Дэнкибо

Сайто Хоган Дэнкибо был родом из провинции Сагами. Он служил Ходзё Удзиясу¹ и носил прозвание Сайто Кимпэй. Позднее он изменил свое прозвание на Дэнкибо. Его отец, некий Сайто (его имя неизвестно), состоял на службе у Удзиясу в качестве кобансю². Кимпэй с младенческих лет полюбил боевые искусства.

Однажды Сайто затворился в храме Цуругаока Хатимангу³. В это время в затворничестве [в этом храме] случилось быть и одному аскету-подвижнику, стремящемуся к обретению сверхъестественного могущества, и Дэнкибо стал с ним беседовать о технике боевого искусства. Их разговор продлился до глубокой ночи, и тогда подвижник напал на Дэнкибо с боевым мечом с тем, чтобы он испытал на себе его искусство и познал его вкус. В результате Дэнкибо безо всяких усилий прозрел чудесную сущность этого искусства. Взошло солнце, совсем рассвело, и подвижник собрался уходить. Дэнки спросил у него: «А как называется твоя школа боевого искусства?» Но подвижник ничего не ответил, лишь указал пальцем на сияющее солнце и ушел, никто не ведает куда. Поскольку Дэнкибо некогда была явлена хорошая примета в вещем сне, он тайно нарек свою школу «Тэн-рю» - «Небесная», а еще «Тэндо-рю» - «Школа небесного пути».

Он отправился в странствия по провинциям, чтобы усовершенствовать свое мастерство, и прибыл в [стольный] град Хэйан. Благодаря своему [выдающемуся] искусству, он был допущен ко двору и пожалован званием «хоган» - «судья». Поэтому он стал называться Хоган Дэнки. Он изготовил себе одеяния из птичьих перьев и стал совсем похож на тэнгу.

Позднее Дэнки отправился в Касима в провинции Хитати. Прибыв в Макабэ, он встретился с Тагая сюри-но дай-

бу Сигэцунэ, хозяином замка Симоцума. Сигэцунэ научился у Дэнки его искусству боя мечом и копьем. Многие князья и рядовые воины приезжали к нему учиться, и Хоган Дэнки процветал.

В это время жил [еще один мастер боевого искусства] по имени Касуми. Это был большой мастер школы Синто-рю, и у него было великое множество учеников. И вот этот Касуми пожелал сразиться с Дэнки на дуэли, и Дэнки согласился. Они бились боевым оружием, и Дэнки убил Касуми. Это разозлило его учеников, и они поклялись отомстить [за своего учителя] и убить Дэнкибо. Дэнкибо ничего не знал об их коварном замысле.

И через несколько дней, когда Дэнки шел по дороге с копьем камайри⁴ в руках в сопровождении одного ученика, к дороге неожиданно сбежалось несколько десятков учеников Касуми, которые быстро окружили Дэнки. Увидев, что бежать не удастся, Дэнки сказал ученику: «К несчастью, [из-за меня] ты угодил в опасное положение. Беги и спасай свою жизнь!» Но ученик не покинул своего наставника, и тогда Дэнки силой заставил его уйти.

У дороги находилась маленькая молеельня, посвященная богу Фудо. Дэнки вошел в нее, и ученики Касуми тут же ее окружили. Эти бандиты начали обстреливать молеельню стрелами. Но Дэнки своим копьем перерубал стрелы в воздухе. После того, как на двор молеельни обрушилось уже несколько десятков стрел, банда, наконец, пошла в атаку, чтобы убить Дэнки. Дэнки выказал великую отвагу, но в конце концов пал мертвым. Невозможно словами описать весь его героизм.

Его гневный дух не рассеялся после его гибели, и на ее месте начали вершиться чудеса. Местные жители стали поклоняться духу Дэнки и построили святилище, которое называли «Святилище судьбы». Это святилище по сей день сохраняется в Макабэ.

Хогэн, родной сын Сайто [Дэнки], унаследовал искусство Дэнки. Это был человек очень проворный и смелый. У Дэн-

Сайто Хоган Дэнкибо

¹ Ходзё Удзиясу (1515-1571) положил конец владычеству дома Уэсуги в Канто и установил в этом регионе власть дома Одавара Ходзё.

² Личный слуга сёгуна или даймё.

³ Святилище в Камакура, посвященное богу Хатиман - покровителю дома Минамото, обожествленному легендарному императору-полководцу Одзин. Издревле было тесно связано с практикой воинских искусств. Даже в наши дни в нем часто проходят показательные выступления различных школ будо, в праздники демонстрируется ритуальная стрельба из лука с коня по мишеням ябусамэ.

⁴ «Копье с серпом» - копье, снабженное дополнительными, помещенными перпендикулярно основному лезвию одним или двумя серповидными лезвиями, затнутыми вверх, вниз или в противоположные стороны.

ки учился также Комацу Итибокусай и достиг мастерства в боевом искусстве. Его традицию унаследовал Цукиока Итиросай. Сайто Усиносукэ и Хитоми Куманосукэ учились у [Сайто] Хогэн и оба овладели техникой боя мечом и копьем.

Усиносукэ жил в Эдо в провинции Мусаси. Он мечтал прославить искусство [Сайто Дэнки] на всю страну и потому позднее отправился в странствия по другим провинциям, и где он умер - неизвестно.

Хинацу Кидзаэмон Сигэеси унаследовал традицию Усиносукэ и прозрел ее утонченно-чудесную сущность. Сигээси происходил из младшей ветви дома Кёгоку из провинции Оми. Его отца звали Таката. Он был хозяином замка Арагамияма, находившегося на севере Оми. Сигээси с малых лет увлекся боевым искусством, достиг успехов и в каллиграфии. Позднее он поступил на службу к Тоётоми Хидэёри. Он покрыл себя славой в сражениях годов Кэйтё и Гэнна [1596-1623]. Позднее Сигээси вернулся в Оми, где и умер в 18-й день 9-го месяца 3-го года Камбун [1663] в возрасте 72 лет.

Сын Хинацу, Ясукэ Ёситада, унаследовал его традицию. Причем Ёситада унаследовал не только традицию своего отца, но и традицию Како Рихэй Масадзанэ, которой он овладел в совершенстве. Он умер в 29-й день 6-го месяца 3-го года Дзёкё [1686], в год хиноэнотора (3-й год Тигра) в местечке Куроока в провинции Тамба в возрасте 62 лет. Ёситада был похоронен в деревне Фуки на горе Тэйрюдзан.

(Гора Тэйрюдзан находится к западу от замка Сасаяма. Надпись на его могильном камне гласит:

Происходя из Минамото из Оми,

Он был велик и вызывал восхищение.

При виде его искусства в фехтовании мечом даже Белая Обезьяна⁵

Устыдилась бы своей неловкости.

Его чудесный фиолетовый дух пронзает небо.

Крошечная частичка его геройского духа

Висит в небе, словно радуга.)

Сайто Ухёэ унаследовал традицию Хитоми Куманосукэ. Он привнес в нее свои разработки и еще более усовершенствовал ее.

Его учениками стало несколько человек, самым выдающимся из которых был Како Рихэй Масадзанэ. Масадзанэ неоднократно сходилась в поединках с крупными мастерами фехтования мечом, но ни один из его противников не смог коснуться даже края его рукава. Вот как утонченно и чудесно было его искусство! Масадзанэ умер в 23-й день 1-го месяца 6-го года Камбун [1666]. По сей день в разных местах есть последователи его школы.

(Некий Хосоно Рокудзаэмон Ёсицугу учился у Масадзанэ и достиг утонченной и чудесной искусности. Он умер в 4-й день 10-го месяца 3-го года Эмпо [1675].)

В «Ходзёки»⁶ говорится: «После того, как сын кобансю Ходзё Удзиясу по имени Сайто Кимпэй овладел многими школами [боевого искусства], в святилище Хатимангу в Камакура ему приснился вещий сон, и он [основал собственную школу, которую] назвал Тэн-рю - «Небесная». После этого он совершил путешествия в край Осю и в провинцию Хитати, взял в ученики Тагая-но Даю из Макабэ, что в Касима. В настоящее время он известен под именем Сайто хоган Дэнкибо».

⁵ Персонаж китайского фольклора, мифическое существо, похожее на тэнгу, мастерски владеющее фехтованием на мечах.

⁶ Известно два текста с таким названием. Здесь имеется в виду «История дома из Одавара» («Одавараки», 1700 г.), посвященная истории дома Го-Ходзё.

⁷ Буддийский монах, живущий в храме при синтоистском святилище.

⁸ Такаяма Содзэй (ум. в 1455 г.), знаменитый поэт рэнга эпо-

Тюдзё Хёгоносукэ

Тюдзё Хёгоносукэ был уроженцем Камакура, что в провинции Сагами, и прихожанином храма Тифукудзи. В то время в Тифукудзи жил монах по имени Дзион. Он пожелал передать Тюдзё свое боевое искусство. Тюдзё был чрезвычайно рад этому, на протяжении многих лет проявлял усердие в изучении боевого искусства и в конце концов овладел его сокровенной сущностью. Позднее он передал это искусство Каи Будзэн-но ками. Охаси Кагэюдзаэмон унаследовал традицию Каи и приобрел большую известность.

Некоторые говорят, что монаха по имени Дзион [божество-ками] одарило чудесным искусством меча во сне, что привиделся ему в пещере Удо на острове Кюсю. В наставлениях [школы] Тода говорится, что Дзион служил синсо⁷.

(Содзэй⁸ пишет: «В провинции Хюга есть пещера Удо - «Дверь большого баклана». В ней обитает божество-ками. Зовут его Удо-гонгэн - Аватара пещеры Удо. Упоминание о нем имеется в «Хатиман хонги»⁹».)

Тода Куроэмон

Тода Куроэмон был вассалом семьи Асакура из провинции Этидзэн. Он учился искусству меча у Охаси Кагэюдзаэмон и овладел им в совершенстве. Его сын, Дзибудзаэмон, унаследовал это фамильное искусство и достиг чрезвычайной ловкости и проворства в исполнении приемов.

У Дзибудзаэмон было два сына. Старшего звали Городзаэмон, младшего - Дзибудзаэмон. Старший сын, Городзаэмон, страдал болезнью глаз и принял монашеский постриг и имя Сэйгэн - «Источник мощи». Поэтому младший сын, Дзибудзаэмон, и стал наследником дома. Дзибудзаэмон достиг больших успехов в овладении фамильным искусством. Он состоял на службе у повелителя Маэда Тосиизэ.

В этот период канцлер Хидэцугу чрезвычайно интересовался искусством боя мечом и копьем. Он пригласил к себе Дзибудзаэмон, изучал технику его школы и щедро награждал его. Прекрасная репутация Тода Дзибудзаэмон известна и по сей день. Его школу называют «Тода-рю» - «Школа наставника Тода».

Тода Этиго-но ками

Тода Этиго-но ками первоначально назывался Ямадзаки Рокудзаэмон. Он учился у Тода Дзибудзаэмон и получил от него традицию Тюдзё-рю.

Предки Ямадзаки принадлежали к семье Сасаки из провинции Оми. Позднее они переехали и осели в Этидзэн, где на протяжении многих поколений служили дому Асакура.

В 12-й год Тэнсё [1584], когда Саса Кураносукэ Наримаса¹⁰ напал на замок Суэмори в провинции Эттю, Рокудзаэмон сражался копьем и отличился в бою. После этого он изменил свое имя на Тода Этиго-но Ками. Он поступил на службу к повелителю Маэда Тосиизэ и получил лен с доходом в 13500 коку риса.

У Тода Дзибудзаэмон была дочь. Он отдал ее замуж за Рокудзаэмон и позволил ему принять фамилию Тода. Так Рокудзаэмон унаследовал традицию школы Тюдзё-рю. Позднее однажды он даже докладывал об искусстве меча по приказу Дайтоку-тайкун (сёгун Токугава Хидэяда), и его имя стало известно во всех четырех морях¹¹.

хи Муромати (1336-1568).

⁹ Сборник преданий и легенд о боге Хатиман, составленный в 1695 г. Кайбара Коко.

¹⁰ Саса Наримаса (1539-1588), вассал и наперсник Ода Нобунага, сражался против дома Асакура в провинции Этидзэн. Был разбит Маэда Тосиизэ и позднее принужден Хидэёси совершить сэппуку.

¹¹ Т.е. во всем мире.

Тода Городзаэмон нюдо Сэйгэн

Тода Городзаэмон нюдо Сэйгэн был сыном Дзибудзаэмон. Он родился в деревне Итидзё дзёкёдзи в поместье Усака в провинции Этидзэн. Хотя он унаследовал фамильное искусство и был весьма хорош в боевом искусстве, из-за болезни глаз он уступил право наследования своему младшему брату Дзибудзаэмон, а сам постригся в монахи и принял имя Сэйгэн.

В 5-й месяц 3-го года Эйроку [1560], в 7-й год Обезьяны канэносару, Сэйгэн отправился в провинцию Мино. В это время в Мино находился некий Умэдзу, уроженец Касима, что в провинции Хитати, большой мастер искусства боя мечом. По приказу повелителя провинции Сайто Ямасиро-но ками Ёситацу¹², в 23-й день 7-го месяца Сэйгэн сразился в поединке с Умэдзу, чтобы выяснить, кто из них сильнее, и победил. Так его славное имя стало известно Поднебесной. Обо всем этом рассказано в дэнсё¹³ [школы] Тода[рю].

Во введении к дэнсё [школы] Тода[рю] под названием «Свиток о дуэли Сэйгэн» говорится: «В середине 5-го месяца 3-го года Эйроку [1560], в 7-й год Обезьяны канэносару, Сэйгэн отправился в провинцию Мино. Тогдашнего повелителя этой провинции звали Сайто Ямасиро-но ками Ёситацу.

В этой провинции фехтование-хэйхо было очень популярно. (В дэнсё [школы] Тода[рю] слово «хэйхо» записано иероглифами «учение о равновесии-гармонии»). Наставником фехтования здесь был Умэдзу из Касима, что в провинции Хитати. Это был известный в Канто мастер школы Синто-рю. Узнав, что в Мино прибыл Сэйгэн, он сказал своим ученикам, что хотел бы встретиться с Сэйгэн, чтобы посмотреть на искусство боя коротким мечом кодати школы Тюдзё-рю¹⁴. Он велел им отправиться к дому, где остановился на постой Сэйгэн, и передать ему его желание. Ученики пошли к дому Сэйгэн и передали ему слова своего наставника, и Сэйгэн отвечал им: «Я всего лишь глупый монах, и мое фехтование еще очень несовершенно, поэтому мне трудно исполнить эту просьбу. Если ваш наставник действительно хочет увидеть технику Тюдзё-рю, ему следует отправиться в провинцию Этидзэн. Кроме того, правила Тюдзё-рю запрещают нам вступать в поединки».

Когда ученики передали Умэдзу ответ Сэйгэн, он сказал: «Мое фехтовальное искусство известно во всем Канто. У меня 36 учеников, и все они стали моими учениками, потому что их мастерство в фехтовании уступает моему. Хотя Фукихара Дайсёки и Мицухаси Кидэн считались замечательными наставниками, они значительно уступали мне в мастерстве. Точно так же и Сэйгэн; хоть он и бахвалится тем, что мастера из Этидзэн очень сильны, но со мной, Умэдзу, ему не

справиться. Никто, даже сам хозяин этой провинции, не сможет так просто отмахнуться от моего вызова на поединок».

Сайто Ёситацу случайно услышал эти хвастливые речи Умэдзу, огорчился из-за того, что Сэйгэн отказался встретиться с Умэдзу в поединке и направил в дом Асакура Дзёдзюбо, где остановился на постой Сэйгэн, двух посланников, Муто Авадзи-но Ками и Ёсивара Идзу-но Ками, чтобы они передали ему, что он желает, чтобы Сэйгэн сразился в поединке с Умэдзу.

(Насколько мне, Хинацу, известно, Асакура Дзёдзюбо был дядей властителя провинции Этидзэн Асакура-доно и монахом. Поскольку в ту пору дом Сайто был на пике своего могущества, он добился, чтобы Асакура-доно отправил Дзёдзюбо на службу в провинцию Мино [в качестве заложника].)

Однако Сэйгэн сказал посланникам, что в Тюдзё-рю соревновательные поединки не признаются, и что ему не нравятся бесполезные поединки.

Видя, что Сэйгэн не собирается соглашаться принять вызов, посланники Сайто удалились восвояси и доложили обо всем Ёситацу. Тогда Ёситацу сказал: «Настрой у Сэйгэн превыше всяких похвал, но если он не накажет Умэдзу за его хвастовство, над ним будут смеяться даже и в других провинциях. Поэтому идите и поговорите с ним еще раз».

Посланники вновь отправились к Сэйгэн и передали ему слова Ёситацу. Сэйгэн выслушал их и сказал, что, коли так, отка-

заться от дуэли ему действительно нет никакой возможности, и что, хоть такие дуэли и нельзя устраивать, потому что они вызывают лишь злобу других, он не может не исполнить приказа повелителя провинции.

Посланцы немедленно вернулись и доложили обо всем Ёситацу, который очень обрадовался и велел подготовить дом Муто Авадзи-но Ками к дуэли, которую он назначил на «час дракона»¹⁵ 23-го дня 7-го месяца.

Сэйгэн попросил, чтобы были назначены секунданты, и Ёситацу назначил секундантами Муто и Ёсивара.

Умэдзу жил в доме Охара, родственника повелителя провинции. Ранним вечером того дня он принял горячую ванну и начал молиться. Когда Сэйгэн узнал об этом, он сказал: «Если человек праведен, ему не нужны моления, чтобы получить преимущество».

В сопровождении четверых или пятерых слуг Дзёдзюбо Сэйгэн отправился в резиденцию Авадзи-но Ками, где в поленице среди неочищенных от коры деревянных чурбаков, приготовленных на продажу, выбрал короткую дубинку длиной около 1 сяку и 2-3 сун (37-40 см) и обмотал ее ручку недубленой кожей.

Тода Городзаэмон нюдо Сэйгэн

¹² Сайто Ёситацу (1527-1561), шурии Нобунага.

¹³ «Книги передачи» - официальные письменные тексты школы, включающие тексты по истории и теории, каталоги приемов и др.

¹⁴ Школа Тюдзё-рю славилась изощренными приемами боя коротким мечом кодати против противника, вооруженного длинным мечом.

¹⁵ Время от 7 до 9 утра.

Что же касается Умэдзу, то он в сопровождении Охара и нескольких десятков учеников тоже отправился в резиденцию Авадзи-но Ками. Он выстругал восьмигранный деревянный меч длиной в 3 сяку и 4 или 5 сун (103-106 см) и принес его в парчовом чехле. Умэдзу выглядел крупнее и выше других людей, и все присутствовавшие решили, что победит непременно он.

Умэдзу сказал секундантам, что хотел бы биться на настоящих мечах. Секунданты сообщили о его просьбе Сэйгэн. И Сэйгэн отвечал, что Умэдзу может использовать настоящий меч, но он будет сражаться деревянным мечом, и тогда Умэдзу тоже решил использовать деревянный меч.

Умэдзу был одет в небесно-голубое шелковое кимоно на вате и хлопчатобумажные брюки-хакама, он занял боевую изготовку со своим здоровенным деревянным мечом у правого бока¹⁶. Выражение лица у него было, словно у дракона, плывущего в облаках, или у тигра, борющегося с ветром. Его глаза сверкали, словно молнии.

Сэйгэн был одет в косодэ ивового цвета и брюки-ханбакама, подрубленные у лодыжек. Поднявшись со своего места, он сошел с веранды. Он стоял со своим деревянным мечом - палкой, выбранной среди дров, совершенно спокойный, и выглядел, словно кот, задремавший под цветком пиона.

В следующее мгновение Сэйгэн что-то крикнул Умэдзу и, бросившись вперед, начал бой. Как ни защищался Умэдзу, он моментально получил удары по голове сбоку и по обеим рукам, на голове у него выступила кровь, и все его тело окрасилось в красный цвет.

Но [одолеть Умэдзу было не так просто], он взял поудобнее свой деревянный меч, замахнулся им и нанес свой удар. Однако Сэйгэн остался совершенно спокойным и ударил Умэдзу по правой руке. После этого удара Умэдзу рухнул перед Сэйгэн, и его здоровенный деревянный меч упал к ногам мастера, он наступил на него ногой, переломил и отбросил от себя. Умэдзу, поднявшись, обнажил короткий меч-вакидзаси, который прятал под одеждой, и попытался нанести им укол Сэйгэн, но Сэйгэн взмахнул своим деревянным мечом и одним ударом сразил Умэдзу.

Тут в бой вмешались секунданты, которые встали между поединщиками. Они подняли Умэдзу с земли и отнесли в резиденцию Муто, оказали ему медицинскую помощь и отправили назад, в дом Охара. Сэйгэн был оставлен в резиденции Авадзи-но Ками, а Муто и Ёсивара отправились к Ёситацу, чтобы показать деревянный меч Сэйгэн и обломок деревянного меча Умэдзу и рассказать о дуэли во всех подробностях. Ёситацу нашел этот поединок великолепным и, чтобы рассказать будущим поколениям о нем, оставил у себя обломок меча Умэдзу, а Сэйгэн послал в дар 10000 штук¹⁷ ткани с рисунком «гусиный глаз» и косодэ.

Но Сэйгэн сказал, что в школе Тюдзё-рю подобные дуэли запрещены, и что он согласился сражаться только потому, что не мог не исполнить приказ повелителя провинции, но теперь он не может принять этих подарков, и отослал их обратно. Ёситацу еще трижды отправлял своих посланников с дарами, но Сэйгэн так и не согласился принять их. Тогда Ёситацу, на которого воля Сэйгэн произвела большое впечатление, отправил к нему посланника с приказом передать ему, что он желает лично повидаться с мастером, но Сэйгэн отказался и не явился в его резиденцию.

Зная, что, если он останется в Мино, ученики Умэдзу постараются ему отомстить, на следующее утро Сэйгэн отбыл в Этидзэн.

(Согласно той версии истории дуэли между Сэйгэн и Умэдзу, что передают из уста в уста в народе, дело было во

время странствий Сэйгэн, когда он, прибыв в Киото, остановился в Куротани. В это время в Куротани явился фехтовальщик по имени Умэдзу. Встретившись с Сэйгэн, он заявил, что от техники боя коротким мечом кодати школы Тода-рю нет никакого проку. На это Сэйгэн отвечал, что победа в фехтовальном поединке не зависит от длины оружия, и что тот, кто утверждает, будто в поединке всегда берет вверх более длинный меч, - лжец. Умэдзу разгневался и бросил Сэйгэн вызов на дуэль: «Раз так, давай, разрешим наш спор в поединке!» - сказал он. Сэйгэн не мог отказаться и попросил секундантов назначить день поединка, а сам отправил учеников найти для него неочищенную от коры палку длиной в 1 сяку и 4 или 5 сун (43-46 см), [чтобы использовать ее в качестве деревянного меча], обмотал ее кожей и взял с собой.

В день дуэли Умэдзу явился на ее место в сопровождении множества учеников, принес с собой здоровенный деревянный меч длиной в 3 сяку и 4 или 5 сун (103-106 см). Умэдзу пришел раньше Сэйгэн и, чтобы продемонстрировать собравшимся свою силу, стал рубить воздух своим деревянным мечом.

У Сэйгэн же учеников не было, и когда он пришел, выглядел он уныло со своим поленом [вместо меча], но сказал секундантам, что готов к поединку. Секунданты передали его слова Умэдзу, [и бой начался].

Умэдзу отвел свой здоровенный деревянный меч в сторону и нанес Сэйгэн один-единственный удар. Сэйгэн уклонился от него и изо всей силы ударил Умэдзу между глаз, и его лоб покрылся кровью.

Секунданты объявили, что Сэйгэн победил. Но Умэдзу [стал протестовать], сказав, что он поразил Сэйгэн первым. На это Сэйгэн отвечал: «Ты даже не задел меня. Я победил чисто!» После этого Сэйгэн быстро вернулся на свой постоялый двор и принял ванну.

Через некоторое время на постоялый двор явились секунданты. Они объяснили, что пришли, потому что Умэдзу сказал им, что в том месте на теле Сэйгэн, куда он нанес удар кончиком меча, должен был остаться синяк, [и что хотели бы осмотреть тело Сэйгэн]. На это Сэйгэн отвечал: «По счастью я как раз принял ванну. Так что проходите в комнату и осмотрите мое тело!» Секунданты осмотрели его, но никакого синяка не нашли и потому объявили Сэйгэн победителем.

В действительности же деревянный меч Умэдзу поразил левую руку Сэйгэн с тыльной стороны, и в том месте у него был черный синяк. И когда секунданты пришли к нему, он прикрыл правой рукой это место на тыльной стороне левой и после этого попросил осмотреть его.

Одни рассказывают, что Сэйгэн сражался поленом с неободранной корой, другие - железным веером тэссэн, но это противоречит сообщению дэнсё. Хотя определить, где истина, а где ложь очень трудно, думаю, истинная версия содержится в дэнсё.

Наконец, еще одна версия гласит, что Сэйгэн был [не старшим, а] вторым сыном Тода Этиго[-но Ками]. А еще рассказывают, что Сэйгэн желал, чтобы отец передал ему сокровенные секреты школы Тода-рю, но отец не дал на это согласия, и потому Сэйгэн обиделся, бежал из дому и отправился в странствие по провинциям, чтобы овладеть фехтованием. Но это неправда. Сэйгэн был старшим братом Дзибудзаэмон, тестя Этиго[-но Ками], и первоначально звался Городзаэмон. Из-за болезни глаз он постригся в монахи и принял новое имя Сэйгэн. Правильной нужно считать ту версию, которая изложена в дэнсё.)

¹⁶ В тексте использовано выражение «митиваки» - букв. «у правого бока», обозначающее боевую изготовку с выдвинутой вперед левой ногой и мечом, отведенным к правому боку кончиком к земле.

¹⁷ Хики - мера измерения длины тканей, равная 21,2 метра.

Александр Мещеряков

Суси: поэма цивилизации, построенной на рисе и рыбных костях

Бум японской кухни в Москве. Десятки ресторанов и баров, в которых вас угостят теми блюдами, которые любят японцы уже многие столетия. И всюду вам предложат фирменное японское блюдо. В России его знают как суши. Звучит как повелительное наклонение глагола. Типа: «Ешь!». Японцы же называют его как бы немного по-французски - суси. В очень вольном переводе - «кушать подано».

Но это так, лингвистические шуточки. А вот что нужно действительно запомнить гурману, чтобы прослыть знатоком и наслаждаться этим блюдом не просто так, а со смыслом?

Суси состоит из двух главных компонентов, без которых японская цивилизация была бы невозможна. Речь идет о рисе и рыбе. Рис - вареный, рыба - сырая. Рис (без всякого добавления соли!) варится «на пару», потом в него добавляется чуть подслащенный уксус. Это делается не только для вкуса, но и для консервации: суси появились еще в те времена, когда никаких холодильников и в помине не было.

Разновидностей риса в мире - очень много (больше ста тысяч!). Но подразделяются они на три главных вида: индийский, яванский и японский. Зерна индийского риса - продолговатые, «длинненькие», при варке не слипаются. Плов из него выходит просто замечательный. Родина второго - Ява, зерна у него продолговатые и уплощенные. Вроде бы вкусные, но японцам тоже не подходят. Для готовки японских блюд употребляется только рис, выращенный в самой Японии. Он так и называется - *ярописа*: короткие зерна, которые при варке умеренно слипаются. Поэтому-то их так удобно брать палочками или же лепить из них «колобки».

Япония - это единственная страна в мире, которая создала развитую государственность и высокую культуру, не прибегая к помощи животноводства. Поразительное дело! Наша цивилизация выстроена на животном белке, который она добывала, по преимуществу, из млекопитающих. Но Тихий Океан и моря, окружающие Японский архипелаг, обладают такими богатыми и легкодоступными запасами рыбы, что животный белок японцы предпочитали получать из «даров моря», а не из крупного или мелкого рогатого скота или же свиней.

Ввиду того, что в непосредственной близости от архипелага встречаются теплые и холодные морские течения, это создает самые благоприятные условия для размножения планктона и воспроизведения рыбных запасов. В настоящее время в прибрежных водах архипелага обитает 3492 вида рыб, моллюсков и морских животных (в Средиземном море - 1322, у западного побережья Северной Америки - 1744). Подавляющее большинство их концентрируется в районе Рюкю, однако наиболее продуктивные виды добываются на Хонсю и Хоккайдо. Весьма важным фактором, с точки зрения добычи пищевых ресурсов, было наличие богатейших запасов кеты и горбуши, поднимающихся на нерест в материковые (островные) реки северо-восточного Хонсю и Хоккайдо. До самого недавнего исторического времени эти морские белковые запасы можно было считать поистине неисчерпаемыми.

И поэтому животноводство, которое требует огромных

пастбищных угодий, было японцами отвергнуто из соображений экономии хозяйственных сил: около 75 процентов территории архипелага составляют горы. Будучи сравнительно невысокими, они настолько круты и лесисты (для своего широтного пояса японская флора - рекордсмен по скорости вегетации), что сопротивляются усилиям человека по их освоению чересчур сильно. Так получилось, что обитатели традиционной Японии не знали вкуса молока и сыра, говядины и баранины. И потому расхожее представление о похожести японцев и англичан вряд ли можно считать до конца верным: цивилизация Англии выросла на костях коров и овец, а японская - на костях рыбных. К тому же продуктивность заливного рисосеяния намного выше, чем урожайность пшеницы (сейчас средним урожаем составляет 60-70 центнеров с гектара). Недаром численность населения Японии всегда значительно превышала численность населения Англии, а в настоящее время только чуть-чуть уступает России, несмотря на то, что площадь архипелага меньше российской в 40 раз.

Соединив в одном блюде рис и рыбу, японцы соединили два своих основных пищевых ресурса. Поэтому суси в Японии сравнительно недороги. Даже сейчас, когда рыбы стало намного меньше. Это связано не только с тем, что 130 миллионов японцев стало труднее прокормить, чем раньше, но и с тем, что промышленные выбросы сильно испортили близлежащее морское пространство.

Суси бывают разные. Наиболее распространенный вид - *нигиридзуси*. На слегка вытянутый рисовый колобок кладется немного зеленого хрена *васаби*, поверх - кусочек сырой рыбы, креветки, осьминога, моллюска. Наверх можно сделать и из икры (горбуши или морского ежа). Бывает еще и *омлет*, и тогда это сооружение обматывается ленточкой из сушеных водорослей (такой колобок отправляют в рот без всяких лишних манипуляций). Если же никакой ленточки не положено (а таких *нигиридзуси* - подавляющее большинство), то следует взять колобок палочками, обмакнуть верхнюю его часть в соевый соус и отправить в рот целиком. Размеры суси и рта это позволяют.

Другой распространенный вид суси называется *макидзуси* - «суси с обмоткой». Это кусочек цилиндрической «колбаски». Сделана она из риса, обмотана водорослями, в середину положен или кусочек рыбы или грибочка или просто огурца. Ввиду своей дешевизны (наполнителя там довольно мало) *макидзуси* - любимый «сухой обед» японцев.

Суси - вещь не только изумительно вкусная, но и так же изумительно полезная. Посудите сами: полный набор микроэлементов из сырой рыбы, водорослей и соевого соуса. И при этом никаких жиров! Раньше у японцев атеросклероза и ожирения практически не встречалось. Теперь же многим представителям молодого поколения, приохотившегося к сладким булочкам и котлетам, носить себя стало тяжело. Да, какой-нибудь гамбургер (самый дешевый стоит теперь 50 йен) сильно дешевле стандартного набора суси, который продается в коробочке для обеденного перекуса (600-700 йен). Но только стоит помнить: платишь деньгами, а расплачиваешься здоровьем.

Наталья Ганаль-Сердюкова

Суси: поэма цвета и первоэлементов

Выбирая «героя» для своего эссе, я некоторое время колебалась между японской гравюрой и японским столом, вызывающими у меня похожие переживания. Наконец, я остановилась на пище, как на менее обязывающем (на первый взгляд) объекте. Надо сказать, что и то и другое - и гравюра и суси - «происходит» для меня в полной тишине - я не владею языком для чтения японской культуры. Слова не звучат у меня в ушах, а шрифт линий, фигур, надписей, приборов на столе не предлагает мне готового текста: удовольствие от японских вещей - по преимуществу визуальное. Так (подумала я, оказавшись в Париже), Версаль или Нотр Дам, представляющий для меня толстую книгу, плотную систему знаков и символов, для японцев, невинно фотографировавшихся на фоне витражной Розы, выступал чисто визуальным чудом. Так и я: заморожено смотрела и не понимала суси - и это было одним из главных первых впечатлений.

Сначала принесли маленькие тарелочки с нарезанными кусочками овощей - морковь, огурец, какой-то неведомый сорт капусты. Тарелку с супом. Тарелочку с имбирем. Соус. Специи. Рис. Шпажки с мясом курицы. И, наконец, суси - маленькие произведения ювелирного искусства: в темной раме из морской капусты сидели камни из белоснежного риса, со вставками из рубина и агата, коралловые подвески из креветок, сердоликовые броши лосося, какие-то агатовые и фарфоровые вещи - тунец и окунь. Несколько представленных на блюде драгоценных объектов.

Каждое лежит на белой пустоте тарелки на расстоянии достаточном, чтобы восприниматься отдельно в своем эстетическом бытии, окруженное полем пустоты - уже не имеет значения какого размера - три сантиметра или три километра - так же дискретно и самоценно существуют линии и фигуры в японских гравюрах. Эти визуальные единицы могут складываться в узор, в остающийся для меня непрочитанным шрифт из пестрых иероглифов на белом поле тарелки, в прекрасную картину с благородной композицией с фигурами ясных форм и ярких, чистых, как и в гравюре, цветов - красных, белых, розовых, имеющих тонкий темный контур.

Что значит эта кропотливая работа, эта искусная имитация некоей несуществующей природной формы? Разве сравнишь ее с нашим надуманным, вычурным кулинарным дизайном, украшательством поверх готовой пищи, тщетно пытающимся внести в нее структуру, утраченную в процессе готовки? Суси - тоже симуляция некоей природной формы, но настолько гениально естественная и совершенная, что напоминает скорее обработку и оправку драгоценных камней и раковин.

И, действительно, субстанция пищи выступает здесь драгоценной, превращая еду в церемонию дегустации, где каждый элемент прекрасен, каждый нужно попробовать в его сущности, в природной данности: все сохраняет свой подлинный вкус и цвет: рыба - красная, белая и

бордовая, сырая, с ничем не нарушенным вкусом; рис - вареный, мраморно-белый, чистый, без добавок, обрамленный темной зеленью морской капусты, оранжевые и зеленые овощи не смешаны в салате и не залиты соусом. Выставка прекрасных и уникальных природных первоэлементов.

Сохранить пищу в ее природной аутентичности - цвете, фактуре, вкусе, не разрушить и не смешать ее - сознательная стратегия японцев. Это особенно заметно по сравнению с китайской или тайской кухней, где все смешано в одном котле: рис, мясо, соя, овощи, залитые сладко-кислым соусом, придающим одинаковый вкус всем блюдам, независимо от того, утка, свинина или креветки у тебя в тарелке. Здесь же надо пробовать каждый элемент в отдельности, а для стерильности эксперимента имеется имбирь, чтобы стереть предыдущий вкус. Имбирь окружает пустотой каждый отдельный кусочек пищи, окруженный до этого белизной блюда. Можно самому составлять композицию - соединять компоненты, брать пищу в желаемом порядке, окуная в те или иные специи. Палочки - изысканный и сложный в употреблении инструмент не способствуют смешиванию и быстрому поглощению, ими берут суси, как пинцетом берут бриллианты, чтобы поближе их рассмотреть. Еда превращается в некую художественную деятельность, созерцание и варьирование драгоценных элементов реальности.

И, вместе с тем, то, что здесь представлено - это не рыба - у нее нет ни головы, ни хвоста, ни чешуи, у креветки нет скорлупы; это не морковь, не огурец, не курица - это кусочки «плоти» моркови, курицы или огурца, одна лишь субстанция, образец вещества. При этом каждая субстанция образует в суси новую природную форму, как будто ее создатель специально изымает элементы из первоначальных очертаний, чтобы создать другие вещества. Это не поверхностное украшение готовой пищи, как майонезные полоски и яичные глазки на русской жареной рыбе, это заново создаваемая из чистых первокомпонентов вещь, кажущаяся каким-то небывалым видом животного или цветка. Все разнообразные произведения суси похожи в том, что каждое произведение несет в себе некий честный и истинный первообраз.

Суси - это чудесные маленькие скульптуры, имеющие собственные имена, не случайные, а всегда узнаваемые - как цветы, раковины, бабочки или произведения искусства. Можно позвать по имени 10-12 из них, и они придут, родятся, повинуются неизвестному генетическому коду, разместятся на блюде, исполненные достоинства, как шахматные фигуры на доске или алмазы в футляре, составят строгую, но живописную картину или непонятную надпись из чужих знаков, и ничем, кроме своего «живого» вкуса, не напомнят о своей прежней жизни, о жизни рыбы в море.

После всего этого - белое мокрое полотенце, стирающее пищу с рук, следы ее присутствия...

Григорий Куликов

Поехали в Японию!

Хотелось бы вам поехать в Японию? И стоит ли? Безусловно стоит, и недешево. Каламбур напрашивается сам собой. Города Токио и Осака уверенно занимают первые места в мире по дороговизне жизни. Однако - вот парадокс! - рестораны в Японии дешевле московских - как с японской кухней, так и с не-японской. Очевидно поэтому японцы чаще нас с вами ужинают вне дома. Дома, конечно, все равно вкуснее. Многочисленные телепрограммы для домохозяек этому также способствуют. Если вам нравится японская еда, то стоит съездить хотя-бы на недельку. Чтобы потом захотелось съездить еще раз. Если не очень нравится... Один мой знакомый - директор нефтеперерабатывающего завода - признался, что он ест сырую рыбу для того, чтобы «в случае чего» быть готовым питаться «без огня».

С чего начинается театр? Известное дело - с вешалки. С чего начинается Родина? Множество вариантов, обращайтесь к известной песне... С чего начинается Япония? Кто-то подумает - с суши, с сашими. Настоящего япониста при этом передернет - правильно говорить суси и сасими, это неграмотные американцы внесли шепелявость. Кто-то представит себе домашний кинотеатр фирмы Сони, кто-то девушку в кимоно, кто-то сурового самурая. Детишки напомним о черепашках-ниндзя, о покемонах, о видеоприставках, об оригами. В любом случае, Япония обязательно вызовет какие-либо ассоциации в уме любого нашего гражданина. Так почему же туда не поехать и не увидеть ее собственными глазами?

Предположим, так совпало, что на смену привычной жизненной модели «время - деньги» пришла белая полоса, когда «и время есть, и деньги». И тут вам пришла мысль: «А не махнуть ли в страну, где никогда не был(а)?». Что есть интересного в Японии? Что выбрать из экскурсий, чтобы не пожалеть о поездке? Давайте разберем существующие групповые туры детально.

«Десять человек - десять цветов», - гласит японская пословица. Экскурсии стандартные, а вкусы у всех разные. Можно сходить в знаменитейший театр «Кабуки». Спектакли весьма своеобразны, к тому же без русского перевода. Труппа театра уже несколько раз была в Москве, кто-то уже побывал на спектаклях. Очевидно, что это удовольствие должно предоставляться в свободный день индивидуально.

Поездка в Камакура (полтора часа от Токио). В этом городе с 1192 по 1333 год находилась ставка военного правителя Японии - сёгуна. Именно в это время зарождается кодекс самурайской чести - «бусидо». Так что если вы всерьез увлечены историей боевых искусств Японии, то Камакура - для вас. К сожалению, стандартная экскурсионная программа не даст возможности детально ознакомиться с этой стороной японской уникальности. Зато для женщин может быть интересен женский монастырь Токэйдзи: в старину от домашних неурядиц жены получали развод, перебросив сандалии через стену монастыря. Правда, после этого надо было провести в монастыре три года. В Камакура находится огромная бронзовая статуя Будды, воздвигнутая в 1252 г. За 20 йен вам позволят войти внутрь статуи. Войдите, это полезно - внутри пусто, можно помедитировать. В Камакура красиво, но если ранее Вы побывали в Киото, в Камакура вам будет уже не так интересно.

Поездка в Национальный парк Никко (2-2.5 ч. от Токио). В Никко ярко проявилось слияние традиционной религии Японии синто и пришедшего из Китая и Кореи буддизма. Главный постулат такого верования состоял в том, что Будда явился японскому народу в обличье синтоистских божеств. В Никко - более 50 храмов. В них почитается либо сам Будда, либо его японские воплощения. Один из величайших правителей средневековой Японии и основатель Токио сёгун Токугава Иэясу (1543-1616) похоронен в Никко. Красивейшие храмы Риннодзи и Тосёгу являются шедеврами японского зодчества. Издавна японцы говорили: «Кто не был в Никко, тот не видел в своей жизни ничего». В Никко есть и развлекательный комплекс Эдо-но мура, который погружает Вас в атмосферу средневековой Японии, на улицах идут бои мечами, по крышам бегают ниндзя. Уверю - дети будут в восторге.

Поездка в Национальный парк Хаконэ (2 ч. от Токио). В экскурсию входит поездка к горе Фудзияма, круиз по озеру Аси и долина гейзеров Овакудани. Все зависит от погоды, будет облачно - Фудзи не увидите. Пройтись по деревянному мосту над дымящимися гейзерами захватывающе, но не более. В Хаконэ также есть красивые храмовые постройки и ландшафтные сады, но это все-таки не Киото.

Поездка в Киото (2,5 часа от Токио на скоростном

Путешествия

поезде Синкансэн). Город Киото был заложен в 794 г. по образцу китайской столицы и первоначально назывался Хэйан (столица мира и спокойствия). На протяжении более 1000 лет Киото оставался императорской резиденцией. Киото был не только административной, но и культурной столицей Японии. Были у города и периоды упадка, но для потомков остались замечательные памятники. Императорский дворец, замок Нидзё, построенный домом Токугава, Золотой и Серебряные павильоны, Храм Чистой воды, сад камней Рёандзи, великолепные сады, представляющие основные школы японского ландшафтного дизайна - всё это в Киото. Несомненно, экскурсия в Киото - главное событие туристической поездки в Японию.

Поездка в Осака (50 мин. от Киото). Осака - столица якудза, японской мафии. Тем не менее, здесь более жесткий контроль за традиционными для мафии сферами бизнеса, чем в Токио. Развлекательные центры в Осака - Умэда и Синсайбаси. Основная достопримечательность - средневековый замок-крепость Осака-дзё. Там даже лифт внутри есть. Современный, конечно. В Осака люди поприветливее, чем в Токио, да и сам город поинтереснее. В Осака хорошо пожить какое-то время, повеселиться.

Поездка в Нара (1 час от Киото). Город Нара - старая столица Японии, где с 710 по 784 год находилась резиденция императора. Многие памятники того времени сохранились до наших дней. В Нара находится одна из старейших сохранившихся в мире деревянных построек - монастырь Хорюдзи. Зал Большого Будды в храме Тодайдзи - крупнейшая в мире деревянная постройка. Парковый комплекс Нара знаменит ручными оленями, которых с удовольствием кормят как японцы, так и иностранные туристы. Оленей очень много, они требовательно тычутся в вас своими мордочками, так что лучше запастись продающимся тут же кормом.

Экскурсия по Токио. Токио можно назвать «большим муравейником». Чтобы в выходные поиграть в боулинг или сходить в модный ресторан надо подождать час-два. Развлекательные центры - Кабуки-тё в Синдзюку и Роппонги. Там вас замучают негры, приглашающие в стрип-бары или девушки, завлекающие в бары с хостес (побеседуете час-два с милыми девушками, выпьете с ними виски, выложите долларов 300). Часа в 2-3 ночи бродят пьяные (им много не надо) японцы, на тротуарах спят подозрительные личности, но все очень спокойно. Токио может вам не понравиться - и людей много, и воздух тяжелый. Из достопримечательностей выделим храм богини милосердия Каннон в Асакуса (Сэнсодзи), заложенный в 645 г. и синтоистский храм Мэйдзи (1920), где покоится дух императора Мэйдзи. Токио горел много раз - мало что осталось в первоначальном виде.

Мы не успели рассказать о Хоккайдо, Кюсю, Окинаве и о многом другом. Да и прожив в Японии лет

десять, все равно останется чувство, как мало ты видел. Поэтому мы и не стремились рассказать вам о Японии все. Наша задача состояла в том, чтобы приоткрыть завесу и направить Вас в нужное и полезное русло. Один из принципов японского менеджмента гласит: не продавайте потребителю товар, который их привлекает, продавайте товар, который будет им полезен. Мы также исходим из этого принципа - поездка в Японию безусловно будет вам полезна. А наша задача - совместить полезное с приятным.

Компания «Сакура-Трэвел» впервые в истории туризма из России в Японию предлагает с осени этого года тематические поездки под общим названием «камикадзе-туры со счастливым исходом». Среди них следующие программы - «Гурман-сан» для ценителей японской еды (вы попробуете рыбу фугу, неправильное приготовление которой приводит к летальному исходу), «По следам ниндзя» - для почитателей боевых искусств, и «Ханами» - для любителей фестивалей цветов и ландшафтных садов (город Киото поразит Вас своей осенней красотой, в городе Осака вы увидите скульптуры женщин, одетых в кимоно из живых хризантем).

Классические туры «Древние столицы» и «Традиции и современность» будут интересны и взрослым, и детям. Наши собственные гиды будут с вами не только в стандартное для экскурсионных программ время, но и вечером, когда делать уже, кажется, нечего.

Счастливые

SAKURA 桜 TRAVEL
САКУРА 桜 ТРЭВЕЛ

Отдых на о. Окинава

Камикадзе-туры со счастливым исходом

Экскурсии • выставки • бизнес • образование

А также:

ИСПАНИЯ
ХОРВАТИЯ
БОЛГАРИЯ

КИПР
ТУРЦИЯ
ЧЕХИЯ

№ "Проект Мир", ул. Гагаринского, д. 87, оф. 503
Тел.: 281-18-81, 281-50-06, 281-22-28
Email: sakura-travel.ru Internet: www.sakura-travel.ru

Евгения Сахарова

При свете светлячков и снега

Японская библиотека

И снова речь о заметках наших соотечественников, волею судеб заброшенных в Японию и написавших о ней. Обе книги принадлежат перу ученых - палеоботаника Павла Тарасова и географа и полярника Игоря Зотикова. Одна - только что вышла, другая - «постарше», но для меня она тоже была новой. При нынешнем малотиражье за всем не уследишь...

Всего вместе с уже отрецензированными книгами «Мещеряков@Япония.Ru», «Жапоналия» и «Только моя Япония» Д.Пригова за последнее время вышло, уже по крайней мере пять художественно-документальных книг о Японии. Авторы самые разные: японисты, палеоботаник, художник, полярник. Чем-то, значит, «цепляет» Япония русского человека. Да так, что приходится делать в ее сторону литературные поклоны. Видимо, есть у японцев что-то, чего нам так не достает... И, может быть, с этого начинается любовь к этой стране. И боль (с любовью пополам) за свою. Не потому ли все эти книги объединяет безусловная искренность?

Павел Тарасов. Гохан. Спб., «Гиперион», 2002.

Автор - исследователь древней цветочной пыльцы - год провел в японском исследовательском институте. Более или менее случайно оказавшись в Японии, Павел Тарасов, не мудрствуя лукаво полюбил эту страну и щедро делится своей любовью с нами. Чтение этой книги напоминает встречу с добрым знакомым. Потому что нет в

ней ни озлобленности, ни столь модной нынче «чернухи», а есть искренность, любовь и дружба... Любительские фото напоминают просмотр фотоальбома с друзьями, вернувшимися из отпуска. Да и предисловие автора другой книги о России и Японии («Мещеряков@Япония. Ru») А.Н Мещерякова заранее настраивает на дружеский лад. И эта доброжелательно-дружественная атмосфера не оставляет до самой последней страницы.

Недавно вышли две книги-мистификации Рубоко Шо, уже упоминавшегося в нашей рубрике. Тираж книг раз от раза растет, а так как мистификация очень грамотная и качественная, думаю, рано или поздно мне доведется встретиться с разыгранным и замороченным читателем, всерьез поверившим, что в сред-

невековой Японии был такой жанр - эротическая танка. Впрочем, у неизвестного нам мистификатора наблюдаются и признаки творческого кризиса.

Рубоко Шо. Эротические танки. Пер. со старояпонского Виктора Пеленягрэ, М., «Эксмо-пресс», 2002.

Изящная пародия-мистификация, стихи действительно эротичные, не лишённые самостоятельного художественного значения. Книга украшена иллюстрациями, балансирующими, как и сами стихи, где-то на грани эротики и порнографии, но в целом представляет собой

изящную и умелую литературную игру.

Приведем одно из стихотворений, оставив воображению читателя нарисовать иллюстрацию к нему.

*О, пара ночных мотыльков,
В любовной истоме...
Хаги в полном цвету.
Вместе с одеждой
Ты сбросила стыд...*

Рубоко Шо. Обитель ста наслаждений. Перевод Питера Энгра. М., «Вагриус», 2001.

В этой книге каждое из стихотворений сопровождается обширным комментарием. Таким образом, объектом мистификации помимо поэзии, становится профессиональное комментирование древних и средневековых японских текстов. Но, увы, все силы мистификатор отдал комментариям, стихи играют лишь подчиненную роль. А читать комментарии, пусть и остроумные, быстро надоедает.

Список литературы, приводимый в конце книги также полон мистификаций. Например, под номе-

Фонарь

ром 65 значится: Штокайло В.Э., Ханин З.Я. Половые пристрастия японских париев. Для справки: З.Я Ханину принадлежит авторство книги «Социальные группы японских париев».

В полной мере оценить эту книгу смогут лишь востоковеды или, как минимум, студенты-японисты...Таковых, конечно, вряд ли наберется десять тысяч (именно таким тиражом объявлена книга). Остается думать, что в значительной мере книга адресована совершенно случайному читателю, или же выходные данные - все лишь еще одна мистификация...

Джоан Стэнли-Бейкер. Искусство Японии. «Слово», 2002.

Перевод на русский язык книги английской исследовательницы, впервые опубликованной в 1984 году. Японское искусство рассматривается с древнейших времен до 70-80-х гг. XX века. Книга носит описательно-созерцательный характер, столько частый в

публикациях по искусству, исследование нередко подменяется чисто эстетическими впечатлениями автора. Есть неточности и ошибки, частью самого автора, частью переводчика (или редактора). На с. 31 сказано, что со времени правления Тэмму (672-686) святилище Исэ перестраивается каждые 20 лет, между тем такая периодичность перестроек в эпоху междоусобиц не всегда соблюдалась; женское божество пици Тоёукэ-но ооками, почитаемое во внешнем святилище Исэ, автор считает мужским (с. 32). На с. 50 говорится, что созданное по указу Тайхо-рё (видимо, имеется ввиду законодательный свод «Тайхорицурё», 701-702 гг.) управление живописи подчинялось министерству иностранных дел. Такого министерства в системе административного деления не существовало (был отдел по делам буддизма и чужестранцев), управление же живописи подчинялось министерству центральных дел. Ошибки переводчика (или же редактора) обусловлены тем, что он просто незнаком с некоторыми терминами: наследственные корпорации ремесленников древней Японии названы «би» вместо «бэ» - явно неверная передача английского варианта этого термина - «бе» (с.34). Есть также ошибки и в именах японских императоров: Сиракава (1053-1129) ошибочно назван Сирикава, а Го-Сиракава (1127-1192) - Го-Сирикава.

Книга богата иллюстрирована. Вряд ли она удовлетворит специалистов-японистов или профессиональных искусствоведов, но для любителей она может оказаться полезной.

Синто - путь японских богов. Очерки по истории синто. Спб., «Гиперион», 2002.

Выход этого двухтомника без преувеличения можно назвать событием. Это настоящее научное издание, выполненное на мировом уровне. В первый том включены исследования ведущих российских японистов (А.Н. Мещеряков, Л.М. Ермакова, Е.К. Симонова-Гудзенко, М.В. Грачев, Е.М. Дьяконова, Г.Е. Комаровский, Т.П. Григорьева, Г.Б. Навлицкая и др.), посвященные самым разным аспектам синтоизма (государственный синто, синтоистские праздники, храмовая архитектура, догматика, ритуал, эстетические основы синто и многое другое) с древности до наших дней.

Во второй том вошли комментированные переводы текстов, часть из которых уже издавалась (фрагменты «Кодзики» и «Нихон сёки», сэммё и норито, «Тама кусигэ - драгоценная шкатулка для гребней» Мотоори Норинага, 1730-1801), некоторые стихи поэтической антологии «Манъёсю» (VIII в.), но не в привычном переводе А.Е. Глускиной, а в переводе А.Н. Мещерякова. Часть текстов издается на русском впервые («Дзинносётоки» Китабатакэ Тикафуса, 1293-1354), фрагменты «Основных принципов кокутай» (1937 г.) - изложение официальной идеологической доктрины периода «японского фашизма». Некоторые же источники никогда прежде не были доступны ни на каком языке, кроме японского: заключительный свиток «Сэндай кудзи хонги» («Основные записи о деяниях прошлых лет»), «Синсэн сёдзироку («Вновь составленные списки родов», 815 г.)», «Житие Ямато-хилэн-но микото» - памятник эпохи Камакура (1185-1333), фрагменты «Сёдзан Энги - Сказания о горах» (конец XII - начало XIII вв.), частичный перевод трактата «Истинный священный столп духа» Хирата Ацутанэ (1776-1843), трактат «Душа бога Наоби» Мотоори Норинага. Тексты, как видим, очень разнообразные - от мифологии и ритуальных молитвословий норито до официальной пропаганды XX столетия («Основные принципы кокутай»).

Хотя двухтомник - издание, прежде всего, научное, доступность изложения и высокий уровень комментирования делают его интересным и для неспециалистов.

Книги на рецензию просим направлять по адресу: Москва, Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41. Иванову Андрею Леонидовичу.

Читайте в следующем номере

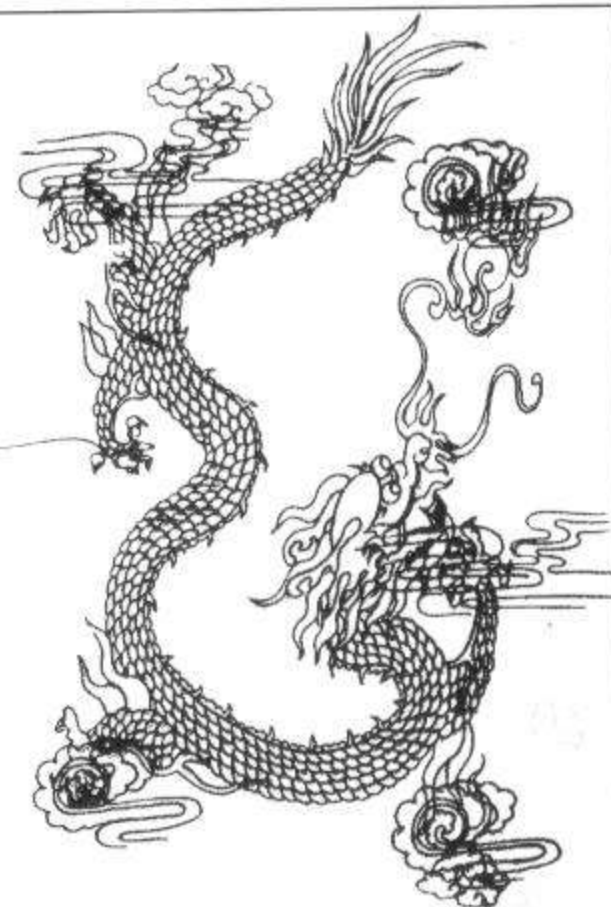
Астрология в традиционной Японии
Япония XVI века и христианская Европа
Нагота в японской культуре
Трубы, извергающие огонь. Самурайское искусство применения огнестрельного оружия
Константин Симонов о сукияки
Ориентационная система Древней Японии

ЗНАМЕНИТЫЕ ЧАИ КИТАЯ

МОСКВА, УЛ. ПОКРОВКА Д. 41, МАГАЗИН «БУДО-СПОРТ»

ПОНЕДЕЛЬНИК-ПЯТНИЦА: 11:00 - 20:00, СУББОТА-ВОСКРЕСЕНИЕ: 11:00-18:00

№	ИМЯ ЧАЯ	ВЕС (КГ)	ЦЕНА (РУБ.)
ТАЙВАНЬСКИЕ У-ЛУНЫ			
1	Сы Цзи Чунь («Весна»)	0,100	480
2	Шань Линь Си («Ручей горного леса»)	0,100	480
3	Гуй Хуа У-лун («Цветы корицы»)	0,100	380
4	Пай Сян Цзинь Сюань («Золотой цветок с молочным ароматом»)	0,100	600
5	Жень Шень У-лун	0,100	650
6	Алишань («У-лун с горы Алишань»)	0,100	480
7	У-лун Цзаоча («У-лун с финиками»)	0,050	580
ГУАНЬДУНЬСКИЕ У-ЛУНЫ			
1	Фэн Хуан Дань Цун («Одинокий куст с горы Фэн Хуан»)	0,100	650
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ У-ЛУНЫ			
1	Бай Цзи Гуань («Белый петушиный гребень»)	0,100	950
2	Чань Нянь Лао Ча («Чай многолетней выдержки»)	0,050	1500
У-ЛУНЫ ИЗ АНЬ СИ			
1	Тегуань Инь	0,100	320
2	Тегуань Инь, особый	0,100	650
3	Тегуань Инь Ван («Императорский»)	0,100	850
4	Хуан Цзинь Гуй («Золотая корица»)	0,100	250
5	Хуан Цзинь Гуй («Золотая корица»), отборный	0,100	420
6	У-лун Ча	0,100	80
ЗЕЛЁНЫЕ ЧАИ			
1	Лю Ань Гуа Пянь («Тыквенные семечки из Лю Аня»)	0,100	420
2	Сюэ Хуа («Снежный цветок»)	0,100	250
3	Мао Фэн («Ворсистые пики»)	0,100	580
4	Люй Сю Цю («Зеленые скрученные шары»)	0,100	550
5	Люй Ча Ван («Зеленый князь»)	0,100	300
6	Си Ху Лун Цзин («Колодец дракона с озера Си Ху»)	0,100	650
ЖАСМИНОВЫЕ ЧАИ			
1	Моли Сю Цю («Жасминовые скрученные шары»)	0,100	550
2	Моли Юй Я («Жасминовые нефритовые почки»)	0,100	480
ЖЕЛТЫЕ ЧАИ			
1	Цзюнь Шань Инь Чжень («Серебряные иглы горы Цзюнь Шань»)	0,100	800
КРАСНЫЕ ЧАИ			
1	Дян Хун Те Цзи	0,100	390
2	Дян Хун Цзинь Хао	0,100	650
3	Ци Мэнь Хун Ча	0,100	200
4	Дян Хун	0,100	200
5	Нюй Эр Хун («Девичья краса»)	0,100	550
6	Ли Чжи Хун Ча	0,100	320
7	Чжень Шань Сяо Чжун («Малые кусты с горы Чжень Шань»)	0,100	320
ЧЕРНЫЕ ЧАИ			
1	Пуэр То Ча «Пуэр чаша»	1шт	200
2	Пуэр Сяо То Ча	0,100	160
НЕЧАЙНЫЕ ЧАИ			
1	Цзюй Хуа («Хризантема»)	0,040	190
2	Мэй Гуй Е-Шен («Дикая чайная роза»)	0,100	200
3	Люй Лянь («Семена лотоса»)	0,100	200
4	Гуй Хуа («Цветы корицы»)	0,100	420

ЗНАМЕНИТЫЕ ЧАИ КИТАЯ

Постоянно в продаже более 50 сортов
китайских знаменитых чаев - желтые,
зеленые, красные, черные, жасминовые;
тайваньские, южно- и
северноамериканские улун; посуда для
чая из фарфора и из исинской
красной глины; прогай гайная
цитварь.

Москва, ул. Покровка д. 41, магазин «БУДО-СПОРТ»
понедельник - пятница: 11:00 - 20:00, суббота - воскресенье: 11:00 - 18:00